Государственная Академия Истории Материальной Культуры

К
Я<407

А. Л. Якобсон

ТКАЦКИЕ СЛОБОДЫ И СЕЛА в XVII веке

(Кадашево, Хамовники, Брейтово и Черкасово)

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1934

1001727591

в рез 1 экз.
доб.
9с.

ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Выпуск 113

И
Я-467
П-39741р.
КС18
Я46
Резерв

А. Л. Якобсон

БИБЛИОТЕКА ЭФ
СТАТИСТИЧЕСКИЙ
КАБИНЕТ
СПбГУ

ТКАЦКИЕ СЛОБОДЫ И СЕЛА
в XVII веке

(Кадашево, Хамовники, Брейтово и Черкасово)

БИБЛИОТЕКА
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО Ф-ТА
ЛГУ 128497

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1934

Научная библиотека СПбГУ
1001727592

БИБЛИОТЕКА
экономического
факультета
СПбГУ

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	7
I. История производства	8
II. Организация производства	13
III. Состав продукции и организация труда	34
IV. Техника производства	49
V. Социальный состав слобод и природа рабочей силы	64
VI. Сырье, размеры и назначение продукции	95
VII. Заключение. Характеристика экономической природы производства хамовных сел и слобод	106

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КМ, III — „Крепостная мануфактура в России“, т. III, изд. Ак. наук, 1922 г.

АИ — „Акты исторические“.

Доп. к АИ — „Дополнения к Актам историческим“.

МОИДР — „Чтения в Московском Обществе истории и древностей Российских“.

СГГ и Д — „Собрание государственных грамот и договоров“.

РИБ — „Русская историческая библиотека“.

ЖМНП — „Журнал Министерства народного просвещения“.

ЖМЮ — „Журнал Министерства юстиции“.

ПСЗ — „Полное собрание законов“.

ТВЭО — „Труды Вольно-экономического общества“.

Древности — „Древности. Труды Московского археологического общества“.

ААЭ — „Акты Археографической экспедиции“.

Введение

В XVIII в. мануфактура «как специфическая капиталистическая форма общественного процесса производства»[1] получает в России, как известно, значительное развитие. Возникновение первых сравнительно развитых мануфактур наблюдается уже в первой четверти XVIII в. и даже в XVII в.[2]

К XVII же веку относится и предъистория этого процесса. Именно тогда создаются и непосредственные предпосылки для капиталистической мануфактуры. Больше того, для XVII в., вопреки пресловутым теориям «искусственности» капитализма в России, историк может отметить примеры того, как в процессе разложения феодально-вотчинного производства происходит перерождение его, ведущее к возникновению мануфактуры на месте этого производства. Изучение текстильного производства XVII в. дает прекрасный источник для такого наблюдения.

Конечно, во всей широте эта тема, требующая обширного конкретного материала, не может быть достаточно детально разработана в одной работе, поскольку совершенно конкретный источник, положенный в основу последней, определяет до некоторой степени и внешние рамки исследования.

Таким источником настоящей работы являются материалы XVII в., относящиеся к двум государевым хамовным слободам Москвы: Кадашевской и Хамовнической (иначе называемой Тверской-Константиновской) и двум хамовным селам Ярославского уезда Тимонинского стана: Брейтову с посадом Воронец «при нем» и Черкасову.[3]

Источники охватывают историю текстильного производства этих хамовных слобод и сел на протяжении трех четвертей века, начиная со второй четверти XVII в. Ближайшее изучение этих материалов показывает, что здесь мы имеем чрезвычайно сложный и противоречивый клубок явлений с беспрерывными экономическими и социальными сдвигами. Естественно, что статическое изучение материала здесь может дать меньше всего. Скорей всего

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I., 1930 г., стр. 276.

[2] Н. Б. Бакланов, В. В. Мавродин и И. И. Смирнов, Тульские и Каширские заводы XVII в., Изв. ГАИМК, вып. 98, 1934 г.

[3] Материалы эти: переписные книги, приходо-расходные книги, частные акты и пр. изданы Историко-археографическим институтом Академии наук в сборнике документов: «Крепостная мануфактура в России», т. III, Дворцовая полотняная мануфактура XVII в., изд. АН, 1932 г. В дальнейшем сокращенно цитируется: КМ, III. О всех других сокращениях см. список сокращений.

таким путем можно извратить общую картину. Основная задача исследования заключается в том, чтобы вскрыть и проследить самый процесс развития производства, его системы организации, его экономической и социальной природы и т. д. А процесс этот, как постараемся показать, заключался в разложении феодального вотчинного производства, каким было производство московских хамовных слобод и хамовных сел Ярославского уезда в XVII в.

I. История производства

Как уже отмечалось в литературе,[1] Кадашево впервые упоминается в источниках в начале XVI в. (1504 г.) в духовной грамоте Ивана Васильевича своим сыновьям: «Да ему ж (Василию. *А. Я.*) даю... село Воробьево и с Володимерским и з Семеновским и с Воронцовским, и с Кадашевым и з деревнями, как было при мне».[2] Таким образом, Кадашево, по крайней мере с конца XV в., являлось уже в виде вотчинного загородного поселка, т. е. поселка княжеских ремесленников — ткачей.

Можно только предполагать, что вотчинный характер этого поселка не является первым этапом его истории, но представляет собою результат освоения феодалом свободных ремесленников, что вообще характерно для эпохи раннего феодализма. Может быть, следом этого является само название слободы «Кадашево». Название это обычно выводят из терминов индийского происхождения, где, якобы, «кадаш» означает тонкое бельевое полотно, а «хаман» — столовое полотно.[3] По справке, которую мне дал покойный акад. С. Ф. Ольденбург, таких терминов в языках Индии нет. Между тем, в древне-турецких языках известен термин «кадаш» — товарищ, осмысляемый как общинник.[4] При таком толковании, название поселка «Кадашево» намекало бы на первоначальное существование здесь общины свободных ремесленников.[5] Так или иначе, в конце XV в. (а может быть и несколько раньше) этот ремесленный поселок вошел уже в систему хозяйства

---

[1] Напр., П. Смирнов, Московские ткани XVII в. и их привилегии, Ташкент, 1928 г., стр. 3.

[2] СГГ и Д, т. I, № 144, стр. 390. Важное добавление: «А что, которые мои дворы внутри города на Москве и за городом за моими бояры и за князьми и за детьми за боярскими, и за дворяны за моими, и за дворцовыми людми и за конюхи и за мастеры за моими — и те все дворы сыну же моему Василью».

[3] См. И. Забелин, Домашний быт русского народа в XVI и XVII вв., т. II, 1872 г., стр. 671. В последний раз эта точка зрения высказывалась С. Г. Струмилиным в вводной статье к КМ, III на стр. XV.

[4] А. Н. Бернштам, Роль кочевников в генезисе феодализма на Востоке. Статья печатается в «Сборнике сектора Востока Гос. Эрмитажа».

[5] Противоположную точку зрения высказывает П. Смирнов. (Ук. соч., стр. 3), который считает, что в начальный момент своей истории «население обоих поселков (Кадашева и Хамовников. *А. Я.*)... были «оборочники купленые», т. е. холопы. Следом такого происхождения остается наименование их ремесла хамовным делом и название слободки «Хамовники», хотя последнее замечание автором совершенно не аргументировано, да и по смыслу неясно.

московского князя. Производство полотна приобрело тот же вотчинный характер, какой носило оно и в других, помимо княжеского, феодальных хозяйствах этого времени (XV — начало XVI в.), правда, в несравненно более скромных размерах.

Наиболее ранний из известных мне примеров такого производства относится к середине XV в.: в духовной грамоте служилого человека Осипа Окинфова от 1495 г. среди завещаемых им дворовых людей упоминается «девочка бралья Плоскинина дочи Варварица».[1]

Немного более поздним примером может служить рядная грамота О. И. Плещеевой на приданое за ее дочерью от 1514 г., где читаем: «А людей своих даю... (перечисляет)... а деловых людей: Оситица хамовник Ондрюшкин сын... да конюх Митица Гришин сын, да жена его Оленка бралья скатертница... да тонкопрядица девка Окулиница Ондрейкова дочь, да убрусная девка бралья Марья Трухина дочь...»[2] Приведенный же здесь ассортимент хамовной выработки, как увидим ниже, в чрезвычайной степени напоминает ассортимент выработки «полотенной казны» хамовных сел и слобод XVII в. Совпадение характерно, и можно поэтому думать, по аналогии, что все эти скатерти бранные, убрусцы шитые и бранные и прочее, с которыми нам придется еще постоянно встречаться в XVII в., были в производстве Кадашева и в XVI, а может быть и в конце XV в.

За весь XVI в., за исключением приведенного упоминания в духовной Ивана III, нет никаких прямых известий ни о Кадашеве, ни о другой хамовной слободе XVI в., в то время еще Тверской, ни о селах Брейтове и Черкасове.

Наоборот, почти с начала XVII в. относящиеся к этому вопросу источники появляются в значительном количестве. В это время, в начале XVII в., мы застаем здесь уже вполне организационно-сложившееся производство, изучение которого дает полное основание заключить, что сложению этой организации предшествовал достаточно длительный процесс в XVI в. На это указывает, прежде всего, следующий факт: в списке 1648 г. сохранилась жалованная грамота 1622 — 1623 г. «какова дана на прежнею отца ж нашего... жалованную грамоту 122 г.», т. е. 1613 — 1614 г.;[3] обширные привилегии, которые она дает, не могли, разумеется, возникнуть сразу, на что указывает и П. Смирнов, по достаточно убедительным соображениям которого жалованная грамота 1613 — 1614 г. имеет свою непосредственную предшественницу в XVI в.[4]

К 1613 — 1614 г. относятся и первые указания на хамовное производство в Кадашеве, в Константиновской слободе в Твери,

---

[1] Акты юридического быта, т. I, стр. 548. Н. В. Калачев неверно понял термин «бралья» как имя собственное.

[2] М. Дьяконов, Акты к истории тяглого населения Московского государства, вып. II, Юрьев, 1897 г., стр. 2.

[3] КМ, III, стр. 82; П. Смирнов, ук. соч., стр. 7.

[4] Там же, стр. 7—8. О самой жалованной грамоте см. ниже.

в Брейтове и Черкасове. Этими слободами и селами ведал тогда Казенный Приказ, в расходной книге казны которого под 17 ноября 1613 г. мы впервые встречаем указание на жалованье кадашевцам в размере 100 рублей[1] — суммы достаточно солидной, соответствующей денежному жалованью, примерно на 140—145 окладных единиц[2] («дел»). Около 1614 г. Казенный Приказ выписывает иноземцев-ткачей.[3] Вскоре (точно сказать, когда именно — по имеющимся материалам трудно) хамовные села и слободы переходят в ведение к другому чисто дворцовому приказу — Государевой Мастерской Палате, существовавшей, как сообщает А. Успенский, с 1589 г.,[4] где остаются до учреждения в 1626 г. другого дворцового приказа — Приказа Царицыной Мастерской Палаты. В Приказ Государевой Мастерской Палаты еще в 134 г. (1626 г.) поступают оброчные деньги, пошлины с сел Брейтова и Черкасова.[5] Этот же приказ выплачивает жалованье хамовникам Тверской-Константиновской слободы и деловицам сел Брейтова и Черкасова,[6] как вероятно и Кадашева; сюда же поступают судные пошлины с Кадашева[7] и т. д., хотя самая Царицына Мастерская Палата уже в это время начала существовать,[8] но, очевидно, еще не в качестве административного учреждения. Таким образом, управление хамовным производством этот новый приказ принял спустя некоторое время после своего возникновения. До того Царицына Мастерская Палата представляла собой лишь небольшую придворную мастерскую, которая собственно и носила это наименование. О характере продукции этой «светлицы для государевых дел», как мастерская называется в документах, свидетельствует род отпускаемого туда материала: это чаще всего шелк, бархат, волоченое золото, «узорочные товары» и т. д., доставлявшиеся различными приказами: Государевой Мастерской Палатой, Казенным Приказом, Тайным, Посольским, Сибирским и др. приказами. Покупались материалы и в торговых рядах.[9]

Непосредственная и реальная связь с другими дворцовыми при-

---

[1] «По имянному приказу гос. иноки Марфы Ивановны постельничему и наместнику трети московские, К. И. Михайлову, да дьяку Ивану Федорову на 2 избы на кадашевские, да кадашевцам на жалованье 100 рублев» (А. Викторов, Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов, вып. I, 1877 г., стр. 67).

[2] В 1630—1631 г. в Кадашеве по переписной книге насчитывается $189^1/_2$ дел.

[3] На это указывают упоминаемые в документах расходы на покройку «платья литве» — 2 хамовникам-полякам «для их крещения»; Викторов, ук. соч., вып. I, стр. 71.

[4] А. Успенский, Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов, М., 1906 г., стр. 173.

[5] Викторов, ук. соч., вып. I, стр. 240—241.

[6] Там же, стр. 242.

[7] Там же, стр. 244.

[8] Организована она незадолго до женитьбы Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной в начале 1626 г. Первое упоминание о ней относится к 31 января 1626 г. См. Викторов, ук. соч., вып. I, стр. 324.

[9] Викторов, ук. соч., вып. I, стр. 342, 350.

казами сохраняется в значительной степени и в дальнейшем. Так, например, кроильная мастерская Казенного Приказа еще в 1638 г. работает главным образом для Царицыной Мастерской Палаты,[1] Государева Мастерская Палата постоянно отпускает в течение всего XVII в. материал Царицыной Мастерской Палате.[2] Персональная связь поддерживается и с Тайным Приказом,[3] о чем нам придется еще говорить ниже.

В конце 20-х гг. Царицына Мастерская Палата превращается в административное учреждение, которому передаются все хамовные предприятия.[4] Возможно, что по этому поводу в 1630—1631 г. и было предпринято составление переписной книги по центральной хамовной слободе — Кадашеву. Появление нового хозяина в лице Приказа Царицыной Мастерской Палаты, которому переданы были эти села и слободы — ни в отношении размеров выработки, ни, тем более, в отношении организации производства — никаких изменений не внесло, если не считать увеличения продукции лишь по трем видам выработки (из 19): по тверским полотнам (на 44%), по тройным полотнам (на 16%), и резкого увеличения производства столбцов хлопчатых скатертей, тогда как размеры производства большинства видов продукции остались почти без изменения,[5] а по Брейтову и Черкасову — даже несколько снизились.[6]

Ко времени, которое предшествовало началу деятельности Царицыной Мастерской Палаты, относится одно существенное организационное изменение: хамовная Константиновская слобода в Твери переводится в Москву на территорию в стороне Новодевичьего монастыря и в дальнейшем именуется Хамовной слободой, Хамовниками. В 1627 г. она уже находится на этом месте,[7] но переведена, вероятно, незадолго перед этим. Еще в 1635 г. она называется «новой».[8] Перевод этой слободы в Москву И. Е. Забелин

---

[1] Викторов, ук. соч., вып. I, стр. 145 сл.

[2] Там же, стр. 273—275.

[3] Там же, стр. 318; А. И. Заозерский, Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, 1917 г., стр. 325.

[4] Впрочем, и до того Государева Мастерская Палата была лишь, так сказать, управляющим этими селами и слободами. Средства же, повидимому, шли из Приказа Большого Дворца (КМ, III, стр. 46; для конца XVII в. — КМ, III, стр. 131—132; об этом см. ниже). Имеются также указания, что Брейтово и Черкасово ведались сначала не в Приказе Царицыной Мастерской Палаты, а в Постельном Приказе (1632 г. — КМ, III, стр. 57; у П. Смирнова, ук. соч., стр. 8 — о Постельном Приказе — ошибка), персонально через своего дьяка Сурьянина Тараканова, связанного и с Государевой Мастерской Палатой; первоначально он же дьяк Приказа Царицыной Мастерской Палаты, так что это ведомственное переплетение компетенций различных, но чисто дворцовых приказов не должно особенно нас смущать, хотя точные границы сфер компетенции этих 3-х приказов нам для этого периода и не совсем ясны.

[5] КМ, III, стр. 212—213.

[6] Там же, стр. 215.

[7] Там же, стр. 106. В писцовой книге Твери 1626 г. Константиновская слобода уже не упоминается. См. «Выпись из тверских писцовых книг Потапа Норбекова и Богдана Фадеева», Тверь, 1901 г.

[8] Забелин, Домашний быт русского народа, 1872 г., т. II, стр. 474—477.

объясняет желанием заместить существовавшую в XVI в. Белильную слободу (в районе Ордынки, называвшуюся иначе Екатерининской слободой), поставлявшую к двору белевую пряжу, но окончательно заглохшую еще в «смутное» время.[1]

Позже, во второй половине XVII в., в результате «морового поветрия» в Кадашеве 1654 г. и вследствие необходимости пополнить слободу, сюда переводят 25 семейств хамовников из Брейтова[2] и безденежно отдают им выморочные дворы (как, впрочем, и многим другим «новопришлым»). Отдельные пополнения брейтовцами запустевших дворов в Кадашеве иногда целыми группами продолжаются и позднее, например, в 1665 г.,[3] и далее, вплоть до самого конца XVII в. (1697 г.).[4] Эти систематические переселения ткачей, как и привлечение «новопришлых», каждый раз должны были пополнять состав ткачей московских хамовных слобод. Приказ Царицыной Мастерской Палаты всячески стремился не допускать падения размеров выработки. И действительно, размер выработки, например, для Кадашева, остается почти на одном уровне до самого конца XVII в., если не считать вновь поставленного в конце века производства парусного полотна. В середине XVII в. (1658—1661 гг.) строится новый обширный каменный хамовный и белильный двор в Кадашеве.

В дополнение к сказанному приведем все имеющиеся данные о размерах наших слобод и сел, причем показателем приходится взять количество дворов и положенного на них хамовного оклада, выраженного в «делах», так как численный состав населения имеется только для Брейтова и Черкасова и то лишь за 1681—1682 г. Для удобства сведем эти данные в таблицу (см. табл. I на стр. 14—15).[5]

Текстильное производство в Кадашеве и Хамовниках к концу 90-х годов XVII в. начинает глохнуть, а в Брейтове и Черкасове — и того раньше.[6] Дольше всего существует производство в Кадашевской слободе, продолжаясь еще в 1698 г.[7] В Хамовной слободе производство, видимо, прекращается с 1694 г.[8]

---

[1] Забелин, Домашний быт русского народа, т. II, 1872 г., стр. 474—477.

[2] См. строильную книгу по Кадашеву 1656 г. (КМ, III, стр. 16—37).

[3] КМ, III, стр. 92.

[4] Опять-таки вследствие «морового поветрия», как сообщает документ. КМ, III, стр. 136.

[5] Сообщение Котошихина, что количество дворов в Кадашеве «болши 2 000» — явное недоразумение. Г. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 3-е, 1884 г., стр. 120.

[6] В 1696 г. воевода сел Брейтово и Черкасово сообщает: «что многие хамовники и хамовницы от хлебной скудости из тех сел идут врозь». Приказ Царицыной Мастерской Палаты, не имея, видимо, уже никаких шансов удержать их, отдает совершенно номинальное распоряжение отпустить их, ограничиваясь в своем ответе воеводе лишь выражением надежды, что они вернутся, и предписанием на всякий случай собрать по них поручные записи. КМ, III, стр. 103—104.

[7] КМ, III, стр. 137—138.

[8] Там же, стр. 214, речь здесь идет, конечно, о «государевом деле», а не о работе на дому для себя или вообще в личное распоряжение хамовника.

Важно подчеркнуть одну характерную черту для этого конечного периода истории производства: начиная с 1693 г. подворные оклады хамовной повинностью в виде «дел» в Кадашеве исчезают вовсе и заменяются денежным оброком.[1]

То же произошло, надо думать, и в Хамовной слободе.

В 1700 г. или около того Царицыну Мастерскую Палату присоединяют снова к Государевой Мастерской Палате: сюда, например, в 1700 г. поступает оброк с хамовных сел Брейтова и Черкасова,[2] сюда же не позднее 1700 г. входит, наконец, и штат царицы и царевен.[3]

Хамовная же слобода (Хамовники) с самого начала XVIII в. вступает в круг совсем иных экономических условий: в 1709 г. здесь возникает первая казенная полотняная фабрика, существовавшая впрочем совсем недолго, а в 1718—1720 гг. — первая полотняная мануфактура в России, принадлежащая компании во главе с иноземцем Иваном Тамесом[4] — предприятие, судя по изданным материалам, с достаточно ясно выраженным капиталистическим характером. Кадашевская же слобода в самом начале XVIII в., по сведениям А. Успенского, переходит в ведение Московской Ратуши.[5] Хамовный двор был превращен при Петре в суконный двор.[6]

В этой истории хамовных предприятий, представляющих первое крупное текстильное производство в России, интересней и важней всего проследить процесс если не полного перерождения организованного на чисто феодальных началах предприятия в капиталистическое, то основную тенденцию — тенденцию разложения вотчинного производства, тенденцию разложения феодальных отношений с одновременным усилением феодальной эксплуатации, что так характерно для XVII в.

К исследованию этого процесса мы и перейдем.

II. Организация производства

Итак, мы имеем дело с четырьмя дворцовыми поселками — двумя селами Ярославского уезда и двумя городскими московскими слободами, представляющими собой вотчины московского государя. В них сконцентрировано[7] и его, государя, текстильное производство — преимущественно производство полотна. Эти четыре поселка по существу представляют четыре производственных единицы.

---

[1] Викторов, ук. соч., вып. I, стр. 367.
[2] Там же, стр. 285.
[3] Там же, стр. 287.
[4] И. Власов, Полотняной фабрики директор Иван Тамес, Труды Ив.-Вознес. губ. научн. о-ва краеведения, вып. V, 1928 г.
[5] А. Успенский, ук. соч., стр. 173—174. Отсутствие изданий документа, подтверждающего это сообщение, лишает нас возможности его проверить.
[6] Забелин, Домашний быт русского народа, т. II, 1872 г., стр. 678.
[7] КМ, III, стр. 35.

Таблица I

Годы	Кадашево		Хамовники		Брейтово и Черкасово	
	Количество дворов	Количество «дел»	Количество дворов	Количество «дел»	Количество дворов	Количество «дел»
1626	—[1]	—	—	—	Б. Ч. —	$158^3/_4$
1630—31	413	$189^1/_3$	38	—	Б. Ч. —	—
1632	265	—	38	29[2]	Б. Ч. —	—
1638	—	—	—	—	Б. Ч. —	$175^1/_2$[2]
1653	441[3]	—	92[4]	—	Б. Ч. —	—
1659	—	—	—	28[2]	Б. Ч. —	—
1669	—	—	—	—	Б. 159 Ч. 89 248	—
1670	—	—	—	—	Б. Ч. 248	$200^1/_3$[2]
1682	510 (426)[5]	191 (140)[6]	127 (89)[5]	$51^3/_4$ $\left(36^3/_4\right)$[6]	Б. 155 Ч. 138 293	$109^1/_8$ $82^1/_2$ $191^5/_8$
1696	—	—	—	—	Б. Ч. 300	$200^1/_3$[2]

[1] Тире обозначает, что данных нет.
[2] Забелин, Домашний быт русского народа, т. II, 1872 г., стр. 674.
[3] Из них 69 нищих и убогих (П. Смирнов, Моск. ткачи),
[4] Из них 22 двора вдовьих (там же).
[5] В скобках число дворов собственно хамовников, т. е. выполняющих хамовное тягло.
[6] В скобках число «дел», с которых фактически выполняется хамовная повинность.

Для хамовных слобод, прежде всего, особенно характерна замкнутость, резкая обособленность от московского посадского мира, с большой настойчивостью поддерживаемая самими вотчинниками — царем и царицей и их исполнительным органом по отношению к слободам — Приказом Царицыной Мастерской Палаты. Корни этой обособленности лежат, конечно, в тех особенно благоприятных экономических условиях, в которые, благодаря обширным привилегиям, были поставлены Кадашево и Хамовники сравнительно с другими слободами и сотнями Москвы. В таком положении хамовные слободы мы застаем в начале XVII в. Нам еще предстоит выяснить, что фактически крылось за этим внешне как будто общим благополучием и кто фактически являлся носителем этого благополучия.

Пока ограничимся констатированием того факта, что в хамовных слободах разрешалось жить только выполняющим хамовное тягло, причем независимо от того, кто будет это «хамовное дело» делать — лично ли владелец или его жена или хотя бы наемный работник. Надо сказать, что положение это вообще характерно для древне-русского права до XVIII в. В практике московских хамовных слобод — это строжайшее правило. Например, в строильной книге 1656 г. читаем: «Дв. был кадашевца Степана Тиханова..., осталась дочь ево девица, шла замуж за Кадашевскую слободу суконные сотни за Василья Шиловцева; и по государеву указу тот двор продан новопришлому кадашевцу — Федоту Тобалину з государева хамовного двора; живет в том дворе он, Федот»,[1] т. е. двор отобран Приказом Царицыной Мастерской Палаты, так как прекратилось несение тягла. Или, например (1676 г.), «Дана даная из Приказу Мастерские Палаты... (таким-то) ... на двор дяди их двоюродного хамовника... Велено им тот двор по родству продать хамовником, а самим не владеть».[2] Велят продать, так как они — не хамовники. Но разрешение продать двор здесь, видимо, знак особой милости. В других случаях, наоборот, продавать не велят, но лишь за тем, чтобы попросту его конфисковать.[3]

К концу XVII в., как и многое другое в крепостнически организованном производстве, это правило потеряло всякий смысл: в конце XVII в. мы встречаем в слободах довольно значительную группу лиц, вовсе не несущих никакого хамовного тягла и вообще не имеющих никакого отношения к царскому хамовному производству, подобно тому как существует еще более значительная группа хамовников, вовсе не живущих в хамовных слободах. Но это было уже одним из результатов всего процесса разложения феодально-вотчинного производства.

Население хамовных сел и слобод является тяглым, причем самое тягло, в отличие от обычного посадского тягла, полностью

[1] КМ, III, стр. 35.
[2] Там же, стр. 98.
[3] Там же, стр. 97 конец.

натурализовано в виде одной «хамовной» повинности, т. е. тягла «здельем», заменившего собой почти все другие виды тягла натурального или денежного, обязательные для черных и волостных людей. В жалованной грамоте кадашевцам и хамовникам Хамовной слободы (Тверской-Константиновской) 1613—1614 г. значится: «с черными сотнями никаких им дел не делати и не тянути ни в чем, опричь нашего наплечного дела», а в грамоте 1648 г. указывается, что «кадашовцом и нашие Хамовные слободы — тягла и всяких податей на давати».[1]

Такая замена, специализация натурального тягла отнюдь не являлась исключением ни для XVII, ни для XVI в. и, наоборот, была обычным явлением, сопровождавшим развитие царского вотчинного хозяйства этого периода. Как общее правило, на таком положении находились целые группы ремесленников. В 1548 г., например, рыболовы Борисоглебской слободы освобождены от всякого тягла с посадскими и волостными людьми, с обязательством, взамен того, ловить на дворец рыбу.[2]

Прежде всего установим номинальное положение наших хамовников. Окладной единицей для тяглецов хамовных слобод и сел является определенного размера земельный участок под дворовыми постройками, с прилегающим к ним огородом и прочим, т. е. приусадебной землей, находящейся во владении хамовника, а в селах, кроме того, и определенный участок полевых угодий; данному земельному владению соответствует определенный размер хамовной повинности, выраженной в «делах».

В хамовных селах Брейтове и Черкасове усадебный участок номинально был равен 200 кв. саженям. Кроме того, «натуральной» заработной платой являлся и определенный участок земли в поле: «дано де им великого государя жалованье под лен по полудесятине на дело в поле, а в дву потому ж».[3] На «дело» приходилось таким образом «6 четвертачков», т. е. полторы десятины. Однако, на целом «деле» сидел редко кто: в большинстве сидели на $^3/_4$ «дела» и $^1/_2$ «дела». К сожалению, этих данных за первую половину века нет, а за вторую в издание не вошли, за исключением данных за 1681—1682 г.[4] Дробность оклада здесь — характерная черта, как это видно из таблицы II.[5]

Навряд ли существенно иным было положение в первой половине XVII в., как о том дает возможность догадываться материал по Кадашевской слободе.[6]

Здесь, опять-таки номинально, размер земельного участка, составляющего единицу хамовного оклада, равен 270 кв. саж. К та-

---

[1] КМ, III, стр. 83—84.
[2] ААЭ, I, № 324, стр. 385.
[3] КМ, III, стр. 39 и 175.
[4] Там же, табл. 6.
[5] Таблица касается Брейтова и Черкасова вместе.
[6] О Хамовнической слободе мы таких точных сведений в изданных материалах не имеем.

Библиотека экономического факультета ЛГУ
ПОГАШЕНО
128497

Таблица II

Количество дворов	Количество «дел»	В % (в отношении количества дворов)
1	$2^1/_8$	0,4
1	$1^7/_8$	0,4
1	$1^3/_4$	0,4
1	$1^5/_8$	0,4
6	$1^1/_2$	2,1
4	$1^3/_8$	1,4
1	$1^1/_3$	0,4
3	$1^1/_8$	1,1
11	$1^1/_4$	4,0
38	1	13,0
13	$^7/_8$	4,5
2	$^6/_8$	0,8
18	$^5/_8$	6,2
52	$^3/_4$	17,7
93	$^1/_2$	31,7
18	$^3/_8$	6,2
19	$^1/_4$	6,6
4	$^1/_8$	1,2
1	пустые	0,4
3	бобыльские	1,1
290[1]	$190^{23}/_{24}$[1]	100

кому заключению приводит, например, переписная книга 1659 г.[2] Общее число окладных «дел» в Кадашеве в 1630—1631 г. было $189^3/_4$, но и здесь на каждого владельца двора редко приходилось целое «дело», а больше чем «дело» — еще реже; большинство дворов находилось на $^1/_2$ «деле» и $^1/_4$ «дела». Распределение «дел» в 1630—1631 г. по дворам (а их было 413) показывает таблица III.[3]

Дробность надела проходит характерной чертой через всю историю хамовных сел и слобод в XVII в., вплоть до момента, когда самый земельный участок перестал быть основой для окладной системы.

[1] Данные окладной книги 1681—1682 г. (КМ, III, стр. 45) не совсем совпадают с данными в переписной книге 1682 г. (КМ, III, табл. 6):

	Число дворов	Число «дел»
Окладн. кн. 1681—82 г.	293	$191^5/_8$
Переписн. кн. 1682 г.	290	$200^{17}/_{24}$

Последняя цифра не совсем соответствует данным, положенным в издании в таблицу. Наша цифра — результат подсчета самих данных таблицы.

[2] Полностью не издана. См. К. Базилевич, Кадашевцы, дворцовые ткачи полотна в XVII в. — историч. сб. «Труд в России», № 2, 1924 г., стр. 5. Отрывок издан у Викторова, ук. соч., вып. I, № 901, стр. 366.

[3] Данные: КМ, III, стр. 16.

Таблица III

Количество дворов	Количество «дел»	В %
3	$1^1/_2$	0,7
23	1	5,6
10	$^3/_4$	2,4
214	$^1/_2$	51,8
163	$^1/_4$	39,5
пустые дворы	7 «дел»	—
413	$189^3/_4$	100

В своей челобитной 1649 г. гости и торговые люди гостиной и суконной сотни указывают, что «в одном Кадашове болши штисот человек, а преж, государь, в Кадашове... бывало на деле по одному человеку, а ныне государь, живут на деле человека по три и по четыре».[1]

Мало того, в XVII в., повидимому, начало исчезать и точное соотношение, верней сказать, соответствие размера земельного участка и хамовного оклада. Если переписная книга 1630—1631 г. не сообщает размера окладного участка, давая лишь размер самого оклада («целое дело», половина «дела» и т. д.) и его натуральное выражение, то переписная книга 1659 г., в которой имеются данные о размере земельного участка, фиксирует это несоответствие, как ставшее вполне обычным явлением.[2]

Еще более разительную картину в этом отношении дают данные за последнюю четверть века, содержащиеся в записных книгах купчим и данным по Кадашевской и Хамовной слободам. Колебания размеров земельного участка, соответствующего одному «делу», доходят здесь до 100%. Например: двор Автонома Гаврилова на четверти дела = 10 саж. × 4 саж. 2 арш. 4 вершк., т. е., примерно, 163 кв. сажени на «целое» дело; бывают, хотя редко, и еще меньше: двор Давыда Борисова на $^3/_4$ дела =

$$= 10 \text{ саж. } 2 \text{ арш. } 6 \text{ верш.} \times \begin{cases} 5 \text{ саж. } 2 \text{ арш. } 4 \text{ вершк.,} \\ 5 \text{ „ } 1 \text{ „} \end{cases}$$

т. е., примерно, 125 кв. саж. на «целое» дело; зато двор Ефимьи на одной восьмой «дела» имеет размеры: 6 × 7 саж., т. е. на целое дело пришлось бы 336 кв. саж. В другом случае 456 кв. саж., но это редко.[4] Все же основная по численности группа земельных

[1] Доп. к АИ, т. III, № 47, I, стр. 155.
[2] К. Базилевич, ук. соч., стр. 6.
[3] Т. е. участок имел трапецевидный план.
[4] КМ, III, стр. 221, 223, 22[illegible], 241; однажды (стр. 231) мы встречаем совершенно исключительный случай: двор на $^1/_8$ «дела» имеет размеры: 9 саж. 2 арш. 1 в. × 22 с., т. е. на целое дело здесь пришлось бы 1 584 кв. саж. Не опечатка ли в издании?

участков продолжает оставаться с размером близким к норме, с небольшим от нее отклонением: 240, 252, 248, 216, 268 и т. д.

По этому поводу Базилевич говорит: «Переписные и окладные книги быстро переставали отражать реально складывавшиеся отношения между тяглецами слободы... Размер их владений — результат сложного взаимодействия экономической и бытовой жизни слободы: продаж, залогов, отказов и никогда не умолкавшей борьбы соседей за выдвинутый кол забора и прихваченный аршин земли».[1]

Но вопрос как раз и заключается в том, чтобы вскрыть это «сложное взаимодействие экономической и бытовой жизни слободы», по отношению к которым эти бесчисленные продажи, залоги и прочее являлись не более, как следствием. Однако, вырвать этот частный вопрос из общей связи невозможно; ясный ответ на него приходится отложить до изучения всей совокупности материала о социальном строе хамовных слобод и сел, ибо указанный вопрос, как увидим, теснейшим образом переплетается с многими другими, характеризующими в целом одну и ту же тенденцию в экономическом и социальном развитии этих слобод и сел.

Но одно предварительное заключение по приведенным данным мы можем сделать сейчас же: окладная система, в основе которой лежал строго определенного размера земельный участок, к середине XVII в. начала, очевидно, терять свой смысл, фактически утрачивать свое значение. Логически отсюда вытекало и несоответствие величины хамовной повинности, т. е. размера «зделья» и данного земельного участка, раз последний перестал быть определенным. Фактически так оно и было. Но, прежде чем документировать это утверждение, необходимо выяснить еще одну существенную черту в организации хамовного тягла.

Дело в том, что за определенным двором, положенным на хамовный оклад («дело» или часть его), закрепляется строго определенный вид и размер изделий, и эта типично крепостническая черта сохраняет здесь силу до самого конца XVII в., но чем дальше, тем в меньшей степени.

Вот, например, тяжба двух хамовников Хамовной слободы (1632 г.): спорят о том, кому делать скатертное дело с купленного одним у другого двора. Один из челобитчиков указывает, что в «прошлом, гос., в 139 г. купил у меня холопа твоего тот Федор двор мой в Хамовной Слободе на скатертном месте, и такое скатертное дело с меня снял».

Смысл этого общего положения, вообще говоря, довольно ясен: казна таким путем стремится обеспечить точное выполнение данных ею заданий отдельным хамовникам: частые продажи, заклады и прочее, т. е. перемены владельцев дворов, положенных на данный вид и определенное количество выработки, могли, понятно, сбить всю

[1] Базилевич, ук. соч., стр. 6.

разверстку «белой казны», то есть сорвать «производственный план» Хамовного Двора. Поэтому исключения из этого правила казною допускаются лишь в тех случаях, когда перемены не повлекут за собой никакого для нее ущерба. Так, например, в данном случае, другой челобитчик по этому же делу указывает, что «уговор у меня с ним, Федотом, был, что тот двор продати ему за пряжное за полдела, а скатертное дело с тово двора он, Федот, перевел на себя, что делати ево Федотове жене попрежнему скатертное дело».[1] Просьба последнего челобитчика была удовлетворена. Таким образом, ясно, что с переменой хамовником двора связана перемена и вида хамовного изделия, и это является нормой, отклонение от которой, как в данном случае, должно сопровождаться особым договором, и притом, можно думать, с обязательной санкцией Приказа Царицыной Палаты. Однажды (1679 г.) туда и обращается челобитчик с просьбой о замене $^1/_8$ «дела» — бранье задейчатых скатертей — тканьем двойных и тройных полотен, указывающий при этом (без чего, надо думать, безнадежно было бы и подавать челобитье), что «а есть, государь, осьмуха земли в лишках, и с той земли дела не делают. А есть другая осьмуха земли дело пряжи тройной (т. е. на тройные полотна. *А. Я.*), а к той пряжи хамовника нет».[2]

Речь, следовательно, и здесь идет об обмене, который, по мнению челобитчика, не нарушит годовой разверстки приказа Царицыной Мастерской Палаты. Мы сознательно взяли два примера, хронологически друг от друга отдаленные. Ими ограничимся.[3]

В связи с этим закрепление за данным земельным участком строго определенной величины и вида изделий, несмотря на изменение (обычно оно выражалось в сокращении) самого земельного участка, приобретает для нас особенный интерес. Явление это получает развитие преимущественно со второй половины XVII в., но и то, что мы видим хотя бы в 30-х годах, достаточно ясно характеризует общую тенденцию — именно усиление крепостнической эксплуатации хамовника: при данном, неизменившемся размере «натуральной заработной платы», т. е. земельного участка — размер отработочной ренты (хамовной повинности) фактически повышается.

На этом следует подробно остановиться: это один из основных моментов исследования.

Вполне понятно, что несоответствие размера положенной выработки номинальному окладу с данного земельного участка появляется не сразу: для первой половины XVII в. мы имеем лишь отдельные, хотя и достаточно многочисленные факты; определенное явление лишь намечалось. Здесь следует обратить внимание на факты совершенно особого типа — именно несение хамовного тягла с пустого участка. Например, в переписной книге 1630 —

[1] КМ, III, стр. 79.
[2] Там же, стр. 63 — 64.
[3] Ср. там же, стр. 20 и 64.

1631 г. значится: «Дв. Ивана бердника на полуделе, да у него ж Ивана четь земли лежит впусте в Козьмодемьянской улице, а государево без чети дело делает бердное».[1] В другом подобном случае читаем: «...у него ж... полдела пустое земли за государевым за хамовным двором, государево дело с нее делает хамовное».[2] В приведенном примере важно то, что пустая земля находится в ведении Хамовного Двора, т. е. администрации, но эта отчужденность земельного участка, как видим, не освобождает номинального ее владельца от тягла. Число таких фактов достаточно велико, чтобы не считать их случайными.[3] Ниже эти и подобные факты будут объяснены, а пока перейдем к данным за вторую половину XVII в.

Прежде всего интересно то, что по строильной книге 1665 г. пустые места почти отсутствуют, они заполнены «новопришлыми» и переведенными сюда брейтовцами, причем последним исключительно, а первым довольно часто дворы даны безденежно. Однако, самый состав этой строильной книги не дает возможности проследить, соблюдается ли соответствие величины положенного оклада, т. е. количества выработки изделий и размера окладного земельного участка, ибо в книге как раз отсутствуют указания на величину выработки. Приходится обратиться поэтому к данным несколько более поздним.

Вот, например, дело о спорном дворе в Кадашеве от 1673 г. Один из спорящих (бывший брейтовец), Кондрашка Матвеев, сообщает, что свой дом он заложил, затем дом сгорел, а место у него отняли по ложному челобитью другого кадашевца. Лишившись двора, т. е. самой окладной единицы, он все же продолжал нести хамовную повинность в прежнем размере. «А ныне кадашевские старосты мимо ево Радиона твое государево дело взяли на мне, холопе твоем, против прежнего, а землей владеет он, Радион Власов».[4] Но, может быть, это — исключительный случай? Оказывается, однако, что и до всей этой истории Кондратий Матвеев еще при переводе из Брейтова в Москву получил земли четверть «дела», хотя делал он «против прежнего» $^1/_2$ «дела» бранье задейчатых скатертей; и лишь «после пожару приказная Татьяна Шилова подле того двора смежно порозжей земли другую четверть дела [дала], потому что он, Кандрашка, с первой четверти дела (т. е. с земельного участка номинально соответствующего $^1/_4$ «дела», *А. Я.*) государево дело делал с полудела».[5] Значит, соответствия не было и сначала, причем продолжалось это, повидимому, достаточно долго. Во всяком случае ясно одно: при всех многочисленных переменах в размерах землевладения нашего када-

---

[1] КМ, III, стр. 2.
[2] Там же, стр. 4.
[3] Там же, стр. 2, 3, 4, 8, 9, 10, 11, 12, 16.
[4] Там же, стр. 97.
[5] Там же, стр. 98.

шевца,[1] величина хамовной повинности, установленная для него первоначально, остается без изменений. Или вот, например, — допросная речь кадашевца Сергея Юрманова от 1697 г. (сообщаемый в документе и интересующий нас факт относится к 1686 г.). Сергей Юрманов сообщает, что «. . . они, Фетька и Серешка, поговоря меж себя полюбовно, договорились [:] дворовой земли под ним Фетькою толька четверть дела, а государское де дело делаю с полудела земли пряж тройных полотен»,[2] причем это несоответствие навряд ли только что перед тем возникло.

Может показаться, что наличие документов, вроде цитированных, указывает лишь на ненормальность, необычность таких несоответствий. Но против подобного предположения говорит хотя бы уже отмеченный факт несения хамовного тягла с пустого участка. Кроме того, в деле о спорном дворе, откуда нами взята цитата, челобитчик жаловался не на несоответствие земельного участка хамовному окладу (не это его смущало), а на неправильно взысканные с него деньги и на лишение его земельного участка. Можно, поэтому, думать, что отмеченное несоответствие редко встречается в документах не потому, что само явление было редким, а потому, что оно к этому времени — 70 — 80 гг. — стало вполне обычным, стало нормой, хотя номинально такие случаи и продолжали числиться исключениями. Но дело то в том и заключается, что к этому времени вся описанная система организации хамовного тягла в московских хамовных слободах почти потеряла всякий смысл; она явно отживала, сменяясь, хотя не сразу, совсем иным порядком. При этом характерно, что старая система, уже не имеющая почти никакого практического значения, продолжала номинально существовать. Упоминавшийся только что брейтовец Кондрашка Матвеев получает от приказной боярыни «недостающую» ему четверть «дела» земли. Но навряд ли эта прибавка, восстанавливающая status quo, в каком-либо отношении повлекла перемены в положении нашего хамовника. Он уже давно, повидимому, работал на «Большом Государеве Хамовном Дворе», на определенном помесячном или поденном жалованьи. Счет по «делу», «полуделу» и т. д. навряд ли здесь имел практическое значение.

Итак, мы в праве заключить, что, начиная с первой четверти XVII в., а особенно со второй половины века, в организации слобод, в системе организации хамовного тягла происходили значительные, можно даже сказать — решительные, перемены.

Исследование этого вопроса начнем с рассмотрения того, что значит и как появилось «зделье» с пустого участка.[3]

---

[1] Изменение выразилось здесь прежде всего в сокращении, и длилось это положение довольно долго, пока приказная боярыня Шилова не прибавила земли.

[2] КМ, III, стр. 135.

[3] Тягло с пустого участка здесь несет не мир в целом, а именно тот хамовник, за которым этот пустой участок числился.

Здесь чрезвычайно важное значение приобретает один, как будто бы частный, вопрос о том, работают ли ткачи, ткачихи и пряльи на дому, или объединены в общем помещении на семеренном дворе (в хамовных селах) или хамовном дворе (в Кадашеве).

Можно с полным основанием предполагать, что в первой половине XVII в. постоянно, а во второй половине отчасти работа ткачей, ткачих, не говоря уже о прядильщиках и пряхах, производилась на дому.

Доказательств этому можно привести достаточно.

Например: приказчик Царицыной Мастерской Палаты в селах Брейтове и Черкасове (1632 г.), собрав сход хамовников и деловиц, «...им говорил и заказывал, чтоб... хамовники и делавицы... от государева от пряжного дела и от своего от пряжного дела счески и хлопье собирали и на сторону никому не продавали и не отдавали...» [1] Очевидно, что работали эти деловицы и хамовники на дому, иначе было бы непонятно обращение приказчика. [2] За вторую половину века столь же прямых указаний мы не имеем, зато сам факт строго определенного натурального выражения хамовного тягла в отношении количества и рода изделия, как увидим ниже, с полной определенностью говорит о том, что по большей части работа производилась не на хамовном дворе. В противном случае, самый оклад, как увидим, теряет свое определенное выражение. В Брейтове и Черкасове этого нет.

Впрочем, производственные постройки, в которых работали деловицы, здесь существовали — это так называемый «семеренный двор», т. е. помещения в виде семи срубов, но появляются эти постройки навряд ли много раньше середины XVII в.: первое упоминание о них относится лишь к 1669 г., [3] в то время как в Кадашеве производственные постройки известны уже в 1613 г. (об этом см. ниже). В 1669 г. семеренный двор в Брейтове расширяется: строится тройня и две двойни, кроме того, двор приказчиков; [4] возможно, что, примерно, в это же время (1678 г.) над семерней надстраивается 2-й этаж: «на государеве семеренном дворе зделаны вновь 3 лесницы на двои двери...» [5]

Расширение хамовного двора в ярославских селах именно во второй половине XVII в. — явление, как увидим, не случайное. Но и эти постройки, несомненно, не в состоянии были вместить в себя даже половины занятых «государевым хамовным делом» деловиц и хамовников: в 1652 г. по Брейтову и Черкасову их числилось 557, а в 1678 г. — уже 645. [6] Заметим еще, что прядение и в это время, т. е. во второй половине XVII в., производилось, вероятно, исключительно на дому: занятым изготовлением пряжи выдается

[1] КМ, III, стр. 57.
[2] Там же, см. еще стр. 78 (от 1631 г.).
[3] Там же, стр. 38, 42.
[4] Там же, стр. 38.
[5] Там же, стр. 42.
[6] Там же, 175.

специальное жалованье на лен,[1] что навряд ли было бы при работе на «семеренном дворе».

То же в Кадашеве: в первой половине XVII в. в основном работа также протекала на дому, во второй половине века — лишь частично. Тут указания следующие:

1. Переписная книга 1630 — 1631 г.[2] в большинстве случаев приводит совершенно точно по роду и размеру изделий оклад деловиц и хамовников, сидящих на «делах», что уже одно говорит против того, что они работали на хамовном дворе; в последнем случае этого точного обозначения, как сейчас покажем, не было, указывалось лишь: «а государево дело хамовное делает». Иноземцы же в 1630—1631 г. все целиком находятся на таком положении; между тем известно, что специально для них существовала на хамовном дворе особая «изба».[3]

2. Самые производственные постройки по своим размерам были слишком невелики, чтобы разместить в себе более или менее значительную массу ткачей. Помимо того, в первой половине XVII в. существовали эти «избы» только для бралий и швей посольских скатертей и убрусов, да и то построены они были только в 1625 г., до этого существовала, как будто, только изба для ткачей-иноземцев.[4] Лишь новые хамовные палаты, построенные в 1658 — 1661 гг., несравненно бо̀льшие по своим размерам, смогли вместить в себя значительную массу хамовников и хамовниц Кадашева, хотя, разумеется, далеко не полностью. Каменное здание «палат» было двухэтажное с двумя палатами ($8^1/_2 \times 4^1/_4$ саж.) в нижнем и тремя палатами в верхнем этаже, из них две были по площади равны двум большим палатам нижнего этажа, а третья, меньшая, — 3×3 саж. Палаты предназначены были для «всякого хамовного дела». В каждой большой палате было по 20 окон, в малой 6 окон, итого 86 окон, по 15 вершков ширины каждое.[5] Палаты могли вместить не более 90 станов, т. е. не более 100 — 150 ткачей (рис. 1).[6]

---

[1] КМ, III, табл. 5 и 6 (стр. 161 и 175 — легенды к таблицам и самые таблицы: стр. 162—174 и 174—206).

[2] Там же, стр. 1—16.

[3] Там же, стр. 46.

[4] Там же, стр. 46 и 47. О размере их можно отчасти судить потому, что для новой избы для бралей и швей куплено было слюды всего на 7 окон; немногим больше была и вновь для них же построенная «изба» в 1636 г. — на ее отопление в течение года требовалось всего 2 саж. дров (там же).

[5] Там же, стр. 48—49.

[6] План составлен на основании данных документа, опубликованного в КМ, III, стр. 48—49.

Хамовные палаты, судя по нашей реконструкции, имеют характерную черту, именно ту, что план их в своей композиции близок к плану больших каменных жилых палат городских усадеб феодалов XVII в. Такие палаты сохранились в различных городах Московского государства. Таковы палаты думного дьяка Аверкия Кирилова в Москве на Берсеневке, царские палаты в Троице-Сергиевском монастыре, или палаты Зелейщикова в Чебоксарах, Коробова в Калуге, палаты в Романове-Борисоглебске и т. д. и т. д. (см. напр., А. Потапов, Очерки по истории гражданского зодчества в России, Древности, т. XIX, вып. 2,

Те же соображения заставляют предполагать, что в Кадашеве и в Хамовниках, где таких сравнительно обширных помещений не было, работа на дому продолжалась и во второй половине XVII в. [1]

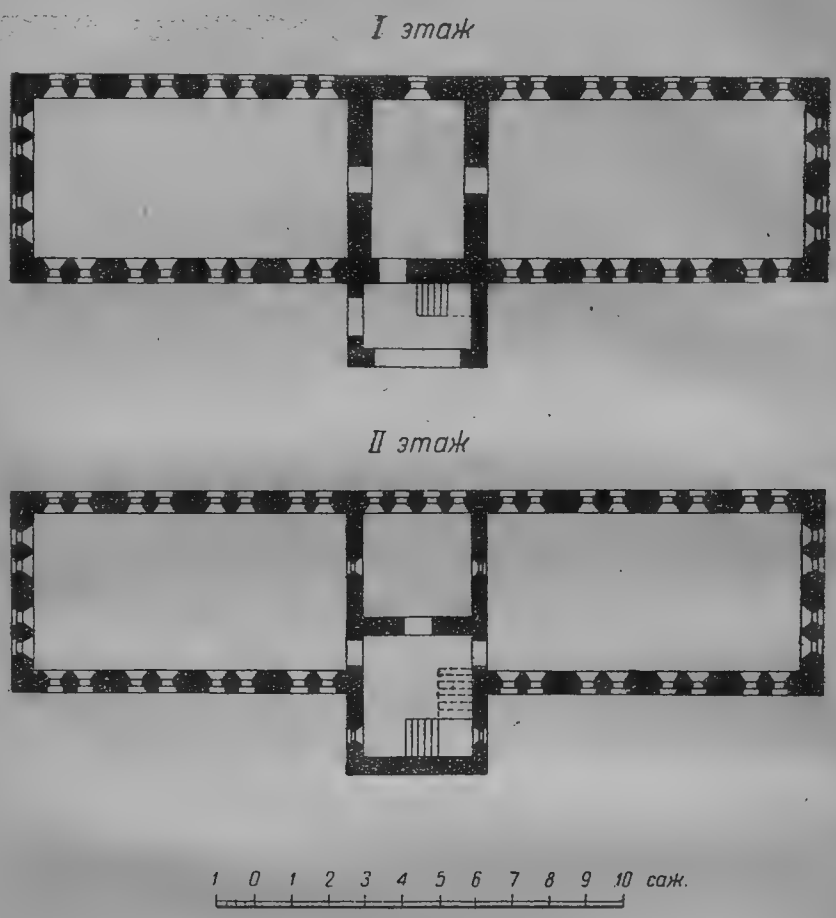

Рис. 1.

табл. XX; т. XX, табл. XXX, XXXI, XXXIII, XVIII). Та же плановая композиция была использована и в здании Печатного двора в Москве (основа здания идет от первой половины XVII в.; А. Потапов, там же, т. XX, табл. V). В эту эпоху только зарождалось крупное производство, требовавшее, как в нашем случае, больших каменных помещений. Архитектурная практика XVII в., понятно, не могла еще выработать для этого рода производственных построек специфических плановых разрешений. Естественно поэтому, что шли путем приспособления для этих целей сложившейся плановой композиции каменных жилых палат знати и купечества.

[1] Прядение в московских хамовных слободах продолжало производиться, как можно думать, исключительно на дому вплоть до самого конца XVII в. (см. КМ, III, стр. 71).

Говорить, следовательно, о каком-либо неизменном положении, определяющем количество лиц, работавших на дому и в общем помещении, совершенно невозможно. Зато правильнее говорить здесь об определенной и ясной тенденции вовлечь ткачей и ткачих на работу непосредственно на хамовном дворе, и об усилении ее с середины XVII в. Не случайно, что именно к этому времени относится сооружение новых, более обширных хамовных палат в Кадашеве.

Здесь мы подходим к объяснению того, что значит хамовная повинность, «зделье» с пустого участка — о чем упоминалось выше. Уже в самой ранней переписной книге по Кадашевской слободе 1630—1631 г. указания на это встречаются неоднократно. Формуле «земля лежит впусте» (и большей частью прибавляется: «за государевым хамовным двором») стереотипно отвечает формула: «государево дело делает с нее хамовное».[1] Посадское тягло с пустой земли (для городских слобод — с «загородка», т. е. приусадебной земли) — явление, вообще говоря, обычное в московских городах первой, а частью и второй половины XVII в., но при этом тягло с запустевших участков несет весь «мир». В Кадашеве же мы наблюдаем несколько иное: жители Кадашевской слободы имеют зачастую по два дворовых участка и несут соответствующее тягло, но переход почему-либо одного из этих участков к государеву хамовному двору (как определенной административной инстанции), что приводило к запустению участка, не освобождал номинального, но отнюдь не фактического его владельца от несения соответствующего тягла. При этом характерно и, конечно, не случайно, что в таких случаях переписная книга отмечает хамовное тягло очень суммарно: «хамовное дело», как будто бы точное обозначение вида и количества изделий здесь излишне, в то время как при определении хамовного тягла с «живущего» двора совершенно точно обозначается род и количество причитающихся с него изделий.

Напрашивается предположение: не является ли это суммарное определение — «хамовное дело» указанием на то, что данный хамовник работает не на дому, а именно на хамовном дворе? До середины XVII в. свидетельствующие об этом факты еще редки. Об одном ткаче в переписной книге по Кадашеву 1630—1631 г. записано следующим образом: «. . . хамовник. . . дело сам делает, сидит за станом».[2] Если такое выражение встречается здесь лишь однажды, то в росписи хамовникам кадашевской слободы почти того же времени (1631—1632 г.) таких, «которые *за станом сидят всегда* не наймаючи» (курсив наш. *А. Я.*), насчитывается уже 10 человек.[3] Именно как раз 10 человек,[4] по данным переписной книги, выполняют «хамовное дело» с пустого участка.

---

[1] КМ, III, стр. 2, 3, 4, 8, 9, 10, 11, 12, 16.
[2] Там же, стр. 4.
[3] Там же, стр. 208.
[4] Сюда не включаем лишь иноземцев (их было в Кадашеве в это время 4 чел.).

Несколько позднее, в документе 1645 г. — челобитной Гаврилки Алексеева о невзятии его в Конюшенную Овчинную Слободу — мы встречаем подобное же указание: «а у меня, холопа твоего, дворишко в Кадашеве и твое государево дело делаю хамовное, сидечи за станом».[1]

Для обоих приведенных документов — 1630—1631 г. и 1645 г.— характерна связь этих двух терминов: термину «сидеть за станом» обязательно сопутствует общий термин «делать хамовное дело». Документы середины XVII в., сохраняя в основном ту же терминологию, выражаются уже вполне ясно. В памяти о кадашевце Ивашке Иванове от 1649 г. записано, что «велено ево Ивашку... отдать ко государеву хамовному делу посадить за стан... И того Ивашку... на государеве хамовном дворе за стан посадил».[2]

Не менее это ясно относительно иноземцев. Мы уже знаем, что для них существует специальная «изба» на хамовном дворе; и «зделье» их в переписной книге 1630—1631 г. также обозначается исключительно этим общим и неопределенным термином «хамовное дело», хотя их земельный участок и не всегда пуст: иноземцы, видимо, находятся на особом положении, которое мы выясним в дальнейшем. Все они «сиделые»,[3] а что это есть условное обозначение работы именно на хамовном дворе — показывает целый ряд документов, начиная с середины века: «...бьет челом... кадашовец сиделой хамовник Мишка Корнилов... ныне я, холоп твой, пожалован на твой государев хамовный двор...»[4] или: «...бьет челом... кадашовец иноземец хамовник сиделой Петрушка Мартинов, сын Борщевской. Работаю я... в полати твои... тонки и всякие полотна»,[5] «...бьют челом холопи твои хамовного двора сиделые хамовники»[6] и т. д.[7] Но тот же термин «сиделый хамовник» мы встречаем и в документе 1631—1632 г., именно в упомянутой выше росписи хамовников Кадашева.[8] Нет никаких оснований придавать ему в данном случае какое-либо иное значение. Следовательно, наиболее вероятно, что и термин «сидеть за станом» есть условное обозначение работы в общем помещении на хамовном дворе.

Если высказанное только что предположение относительно работы на хамовном дворе верно, то становится понятным, почему переписная книга в приведенных случаях ограничивается общим выражением «хамовное дело»: раз хамовник работает не дома, а на Государевом Хамовном Дворе, нет надобности и отмечать род и

---

[1] КМ, III, стр. 112.
[2] Там же, стр. 113. См. также стр. 115.
[3] Там же, стр. 15, 17, 21, 22.
[4] Там же, стр. 63—64, см. также стр. 69—70.
[5] Там же, стр. 61.
[6] Там же, стр. 136.
[7] Там же, стр. 132, 134, особ. стр. 113.
[8] Там же, стр. 208.

количество причитающихся с него изделий — на хамовном дворе это и без того известно.[1]

По данным переписной книги 1630—1631 г., таких хамовников, т. е. ткачей, непосредственно работавших на хамовном дворе, насчитывается всего 48 человек (вместе с иноземцами), или 11,8% общего числа тяглецов (405 чел.). Из этих 48 человек — 12 выполняют тягло с пустого участка лично, «не наимаючи» (из них 2 иноземца). Остальные — это те, кто по той или иной причине «в свое место нанели сиделых хамовников». Нанятые номинальным тяглецом ткачи, выполнявшие за него его хамовные повинности, работали, очевидно, также на хамовном дворе.

Посмотрим теперь, что происходит дальше. В середине XVII в., именно в 1654 г., Кадашево вследствие «морового поветрия» сильно запустело. В виду этого сюда переводят значительную группу брейтовцев, в это же время появляется здесь довольно значительное количество «новопришлых», владеющих дворами почти исключительно по купчим; брейтовцы же получали выморочные дворы исключительно безденежно.[2]

Источник, сюда относящийся — строильная книга 1656 г. вообще не дает точного обозначения величины хамовного оклада и не всегда указывает род изделия. Однако, все же можно заметить, что «зделье» новопришлых очень часто обозначается просто «хамовное ткальное». Учитывая приведенные замечания о действительном смысле этого общего обозначения, можно предположить, что многие из этих «новопришлых» уже с самого начала своего появления в слободе работают не на дому.

Если по имеющимся материалам это предположение и не может

---

[1] В одном документе от 1631 г. встречаем следующее указание: «В Кадашеве на Государеве Хамовном Дворе государевых хамовных дел... в заводе...» и далее перечисляются все 189¾ дел по роду и виду выработки (И. Забелин, Домашний быт русского народа, т. II, 1872 г., материалы, стр. 147). Указание с первого взгляда как будто противоречит нашему выводу. Но трудно себе представить, что перечисленные немногочисленные избы тогдашнего хамовного двора могли вместить в себе более 400 чел. работников: вновь отстроенные палаты 1658 — 1661 гг. гораздо больше всех прежде существовавших и те вмещали в себя меньшее количество их.

Не следует ли трактовать выражение источника, относящегося, как сказано, к 30-м гг.: «на Хамовном дворе... в заводе» — как обозначение того, что работа производилась на Хамовный двор, а не в буквальном смысле, т. е. в нем, и понимать здесь Хамовный двор лишь в качестве административной инстанции. Относительно работы на дому наша точка зрения совпадает с мнением С. Г. Струмилина — КМ, III, стр. XVI.

Ту же точку зрения подтверждает и замечание Котошихина, хотя и относящееся к началу 60-х гг., но еще до построения новых обширных каменных палат: «...а для приему полотен зделан в слободе на Москве двор, и принимает те полотна и росправу меж теми людьми чинит боярыня вдова» — Г. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 3-е, стр. 120. Двор здесь обозначен главным образом как административный центр производства и как приемочный пункт. Сведения Котошихина, повторяем, относятся ко времени до построения большого хамовного двора, когда основная часть ткачей работала на дому.

[2] КМ, III, строильная книга 1656 г., стр. 17—37.

быть полностью доказано, то все же увеличение в середине XVII в. числа работников, занятых непосредственно на хамовном дворе, является фактом несомненным. Именно в это время появляется то несоответствие оклада хамовной повинности размеру земельного участка, о котором достаточно говорилось выше; строильная книга отмечает уже как определенное явление — существование хамовников «у кого против дел земли нет», точнее сказать: ее нехватает.[1]

Кроме того при переводе брейтовцев в Кадашево имело место обстоятельство, не мало способствовавшее несоответствию хамовных окладов земельному участку, явившееся впоследствии причиной разных тяжб и споров: брейтовцы были переведены с теми окладами (в смысле величины и рода выработки), на которые они были положены у себя в Брейтове, но не всегда, видно, они получали соответствующего размера земельный участок в Кадашеве. В другой связи примеры подобного положения вещей уже приводились.[2] Брейтовцы, таким образом, сильно пострадали от перевода. Не забудем, что большинство их, заполнивших запустевшие дворы в Кадашеве, переведены сюда «по указу» царя[3] чисто крепостным порядком. Снятые с насиженных мест в своем Брейтове, где, выполняя хамовное дело на дому, они имели и свое сельское хозяйство, и промышляли различными промыслами и торговлей,[4] брейтовцы сразу лишились всего этого, попав в Кадашево, которое к этому времени уже утратило большую часть своих прежних обширных привилегий.

Далее, именно с середины XVII в. начинаются, как справедливо отмечает К. Базилевич,[5] бесчисленные заклады, продажи, целиком или частью, своих земельных участков, которыми кишит вся история хамовных слобод во вторую половину века.[6] Один кадашевец в своей челобитной по этому поводу замечает: «. . . после писцовых книг дела, полудела и четверти, во всей слободе неравны, потому что иные продавали и меж себя покупали, и без продаж друг другу поступались».[7]

Таким образом, экономическое положение основной массы тяглецов хамовных слобод, начиная с середины XVII в. довольно резко ухудшалось.

Больше того, можно сказать, что середина XVII в. — поворотный момент в истории хамовных слобод.

Это — эпоха всеобщего усиления крепостнической эксплуатации, эпоха Уложения и связанных с ним событий, непосредственно отразившихся на хамовных слободах. Снова обнажаются классовые противоречия, нашедшие свои многочисленные и яркие выражения

---

[1] КМ, III, стр. 37.
[2] Там же, см. напр. стр. 97—98.
[3] Там же, стр. 136, 92.
[4] Там же, стр. 38.
[5] К. Базилевич, ук. соч., стр. 6.
[6] КМ, III, табл. 16—21, стр. 218—297.
[7] К. Базилевич, ук. соч., стр. 6; в КМ, III, документ не вошел.

в данный период.[1] Вырываются наружу и резко проявляются внутриклассовые противоречия. Обостряется борьба между верхушкой торгово-промышленной Москвы — гостями и торговыми людьми гостиной и суконной сотни — с одной стороны, и хамовными слободами — с другой, обладавшими исключительными по своей обширности привилегиями, благодаря которым эти слободы и главным образом их «лучшие люди» оказывались в положении, в некоторых отношениях даже более благоприятном, чем положение гостей.[2] Общие закрепостительные тенденции, выраженные затем в XIX гл. Уложения, способствовали победе гостей. Новая жалованная грамота 1648 г.[3] резко сокращает старые привилегии хамовников. Феодальные привилегии отмирают. Сильней всего это, конечно, ударило по социальной верхушке хамовных слобод, но, несомненно, в значительной степени отразилось и на всей остальной массе населения: беспошлинная торговля была почти уничтожена; очевидно, должна была поэтому сократиться и торговля кадашевцев и хамовников своими полотнами, чем занималось большинство из них. Словом, ухудшение положения хамовников с половины XVII в. является фактом, подтверждение которому мы имеем со всех сторон.

С другой стороны этому же способствовали те «великие навалы» — тяжелейшие налоги эпохи войны 40-х годов (знаменитые «пятины»), которыми облагалось все торгово-промышленное население Московского государства[4] и от которых не были освобождены привилегированные московские хамовные слободы.[5]

Словом, и «моровое поветрие», и налоги, и, что является наиболее существенным, почти полное нарушение прежних торговых привилегий (да и не только торговых) — создавало чрезвычайно благоприятную обстановку, способствовавшую усилению эксплуатации хамовников Приказом Царицыной Мастерской Палаты, т. е. вотчинником.

Становятся понятными бесчисленные залоги и продажи, в результате чего «дела, полудела и четверти во всей слободе неравны» стали. Но Приказ Царицыной Мастерской Палаты, видно, строго сохранял положенные оклады: хамовники, начиная с середины и до конца XVII в., сплошь и рядом работают с фактически повышенного относительно своего земельного участка оклада. Не случайно поэтому в Приказе возникает мысль о постройке новых каменных

---

[1] См., напр., П. Смирнов, Несколько документов из истории Соборного Уложения и Земского Собора 1649 г., МОИДР, 1913, кн. 4; его же, О начале Уложения и Земский Собор 1648 г., ЖМНП, 1913 г., кн. IX.

[2] О привилегиях хамовных слобод речь будет итти ниже. См. Доп. к АИ, III, № 47, Челобитная гостей; П. Смирнов, Московские ткачи и их привилегии в XVII в., Ташкент, 1928 г.

[3] КМ, III, стр. 89—90.

[4] См. Е. Сташевский, Пятина 142 г. и торгово-промышленные центры Моск. государства, ЖМНП, 1912 г., кн. IV, V, особ. кн. IV. Так же Н. Шаховская, Сыск посадских тяглых в первой половине XVII в., ЖМНП, 1914 г., кн. X.

[5] КМ, III, стр. 117.

обширных хамовных палат, осуществленная в 1558—1561 гг. и потребовавшая значительных материальных затрат,[1] не случайно и то, что мысль эта исходила, как можно догадываться, от энергичной приказной боярыни Татьяны Шиловой, ведавшей в то время Кадашевской слободой, ближе всех в приказе стоявшей к «государеву хамовному делу» и скорей всех поэтому уловившей благоприятный момент: хамовные палаты и весь двор были первоначально спроектированы именно ею.[2]

Именно с 70-х годов особенно усиливается вовлечение хамовников в «палаты». Указания такого рода в документах этого периода становятся все чаще и чаще. Ряд примеров уже приведен был выше в связи с вопросом о термине «сидит за станом», «сиделый».

Про отдельных ткачей и ткачих, работающих на хамовном дворе, сообщает ряд документов. Например, кадашевец Стенька Иванов в своей челобитной от 1679 г. о невзятии его в Бронную слободу указывает про свою жену, что «та де Марьица на государеве большом дворе государево дело делает за станом...»[3]

Очень показательна коллективная челобитная 11 кадашевцев от 1667 г. об освобождении их от оковывания пушечных станков. Судя по челобитной, московские приказы начинают к этому времени и вовсе пренебрегать даже остатками кадашевских привилегий. В челобитной кадашевцы сообщают: «А мы, холопи твои, безпрестани у твоего государева хамовного дела на большом дворе».[4] Или вот, например, челобитная 20 ткачих от 1684 г. с просьбой дать им пустые дворовые участки в Кадашеве, указывая при этом, что «работаем мы рабы ваши... на вашем вел. государей х[амовном] дворе беспрестанно... [по вся] годы».[5] В другой раз (от 1682 г.) упоминаются 15 «на государеве хамовном дворе ткачей кормовых»[6] и т. д.

Важно отметить и еще одно обстоятельство: если, судя по переписной книге 1630—1631 г., фактическими выполнителями ха-

---

[1] А. А. Мартынов, Государев Хамовный двор в Московской Кадашевской слободе, МОИДР, 1895 г., кн. III, стр. 8. «А по смете каменных дел подмастерей Алексея Королькова с товарищи к тому палатному строению каменных всяких запасов надобно: 800 000 кирпича, 2 600 бочек извести, 5 000 камени аршинного, 66 сажен бутового камени... И по государеву указу на те всякие запасы денег всего взято из Приказа Большие Казны и из Приказа Большого Дворца 5 000 рублев».

[2] КМ, III, стр. 48.

[3] Там же, стр. 115. См. еще стр. 63—64, 113. О том же как будто свидетельствует челобитная от 1662 г. переведенного в Кадашево брейтовца Аксена Григорьева с просьбой дать временный отпуск в родное село: «освободи, государь, холопа своего на стороне побывать и с родительми своими повидатца» (КМ, III, стр. 92). Навряд ли подобная просьба имела бы смысл, если бы он работал дома, когда подобного рода личные дела проходили вне всякой зависимости от приказных властей; к тому же обычная для работающих на дому торговля своими текстильными изделиями прямо предполагала необходимость таких отлучек, для которых разрешение, разумеется, не спрашивалось.

[4] Там же, стр. 95.

[5] Там же, стр. 132.

[6] Там же, стр. 131.

мовного «зделья» тогда были не мужчины-владельцы дворов — таких было незначительное меньшинство, — а их жены, или дочери их — «девки»,[1] то в 70-х годах картина резко меняется. В 1676 г. кадашевцы подают коллективную челобитную, в которой просят разрешения «им дочерей своих девок выдавать в ыные сотни и слободы повольно и безпенно», и в качестве основного аргумента в пользу разрешения приводят то соображение, что они «государевых кадашовских хамовных дел не делают».[2] Если раньше выдавать за слободу девок-дочерей было запрещено (что ясно из самой челобитной), ибо от этого страдало выполнение хамовного тягла, то теперь положение круто изменилось: фактическими исполнителями хамовной повинности являются в большинстве сами владельцы дворов, т. е. в большинстве мужчины;[3] прежнее запрещение выдавать дочерей «за слободу» таким образом потеряло свой смысл. И, действительно, просьба челобитчиков была удовлетворена.[4]

Итак, становится бесспорным факт усиленного привлечения хамовников, начиная с середины XVII в., на работу в «полатах», хотя источники не дают никакой возможности установить здесь какие-либо количественные показатели. Приведенные материалы свидетельствуют о резком усилении феодальной эксплуатации хамовников. Есть основание думать, что выражение: «работаем мы... денно и нощно бесперестанно» было если и преувеличением, то очень небольшим. Для некоторых хамовный двор был действительно тюрьмой не только в буквальном смысле: кадашевец Ивашка Иванов «на государеве хамовном дворе скован в железах сидит, потому что велено ево, Ивашка, по росписи отдать ко государеву хамовному делу, посадить за стан и взять по Ивашке поручная сиделая запись.[5]

Все это несколько затянувшееся исследование одного, как будто бы частного вопроса нужно было произвести, чтобы показать, что прежняя окладная система, т. е. прежняя организация хамовного тягла, во второй половине XVII в. перестает соответствовать новым отношениям в производстве. В связи с привлечением на работу на хамовном дворе — хамовники начинают работать поденно, получая помесячное (поденное) жалованье, теряя таким образом связь с прежним хамовным окладом, который в самом конце века и вовсе перестает существовать в натуральном виде,[6] и чем дальше, тем шире становится численный круг таких хамовников. Новое же, воз-

---

[1] А если выполняют «зделье» сами владельцы двора, то это почти всегда вдовы (см. об этом ниже).

[2] КМ, III, стр. 99.

[3] А те «девки», которые работали «хамовное дело» работали уже несомненно на хамовном дворе. См. КМ, III, стр. 115.

[4] Следует прибавить, что по указу 1672 г. женящимся на мастерицах, т. е. фактически работающих «хамовное дело» велено оставаться жить в Кадашеве «и в ыные слободы таких людей отдавати не велено», КМ, III, стр. 115.

[5] КМ, III, стр. 113.

[6] Викторов, ук. соч., вып. I, стр. 367.

никающее в самом конце XVII в., производство парусных полотен и вовсе обходится без всякого положения на «дела». Прежняя система обессмысливается, приобретая на практике те уродливые формы, которые мы наблюдали уже выше. На смену идет другая система, порождаемая новыми, постепенно складывающимися условиями. Меняется, в сущности, весь социальный строй слобод. Но старая организация производства не была изжита окончательно. Домашняя работа осталась еще в значительной доле [1] как в московских слободах, так и в хамовных селах (Брейтове и Черкасове). Не изжита была поэтому и прежняя организация тягла в виде повинности с определенного (вернее, уже неопределенного) земельного участка, со счетом на «дела» и т. д. [2] С таким половинчатым характером хамовное производство царских вотчинных слобод и дошло до рубежа XVII — XVIII вв. — конца дней своих.

На другом полюсе хамовных слобод, начиная с середины XVII в., интенсивно растет слой крупного купечества, очень часто — и чем дальше, тем больше — превращавшегося в гостей, торговых людей гостиной и суконной сотни, которые уже с кадашевцами (тоже, вероятно, и в Хамовной слободе) «служеб не служат».

Таким образом, как бы снизу появляется посторонний элемент в хамовных слободах, разрушающий прежнюю ее корпоративную замкнутость.

Сделанные только-что замечания о природе рабочей силы на хамовных предприятиях являются предварительными. Прежде чем приступить к детальному анализу природы рабочей силы, необходимо проанализировать самый производственный строй царских вотчинных предприятий в технико-экономическом отношении.

III. Состав продукции и организация труда

Сначала установим, что именно производится в государевых хамовных селах и слободах.

Прежде всего отметим, что производство этих сел и слобод охватывает лишь прядение и ткачество, притом почти исключи-

---

[1] Прежде всего это относится к прядению, которое осталось домашним до самого конца XVII в. Еще в 1697 г. «... они Фетька и Сережка... договорились: дворовой земли под Фетькою только 1/4 дела, а государьское де дело делаю с полудела земли пряж тройных полотен; и ныне де он Федька здал своего дворишка — государьское половинное дело пряж тройных полотен без четверти прясть ему ж Сережке, а... жалованье брать хлебное и денежное и лен ему...» (КМ, III, стр. 135). Прядение даже для вновь организованного производства парусных полотен, но на совершенно иных, как увидим, основаниях — также производилось на дому, хотя и со специфическими особенностями. См. КМ, III, стр. 71.

[2] См., напр., КМ, III, стр. 97, 64; счет на «дела» еще продолжается, хотя реальное значение этой системы, судя по смыслу приводившихся документов, весьма невелико: работа с пустого участка в одних случаях, поденная работа на хамовном дворе — в других.

тельно из льняной пряжи. Хлопчато-бумажное полотно производится в небольшом количестве в виде «столбцов хлопчатых скатертей».

Документы ни разу не отмечают наличия каких-либо процессов, связанных с первичной обработкой волокна, за исключением очески льна, т. е. самой последней стадии первичной обработки,[1] и то производится она, повидимому, только спорадически. В Брейтове и Черкасове хамовники прямо заявляют, что «лен покупаем все чесаной»,[2] в московских же слободах хамовники получают для работы уже готовый лен, т. е. чесаный, или «жалованье» на лен (об этом см. ниже). Специальных людей, занятых оческой льна, хамовное производство слобод не знает. Производилось ли оно специальным наймом временных работников или каким-либо иным путем, за отсутствием материала сказать трудно. О том, что оческа льна хотя бы эпизодически здесь производилась, говорит однажды зарегистрированное наличие среди запасов «ольняные казны» в амбаре на Хамовном дворе почти 92-х пудов нечесанного льна.[3] Во всяком случае обычным явлением оческа льна не была.

Обратимся теперь к самому составу (т. е. ассортименту) продукции. Наибольшим разнообразием отличается производство по Кадашеву. Основные виды продукции здесь следующие:[4] полотна основные, двойные (гладкие и полосатые), тройные (гладкие и полосатые) и тверские, скатерти (в столбцах) — посольские, задейчатые и хлопчатые; убрусы (в полках) — шитые убрусы, грузные убрусы и утиральники.

Помимо тканья этих изделий, существует соответствующее каждому виду выработки прядение: изготовление пряжи для двойных полотен, тройных, основы и утка задейчатых скатертей и т. д. Итого мы имеем здесь 10 видов изделий. Кроме того, особой статьей является «прядение бели» (большей частью в мотах) и прядение «белых нитей» (в пятинах, мотах, в полотнах); то и другое, так сказать, обезличено в смысле своего дальнейшего употребления, т. е. заранее не предназначено специально для того или иного изделия. Очень вероятно, что эта бель и «нити белые» идут специально на вышивание убрусов, а вообще говоря—непосредственно поступают в собственно Царицыну Мастерскую Палату, — ту «светлицу», которая занята исполнением личных заказов царицы. Там же было сосредоточено и художественное вышивание.

В другой московской слободе, в Хамовной (Тверской-Константиновской), мы имеем всего два вида продукции: полотна тверские и

---

[1] Как известно, первичная обработка льна проходит 3 основных стадии: 1) лен сначала мнут, 2) затем происходит трепление и, наконец, 3) лен мыкают, т. е. чешут.

[2] КМ, III, стр. 57.

[3] Там же, стр. 56.

[4] По переписным книгам 1630—31 г. КМ, III, стр. 1—16 и табл. II, стр. 212—213.

скатерти тверские (в столбцах). Ассортимент здесь не изменялся на всем протяжении XVII в.[1]

Состав продукции по хамовным селам Брейтову и Черкасову, наоборот, близок по разнообразию к составу продукции Кадашева.[2] Там выделывались: полотна двойные и тройные гладкие, а также эпизодически и полосатые (в 1624—1625 г., 1625—1626 г. и 1682 г.);[3] тверские полотна (также эпизодически в те же годы); нитяные[4] и основные полотна (зарегистрированы в приходной книге только за 1624 — 1625 г.); скатерти (в столбцах) — двойные и тройные, хлопчатые (отмечены только за 1625 — 1626 г.), задейчатые[5] (производились, судя по приходной книге, только эпизодически, отмечено их производство в 1624—1625 г. и в 1625—1626 г.); посольские (отмечены только за 1624 — 1625 г.); убрусы (в полках) тонкие и двойные,[6] тройные (отмечены в переписной книге 1682 г.);[7] убрусы шитые (производились эпизодически в 1625—1626 г., 1630—1631 г. и 1631—1632 г.), убрусы грузные (отмечены за 1625—1626 г.), утиральники (отмечены за 1624 — 1625 г.); полотенца двойные и тройные; убрусное полосатое полотенце.[8] Так же, как в Кадашеве и в Хамовниках, здесь производилась соответствующая пряжа и, так же, как в Кадашеве, «белые нити» (в полотнах и мотах), а изредка и «бель».[9]

Остались не отмеченными лишь два не столько вида, сколько сорта продукции. Один из них был новшеством, не получившим, как увидим, особенного распространения, именно выработка в Кадашеве широких полотен, которые производились работавшими здесь иноземцами-поляками, а затем (с 1660 г.) их учениками.[10] Производство это непосредственно связано таким образом с деятельностью иноземцев. Впервые о нем узнаем из челобитной хамовника-иноземца (поляка, вероятно) Петра Борщевского, точно, к сожалению, не датированной, но относящейся к периоду 1645 —

---

[1] По приходным книгам Царицыной Мастерской палаты за весь, в сущности, XVII в.: 1624—44 г. 1671—94 г., КМ, III, стр. 214.

[2] КМ, III, стр. 25 — по тем же приходным книгам и почти за тот же период времени.

[3] Там же, стр. 45.

[4] Начало производства этого вида полотна зарегистрировано в приходных книгах лишь с 1671—1672 г., хотя, возможно, оно началось и раньше, т. к. за период времени 1645—1671 г. приходных книг не сохранилось.

[5] Однажды названные «двойные задейчатые скатерти» (КМ, III, стр. 54).

[6] КМ, III, стр. 54.

[7] Там же, стр. 45.

[8] Последние два вида изделий в таблице, помещенной в КМ, III, стр. 215, составленной по приходным книгам ЦМП, не фигурируют, между тем о них идет специальная речь в отписке приказчика сс. Брейтова и Черкасова от 1630 г.; вряд ли эти полотенца вошли в таблицу под графой «убрусы»; в 1630 г., например, намечено к производству 32 двойных и тройных полотенца (притом пряжа уже «поставлена в бердечках»). А в таблице значится всего 28 убрусов, куда должны, кроме полотенец, войти и другие виды убрусов. Таблица становится, таким образом, несколько неясной.

[9] Отмечено в приходной книге за 1624—1625 г.

[10] КМ, III, стр. 61 и 114.

1660 г.[1] Борщевский сообщает об обучаемом им ученике «скатертей иноземских широких и полотен иноземских же широких». Навряд ли этот иноземец-ткач был в единственном числе: в числе мастеров, обучавших учеников хамовному делу упоминается рядом с Борщевским другой иноземец — Степан Черноусов, очень вероятно, также специалист по широким полотнам (не случайно их фамилии стоят рядом).[2] В 1660 г. их ученики, также в большинстве иноземцы, уже обученные, вступают в производство,[3] очевидно с вновь приобретенной специальностью по широким полотнам. Однако, это производство не получило, видимо, распространения. По крайней мере мы не имеем больше никаких указаний на производство широких полотен в Кадашевской слободе, а то, что производилось, было в количественном отношении незначительно: в приходных книгах Приказа Царицыной Мастерской Палаты[4] широких полотен вовсе не значится.

Другим видом продукции, не отмеченным нами до сих пор, являлось производство парусных полотен. Производство это возникло поздно: первые указания относятся к 1693 г., когда была составлена «роспись, что надобно к парусному делу», рассчитанному на выработку с 16 станов.[5] С этого же года начинается и само производство (при 16 рабочих),[6] просуществовавшее до самого конца XVII в. (последние данные относятся к 1697 г.).

Постановку этого нового и необычайного для царских хамовных предприятий производства следует, конечно, поставить в связь с общими политическими тенденциями эпохи: мы имеем в виду значительное усиление военной экспансии Петровского государства на север (к Балтийскому) и на юг (к Азовскому морю). В связи с этим находится и зарождение строительства военного флота, начиная с постройки судов на Переяславском озере. Это строительство усиливается после Азовского похода 1695 г., когда закладывается первая верфь в Воронеже, причем на эти годы как раз и приходится начало производства парусного полотна в Кадашеве. Вспомним, кстати, что при постройке Алексеем Михайловичем в 1668 г. военного корабля «Орел» — первого крупного военного корабля в России, парусное полотно (в количестве 5 000 арш.) было выписано из-за границы.[7]

Заканчивая рассмотрение видов текстильной продукции, следует сказать несколько слов о производстве средств производства. Ни-

---

[1] Датировку издателей материалов: 1645—1676 гг. (стр. 61) можно выразить несколько точней: 1645—1660 гг., так как упоминаемые в ней ученики — в 1660 г. уже кончили ученичество. См. КМ, III, стр. 114.

[2] КМ, III, стр. 114.

[3] Там же.

[4] Судя по таблице в КМ, III, стр. 212—213, в которую эти книги сведены.

[5] КМ, III, стр. 69.

[6] Там же.

[7] Доп. к АИ, т. V, № 69, стр. 378. Вместе с тем было заказано подыскать «парусного мастера»; возможно, впрочем, что здесь имелся в виду не ткач, а, так сказать, установщик парусов.

каких данных о производстве станов или оборудования для прядения (например, для снования пряжи — мотовило и пр.) — мы в документах не встречаем ни разу. Вероятно, их приобретали на стороне или делали по специальному заказу, и они таким образом органически не вошли в производство хамовных сел и слобод. Исключение составляет изготовление берд, и понятно почему: на хамовных предприятиях в большом количестве производилась продукция слишком ограниченного потребления (роскошные бранные убрусы, посольские и задейчатые скатерти и т. д.), чтобы можно было на рынке найти соответствующий ассортимент берд. Берда производились в Кадашеве, Брейтове и Черкасове, где имелись и специальные бердники, правда в незначительном количестве: в Брейтове и Черкасове их было всего несколько человек.[1] В Кадашеве в 1630—1631 г. их было двое, сидели они на $1^1/_2$ «делах»;[2] о дальнейшем сведений нет.

Об общем количестве продукции речь будет ниже, в специальной главе, где этот вопрос будет рассмотрен в связи с назначением продукции, а сейчас перейдем к выяснению натурального выражения хамовной повинности, положенной на «дела», на которые падал тот или иной род и соответствующее количество изделий. Это натуральное выражение оклада было строго определенным как в отношении рода изделий, так и в отношении количества выработки. В течение XVII в., пока существовала описанная выше организация хамовного тягла, оно почти не изменилось.

Удобней всего относящиеся к этому вопросу данные представить в виде таблицы (см. таблицу IV). При ее составлении некоторым затруднением является то, что, по состоянию источников не все входящие в нее данные одновременны, но сопоставление данных, относящихся к хронологически самым различным моментам, показывает, что изменений здесь в раз установившейся норме натурального выражения оклада на всем протяжении XVII в. за редким исключением не было.[3] Само же постоянство этой табели с несомненностью указывает на то, что сложились эти нормы в результате долгой практики и, вероятно, еще в XVI веке.

В таблицу положены не только оклады по ткачеству и его различным видам, но и по прядению, — словом по всем видам хамовных работ. Тут же мы по мере возможности даем и измерения штуки изделия. Широкие полотна и парусные сюда не вошли, так как их производство было организовано на совсем других основаниях, о чем подробно придется говорить ниже; на хамовный оклад они положены не были.

Наконец, нужно заметить, что нормы эти были одинаковы и для московских слобод и для ярославских сел.

---

[1] Точно установить число их нельзя из-за отсутствия данных, во всяком случае их было не менее 4-х человек. Положены они всего на 2 «дела»; так продолжалось до конца XVII в. КМ, III, стр. 181—182.

[2] КМ, III, стр. 208 и 209.

[3] Там же, табл. 5 (стр. 162—174) и 6 (стр. 176—206).

Таблица IV

Натуральное выражение хамовного оклада

Вид и род изделий	Вид работы	Величина выработки на одно «дело» в шт.	Измерения штуки изделия в арш.	Ссылки
1	2	3	4	5
Полотна двойные	пряденье тканье	на 2 шт. 6 „	14	КМ, III, стр. 159, 163, 209
Полотна тройные	пряденье тканье	на 3 шт. 8 „	14	Там же, стр. 159, 164—5, 209 Забелин, Домашний быт русского народа, т. II, 1872 г., мат., стр. 148
Полотна основные	пряденье тканье	на 2 шт. —[1]	14	КМ, III, стр. 209
Полотна полосатые	пряденье тканье	на 2 шт. 3 „	14[2]	Там же, стр. 181, 182
Полотна нитяные	пряденье	на 2 шт.	14[2]	Там же, стр. 183
Полотна нитей	пряденье	на 6 шт.	—	Там же, стр. 209
Полотна тверские (гладкие)	пряденье тканье	на 8 шт. 24(?) „	14[2]	Там же, стр. 209, 210 Забелин, ук. соч., т. II, мат., стр. 148
Столбцы двойные (скатертные)	пряденье бранье[3] изготовление бели[4]	на 2 шт. 2 „ 4 „	10	КМ, III, стр. 170—171
Столбцы тройные (скатертные)	пряденье бранье изгот. бели	на 6 шт. 2 „ на 8 „	10	Там же, стр. 172—173, 55
Скатерти задейчатые двойные[3] (в столбцах)	пряденье бранье изгот. бели	—[1] 2 шт. —[1]	10[2]	Там же, стр. 54 Забелин, ук. соч., т. II, мат., стр. 148

Вид и род изделия	Вид работы	Величина выработки на одно «дело» в шт.	Измерения штуки изделия в арш.	Ссылки
1	2	3	4	5
Скатерти задейчатые (в столбцах) (тройные?)	пряденье бранье изгот. бели	10 основок 2 шт. 10 основок	10	КМ, III, стр. 209 Забелин, ук. соч., т. II, стр. 148
Скатерти посольские (в столбцах)	пряденье бранье шитье	—[1] 2 шт. 2/9 „[9]	10	КМ, III, стр. 209
Скатерти хлопчатые (в столбцах)	пряденье тканье	на 8 шт. 28 „	10[2]	КМ, III, стр. 209 и 210 Забелин, ук. соч., т. II, мат., стр. 148
Скатерти тверские (в столбцах)	пряденье тканье	—[1]	10[2]	—
Убрусы тонкие (в полках)	пряденье бранье шитье	на 10 шт. 8(6)[5] „ 5(6)[5] „	—[1]	КМ, III, стр. 54, 166—7, 191
Убрусы двойные (в полках)	пряденье бранье шитье	на 18 шт. 8(6)[6] „ 6(5)[6] „	—[1]	Произв. в Брейтове и Черкасове КМ, III, стр. 168—9, 176, 183, 193, 201
Убрусы (в полках)[7]	пряденье бранье шитье	на 12 шт. 10 „ 5 „	—[1]	Произв. в Кадашеве КМ, III, стр. 189, 209, 210
Убрусы грузные (в полках)	пряденье бранье шитье	—[1] 10 шт. —[1]	—[1]	Там же, стр. 209
Утиральники	пряденье бранье шитье	—[1] 10 шт. 5 „	—[1]	Там же, стр. 209
Полотенца двойн.	пряденье тканье	на 2 шт. 6 „	—[1]	Там же, стр. 54 (Брейтово и Черкасово)

Вид и род изделия	Вид работы	Величина выработки на одно «дело» в шт.	Измерения штуки изделия в арш.	Ссылки
1	2	3	4	5
Убрусн. полосатое полотенце	пряденье тканье	— [1] 3 шт.	— [1]	КМ, III, стр. 54
Основки убрусные	пряденье	20 основок	— [1]	Там же, стр. 209
Полотенца тройные	пряденье тканье	на 3 шт. 8 »	— [1]	Там же, стр. 55
Нити тонкие белевые (бель)	пряденье бели	20 мот. или 24 пятинки	— [1]	Там же, стр. 191, 186
Берда	производство берд	$18^2/_3$ берда [10]	— [1]	В Брейтове и Черкасове, КМ, III, 181—182 В Кадашеве, КМ, III, стр. 209

[1] Данных нет.
[2] Предположительно.
[3] Вероятно то же, что столбцы двойные скатертные (ср. КМ, III, стр. 54, 2 последние строчки).
[4] Т. е., очевидно, изготовление нитей утка, от различных комбинаций переплетения которых с нитями основы получается узор на ткани.
[5] В скобках указано частое отклонение от нормы.
[6] В скобках — данные за 1681—1682 гг. КМ, III, стр. 196, 193, 201. Норма таким образом в конце XVII в. была понижена — ср. стр. 168 (текст и примечание 2).
[7] То же, повидимому, что и двойные убрусы.
[8] Бранье производят обязательно вдвоем (см., напр., КМ, III, стр. 56), поэтому если на 1 чел. на одно «дело» приходится 1 полотно, то на двоих — 2. Так же везде.
[9] «А швей у тех же у двух столбцов посольских 9 дел». Забелин, Домашний быт русского народа, т. II, мат., стр. 148.
[10] Изготовляются на 100 хамовных «дел».

На практике бывали, конечно, и некоторые отклонения от нормы, но они, будучи незначительными, не лишали их устойчивости.[1]

Теперь непосредственно обратимся к организации труда в хамовных слободах и селах. Из-за недостаточности материала по этому вопросу,[2] характеристика этой стороны дела будет поневоле краткой. Выше было установлено, что в хамовных селах (Брейтове и Черкасове, также в посаде Воронце) работа производилась главным образом на дому; так было и в первой половине XVII в. и

[1] См. КМ, III, табл. 5, стр. 162—174 в подстрочных примечаниях.
[2] КМ, III, табл. 5 и особ. легенду, стр. 161.

в значительной степени во второй. Только этим можно объяснить тот факт, что старая, сложившаяся несомненно еще до XVII в. организация труда сохранилась здесь в неприкосновенности до самого конца века.[1]

Основной чертой этой организации труда является производственные группы, своего рода бригады, в которые объединялись мастера или, обычно, мастерицы: пряхи, ткачихи, бральи, беленицы, в составе и количестве соответствующем роду и количеству вырабатываемых ими изделий. Прежде чем анализировать их состав, приведем текст переписной книги 1669 г., где одна из таких групп, производящая двойное полотно, описывается следующим образом:

«*Ткальи* [1] Овдотья Трофимовская жена Темного да [2] Матрена Ларионова жена делом, у них *пряльи* полотно опчее вдовы [3] Марьи Фоминские жены Тараканова да [4] Марьи Ивановы жены Трубачева, полотно [5] Акилины Степановы жены кузнеца, полотно опчее ткальи [6] Овдотьи да [7] Феклы Сидоровы жены, полотно опчее [8] Мавры Ивановы жены Щербакова, да [9] Натальи Перфильевы жены, полотно опчее [10] Анны Михайловы жены Трубачева, да [11] Лукерьи Архиповы жены, полотно [12] Марьи Ефтифеевской жены; и ткальи на дело ткут 6 полотен, а пряльи на дело прядут по 2 полотна двойных».[2]

Работают в группе 12 человек: 2 ткачихи и 10 прях.[3] Годовая производительность группы — 6 двойных полотен. 10 прях готовят пряжу на эти 6 полотен; полный годовой оклад для пряхи (целое «дело») выражается в пряже на 2 полотна, следовательно здесь каждая пряха сидит не на целом «деле», а на части его, именно: 8 из них работают попарно («полотно опчее»), каждая пара на $^1/_2$ «деле» (1 полотно), т. е. каждая из них сидит на $^1/_4$ «деле» остальные 2 пряхи сидят каждая на $^1/_2$ «деле» (по 1 полотну). 2 ткачихи сидят каждая на $^1/_2$ «деле», т. к. ткут по 3 полотна. В итоге получается: 10 прях вырабатывают пряжи на 6 полотен, что составляет 3 «дела»; 2 ткачихи именно из этой пряжи («у них пряльи») ткут полотна в количестве, соответствующем количеству выработанной пряжи, т. е. также 6 полотен, что составляет 1 «дело».

Для лучшего понимания выразим приведенное описание группы графически (цифра — обозначает условно номер участника группы; нумеруем их в том порядке, в каком они значатся в тексте):

Ткачихи . . . . . $\underbrace{1 \quad 2}_{6}$ = Всего 6 полотен

---

[1] См. переписные книги по Брейтову, Черкасову и Воронцу за 1652—1684 гг., положенную издателями материалов в таблицу КМ, III, табл. 5, стр. 160—174.

[2] КМ, III, стр. 161. Курсив мой. *А. Я.*

[3] Названные ткальями Овдотья и Фекла Сидорова жена, судя по всему смыслу текста, являются пряхами: ткачество — это, возможно, их бывшая профессия.

Пряхи	3 4	5	6 7	8 9	10 11	12	
	1 полотно	1 полотно	1 полотно	1 полотно	1 полотно	1 полотно	= Всего пряжи на 6 полотен

Отсюда ясно, что количественный состав этих групп находится в зависимости: 1) от рода изделий, требующих часто не двух, а больше специальностей (например, различного виды бранного тканья — «посольских» и задейчатых скатертей и различного рода убрусов), что ясно из табл. IV, графы 1,2, 2) от трудоемкости данного рода изделий (см. табл. IV, графа 3), выраженной в «делах», 3) наконец, в зависимости от величины окладного «дела» за каждой мастерицей — целого, или большей частью долей его, т. е. общего размера выработки, заданной данной производственной группе.

Этим всем и объясняются значительные колебания числа участников в каждой такой группе; все же нетрудно вывести некоторую среднюю величину для каждого рода выработки. Выразим это в таблице V.[1]

Таким образом, выработка каждой единицы данного рода изделия от начала до конца происходит в данной производственной группе, численно очень небольшой. Исключением, отчасти, является выработка убрусов, при которой швеи, расшивающие «разными узоры» бранные убрусные полки, полотенца и утиральники,[2] составляют особую группу, которая как бы приписана к группе, вырабатывающей полуфабрикат — само полотно: полотенце, утиральник, которые затем швеями расшиваются.[3]

Такая же организация труда по производственным группам существовала, очевидно, и раньше, хотя столь систематических данных, как за вторую половину века, мы не имеем. Что производственные группы существовали здесь и в первую половину века и подбирались по тому же принципу, говорит, например, следующий расчет по составлению одной такой группы, произведенный приказчиком с. Брейтова в 1626 г.: «И буде, государь, тройные скатерти прибавить, и бралей, гос., из учениц будет 2 дела, прялей прибрати дело без чети, бельниц полдела, и всего будет 3 дела с четью дела».[4]

Расчет, следовательно, здесь следующий: на 2 тройных скатерти: бралей — 2 дела; прялей основы — $^3/_4$ «дела»; прялей бели — $^1/_2$ «дела». Итого — $3^1/_4$ «дела».

---

[1] Таблица представляет собой выдержку из КМ, III, табл. 5, стр. 162—174.

[2] Все это в переписной книге обозначается лишь двумя терминами: убрусец тонкий и двойной, т. е. по признаку не бытового назначения, а по техническому.

[3] Отсутствие в издании подлинного текста, замененного составленной на основании его таблицей, лишает нас возможности это выяснить полностью.

[4] КМ, III, стр. 53. О существовании производственных групп в Брейтове и Черкасове в первой половине века говорит также другой текст (от 1630 г.): «Да в селе же... Брейтове и Черкасове государевых деловиц тройных столбцов бралей 12 дел, а прялей у них 4 дела, а бельниц 3 дела». КМ, III, стр. 55.

Таблица V

Производственные группы в ос. Брейтове и Черкасове в 1652—1684 гг.

Род выработки	Мастерицы по специальностям	Число мастериц в группе	Общее число групп	Примечания к графе 3
1	2	3	4	5
Полотна двойные	Пряльи Ткальи	5—13 1—4	18	Иногда некоторое число мастериц являются и пряльями и ткальями своей группы; так и в дальнейшем
Полотна тройные	Пряльи Ткальи	5—13 1—4	18	В 1668 г. колебания более значительны: 1—14
Убрусы тонкие	Пряльи Бральи Швеи	2—4 2—4 1—4	5 8	В 1675 г. колебания больше: 2—6; 1675 г.: 2—4
Убрусы двойные	Пряльи Бральи Швеи	1—4 2—3 2—3	2 2	В 1671 г.: 2—5 в 1675 г.: 2—4 в 1675 и 1684 г.: 3—4
Скатерти двойные	Пряльи основок Пряльи беленые Бральи	большей частью 2—3 2 2—3	8	В 1678 г. 2—4; в 1652 и 1665 г.: 1—2 до 1668 г.: 1—2
Скатерти тройные	Пряльи основок Пряльи беленые Бральи	б. ч. 2—4 1—2 б. ч. 2—3	12	В 1665 г.: 1—4 в 1666 г.: 1—3 в 1675, 1678 и 1684 г.: 2—4

К сожалению, у нас нет почти никаких данных о существовании производственных групп в московских хамовных слободах (Кадашеве и Хамовниках); переписная книга 1630—1631 г. и строильная 1656 г. не сообщают такого рода сведений, так же, как и более поздние переписные книги. Приобретает поэтому особое значение один документ, намекающий на существование производственной группы в Кадашеве, хотя документ этот и поздний (1680 г.): «...кадашевцу Ивану Самарину отдан двор в Кадашеве $^3/_4$ дела земли и с той земли учал он, Иван, дела делать пряжу на 2 по-

лотна тройных, а ткал те полотна кадашевец Васька Овдокимов».[1]

Уже отмечалось выше, что прядение и во второй половине XVII в. в Кадашеве продолжает производиться на дому; в этом смысле приведенное место из документа нового ничего не прибавляет. Но оказывается, что пряжа, вырабатываемая этим кадашевцем, не обезличена, а поступает в работу совершенно определенному ткачу, т. е. налицо наиболее характерная черта производственной группы, какой мы ее знаем по Брейтову и Черкасову. Навряд ли это было исключением, а если исключением, то лишь для этого времени — конца XVII в. Слишком обща вся организация производства в Кадашеве и в хамовных селах в первой половине XVII в., чтобы можно было отрицать существование производственных групп в московских слободах. Во второй половине XVII в. они здесь еще, как видим, существуют. Прощупать же какие-либо специфические особенности этой организации труда в московских хамовных слободах пока, за неимением материала, невозможно.

Наблюдения над характером и составом производственных групп приводят нас в другому важнейшему вопросу: вопросу о степени разделения труда.

Изучение относящегося сюда материала показывает, что никаких отличий в степени разделения труда между хамовными селами и слободами не было. Количество специальностей одно и то же.[2] На всем протяжении XVII в. это положение совершенно не изменялось.

Разделение труда прежде всего проходит по двум основным процессам хамовного производства — прядению и ткачеству: «прядет основное полотно», «прядет нити росхожие», «делает двойное полотно», «делает задейчатую скатерть бранье (т. е. особый вид ткачества) и т. д. Однако, в пределах каждого из этих двух производственных процессов имеется некоторое углубление разделения труда. По прядению наблюдается целый ряд специальностей: 1) прядение полотен, 2) прядение основы задейчатых скатертей, 3) прядение утка задейчатых скатертей, 4) прядение бели, 5) прядение основок убрусных полотен и т. д.[3] По ткачеству мы встречаем: 1) тканье полотен (основных, двойных и тройных), 2) бранье различных изделий (посольских скатертей, задейчатых и различного рода убрусов). Кроме того встречаем еще две специальности: 1) шитье различного рода изделий (посольских скатертей, убрусов) и 2) бердное дело, т. е. производство берд.

Однако, преувеличивать степень разделения труда, и прежде всего по прядению, как сейчас увидим, нельзя.

Если такие специальности, как шитье и бердное дело, а отчасти и бранное тканье, представляли собой совершенно особые, требо-

---

[1] КМ, III, стр. 144.

[2] Исключение составляют мастера по тканью широких полотен и парусных полотен: этих производств в селах не было.

[3] См. переписн. кн. 1630—1631 г., где точно обозначен вид работы. КМ, III, стр. 1—16.

вавшие немалой выучки[1] профессии, менять которые можно было только в сторону более простой работы, то иное дело — простое тканье, отчасти бранье[2] и прядение. В окладных книгах по Брейтову и Черкасову за период времени 1652 — 1684 гг. мы сплошь и рядом встречаем указания на то, что пряхи данной производственной группы одновременно являются и ткачихами ее[3] и даже бральями;[4] обратной замены, правда, не встречается.

Аналогичное явление, притом весьма распространенное, мы имеем и по Кадашеву. Например, по переписной книге 1630 — 1631 г.[5] одно «дело» определено следующим образом: «на полдела пол-3 полочки убрусных шитья, а на другую полдела 4 полотна тверских»: швея здесь совмещает в себе две специальности: шитье и тканье. Как и в селах, встречаем здесь такие случаи: «на четь делает задейчатых скатертей бранье, на другую четь дела прядет нити расхожие»: бралья здесь одновременно и пряха; или, например: «делает на полдела двойное полотно, на другую полдела 4 столбца хлопчатых скатертей», или «делает на полдела двойное полотно, а другую полдела пол — 3 полочки убрусного шитья», т. е. совмещает две специальности: тканье и шитье. Также часты случаи совмещения шитья и бранья, бранья и тканья полотен. В отдельных случаях эти совмещения относятся к работам, друг от друга мало отличающимся. Постоянно наблюдается совмещение тканья различных видов полотна. Особенно же часты случаи одновременного выполнения работы пряхи и ткачихи. То же мы наблюдаем и в 1682 г.[6]

И это понятно: низкая техника производства, о чем речь будет ниже, позволяла в большинстве случаев легко переходить с одной «специальности» на другую, особенно с работы, связанной с более сложной техникой, к более простой. Таким образом, говорить о высокой степени разделения труда в царском хамовном производстве XVII в. было бы неверно.

Такое положение вещей оставалось в полной силе и во второй половине века, когда, бывало, администрация по той или иной причине накладывает новый род изделий на хамовников совсем другой специальности. Например, один кадашевец (в 1680 г.) сообщает, что «задейчатые скатерти велено делать тем людем, которые делали ниченицы»,[7] т. е. ремизки: правда, эти специальности между собой связаны в смысле технических навыков, которые они тре-

---

[1] КМ, III, стр. 53. Об ученичестве — ниже.

[2] При бранном тканье, которое производят одновременно двое, один работник перебирает нити основы, через которые пройдет уток, образуя узор ткани, другой — непосредственно ткет. В данном случае имеется в виду бралья, которая только ткет.

[3] КМ, III, стр. 163, примеч., 165 примеч. и т. д.

[4] Там же, стр. 167, 169, 171; см. выше примеч. 2.

[5] Там же, стр. 1—16.

[6] Там же, табл. 6.

[7] Там же, стр. 64.

буют, но отнюдь не тождественны. Подобные примеры можно было бы умножить,[1] но положение это и без того достаточно ясно.

Но производство технически сложных видов выработки, как, например, посольских, задейчатых скатертей или шитых убрусов, требующих значительно бо̀льших технических навыков, чем, скажем, тканье любого вида полотна, требовало таких бралий и швей, замена которых, особенно последних, была, разумеется, наиболее трудна; случаи такой замены были редки. Впрочем, известно, что при бранье кооперировано два работника (один перебирает нити для получения узора, другой собственно ткет). По смыслу дела ясно, что самое тканье могла выполнять любая ткачиха, становившаяся в этом случае «бральей», т. е. ткавшей бранное полотно; в то время, как другой работник — собственно бралья (переборщик нитей основы) — был, можно думать, узко специализировавшимся ткачем или ткачихой на каком-либо определенном узоре. А узоров было большое разнообразие как геометрического, так и изобразительного характера.[2]

Не случайно поэтому один кадашевец, на которого «накинули» задейчатые скатерти, всячески отговаривался от этого, добавляя, что делать это ему «не за обычай».[3] Но мы имеем и прямое свидетельство того, что бранье этими узорами, будучи технически весьма сложным и требующим большой сноровки и опыта, вырабатывало ткачей-бралий совсем узкой специальности: одного старого ткача, работавшего в Кадашеве, бежавшего оттуда и ставшего крепостным одного помещика, в 1691 г. предписывается возвратить обратно в Кадашево, очевидно потому, что он «делает скатерти узором орловые, каковы он делал, будучи в ткачах на хамовном дворе...», и далее приказывается его «прислать з скатертью к нам великим государем к Москве».[4] Признак «узором орловые», видимо полностью исчерпывал характеристику специальности, к тому же настолько редкой, что даже излишне было называть имя мастера: в документе оно отсутствует. Лишь здесь, в этой группе работников — бралий, группе, почти единственной в нашем хамовном производстве XVII в., мы встречаемся с явлением, когда «индивидуальный рабочий приспособляется к той односторонней функции, с которой он связан всю свою жизнь».[5]

---

[1] См., напр., КМ, III, стр. 79.

[2] Считаем нелишним перечислить их здесь (см. КМ, III, стр. 171, 173): «ключатик», «петухи», «полтинки», «чешуйки», «листочки», «месяцы», «бесконечник», «коровай», «деревье», «большое дерево», «лоси под деревьем», «ореховая розвода по два олени в гнезде», «ореховая розвода по оленю в гнезде», «немецкое колесо в два зуба», «бараньи рога в два зуба», «бараньи рога», «осьмерног в три зуба», «осьмерног в два зуба», «кривоног», «красная развода».

Но и это, вероятно, не все: однажды упоминаются еще «скатерти узором орловые» (КМ, III, стр 134), а в Кадашеве был еще весьма употребителен рисунок «гусиная плоть» (И. Забелин, ук. соч., т. II, 1872, стр. 673, мат., стр. 150). Словом, выбор чрезвычайно богатый.

[3] КМ, III, стр. 64.

[4] Там же, стр. 134.

[5] К. Маркс, Капитал, т. I, 1930 г., стр. 263.

Оказывается, таким образом, что наряду с слабо дифференцированным разделением труда, некоторые виды выработки превращались в узкие специальности, менять которые можно было бы лишь в сторону более простой работы. То же нужно сказать и о производстве широких полотен, которые, повидимому, были своего рода монополией иноземцев. Поэтому им сразу же были даны ученики, но опять-таки в большинстве иноземцы, между ними лишь один русский:[1] кадашевскому ткачу-ремесленнику широкие полотна были, видно, совершенно «не за обычай».

Вполне выделенной особой специальностью было бердное дело. хотя и здесь мы однажды встречаемся со случаем, когда бердник превращается в ткача,[2] но это случай нехарактерный.

Подытоживая, можно сказать словами Маркса, что здесь «расчленение процесса производства на его особые фазы — совершенно совпадает... с разложением ремесленной деятельности на ее различные частичные операции. Является ли такая операция сложной или простой, она во всяком случае сохраняет свой ремесленный характер и, следовательно, зависит от силы, ловкости, быстроты каждого отдельного рабочего, от его уменья обращаться со своим инструментом. Базисом остается ремесло».[3]

Таким образом, разделение труда, благодаря низкой технике, не ушло далеко. Хамовник царского производства до самого конца XVII в. остался тем же ремесленником эпохи сложения крупного хамовного производства; в специализированных ткачей-ремесленников превратились только немногие.

Не было развито и территориальное разделение труда, что ясно показал нам тот список видов продукции хамовных сел и слобод, который был приведен выше. Если в Кадашеве и наблюдается несколько более богатый ассортимент продукции, чем в Брейтове и Черкасове, то мы вместе с тем видим постоянное стремление Приказа Мастерской Палаты к своего рода уравнению этого ассортимента; и если производство, например, хлопчатых скатертей так и не прививается в селах, то сам факт хотя бы эпизодического производства там этих скатертей говорит о том, что особого стремления к развитию территориальной специализации хамовного производства Брейтова и Черкасова у Приказа не было.[4] Иным было положение лишь в Хамовной слободе (Тверской-Константиновской), где производились исключительно только два рода изделий: полотна и скатерти, так и называвшиеся тверские.[5] Хотя тверские полотна вырабатывались и в Кадашеве, однако налицо все признаки строгой специализации Хамовной слободы, что особенно резко проявляется во второй половине XVII в.: если в первой половине тверские полотна производятся в Кадашеве не в меньшем количестве,

[1] КМ, III, стр. 114.
[2] Там же, стр. 22.
[3] К. Маркс, Капитал, т. I, 1930 г., стр. 254.
[4] Там же, см. стр. 54 и табл. 5 и 6.
[5] Там же, стр. 214.

чем в Хамовниках, то далее, во второй половине века, в Хамовниках это производство резко увеличивается, а в Кадашеве остается на прежнем уровне, иногда даже уменьшаясь. Таким образом, прежняя специализация тверских ремесленников, из которых составилась Константиновская слобода в Твери, удерживается ими и в дальнейшем, уже после перевода слободы в Москву. Впрочем, полагаем, что здесь были и еще некоторые другие причины, на которые укажем в дальнейшем.

При изучении экономики хамовного производства необходимо обратиться к другому важнейшему вопросу, именно вопросу о производительности труда прядильщиков и ткачей.

Относящийся сюда материал крайне беден. Но и имеющиеся данные представляют значительные трудности для анализа. Они слишком общи, чтобы делать из них непосредственные выводы: когда сообщается (и то очень редко), что сколько-то ткачей в такое-то время выткали столько-то, то простое арифметическое вычисление, как увидим, было бы большой неосторожностью, ибо нельзя ручаться, что указываемое в источнике время было периодом непрерывной работы. Поэтому целесообразней сначала обратиться к изучению техники производства, которое сильно поможет нам решить вопрос и о производительности труда и, кроме того, укажет нам такие черты в самой организации производства в хамовных селах и слободах, которые до сих пор были от нас скрыты.

IV. Техника производства

Ничтожное количество данных о технике не позволяет дать ее характеристику в развернутом виде, тем более, что эти данные почти все сплошь являются косвенными.

Поэтому придется прибегнуть к соответствующему материалу по XVIII в. Методологически такое использование вполне допустимо, хотя бы потому, что хронологически здесь разница по существу ничтожна, особенно когда речь идет о технике первой половины XVIII в., а кроме того известно, что технические усовершенствования проникали в русскую текстильную промышленность XVIII в. очень медленно. Это относится не только к прядению, где самопрялка еще в конце XVIII в. являлась новшеством,[1] медленно вытеснявшим прядение посредством гребня и веретена. Последнее очень часто и в дальнейшем предпочиталось самопрялке, которая меньше обеспечивала крутость и ровность нити и давала пряжу худшего качества.[2] То же относится и к самому тканью, техника которого совершенствовалась очень медленно: сохранившиеся ткацкие станки даже конца XVIII — начала XIX в., например, из по-

[1] «Деревенское зеркало или общенародная книга», ч. I, Спб., 1798 г., стр. 216—217.

[2] А. Грязнов, Большая Ярославская мануфактура, Москва, 1911 г., гл. VI, стр. 119.

мещичьего текстильного производства села Архангельского Юсуповых[1] — представляли собой обычный ткацкий стан, употребляющийся в домашнем ткачестве русской деревни еще и сегодня, притом без всяких усовершенствований. Даже в крупнейшем текстильном производстве, каким была в первой половине XVIII в. «Ярославская мануфактура» и где технические усовершенствования быстрей усваивались, мы не видим, по крайней мере до середины XVIII в., сколько-нибудь ощутительных изменений в технике: даже такое простое, хотя и очень эффективное усовершенствование, как «погонялка» челнока в ткацком станке, изобретенная в 1733 г., увеличивающая производительность его чуть ли не в два раза — до середины XVIII в., повидимому, не была распространена.[2] Использование материала XVIII в. таким образом вполне правомерно. Больше того, не малую помощь может оказать и использование этнографического материала, поскольку низкая техника домашнего ткачества русской деревни осталась на прежнем уровне. Ряд черт, помимо устройства самого стана, роднит ее с ткацкой техникой XVIII в.: и в помещичьем производстве XVIII в. и в современном крестьянском ткачестве широкие полотна — величайшая редкость, а ширина полотен является показателем чрезвычайно характерным для ткацкой техники, ибо тканье широкого полотна требует или второго работника или «челнока-самолета», т. е. «погонялки», которая появилась сравнительно поздно, и то только в крупных текстильных предприятиях.[3]

Переходя к технике прядения и ткачества в наших хамовных селах и слободах, следует отметить полное отсутствие каких-либо реалий, т. е. подлинных тканей выделки Кадашева, Хамовников, или хамовных сел, поскольку это позволяют утверждать наши поиски в московских музеях. Больше того, вообще очень мало сохранилось датированных образцов полотна XVII в., обычно в крашеном виде, т. е. в виде крашенины; совершенно не сохранилось скатертей XVII в.[4] и лишь всего несколько полотенец (убрусов).[5] Это обстоятельство еще более ограничивает наши возможности в исследовании техники.

Начнем с прядения. Единственное указание, правда, довольно

---

[1] Хранящийся ныне в усадьбе-музее с. Архангельского под Москвой.

[2] См. изображение ткацкого станка, дающее довольно точное о нем представление — на товарном знаке полотен фабрики Затрапезного в Ярославле от первой половины XVIII в. до ее реорганизации. А. Грязнов, ук. соч., стр. 45. Возможно, что «погонялки» не было там и во второй половине XVIII в. В крупнейшем кустарном центре полотняного производства в Ярославской губ., каким было с. Великое, «погонялки», т. е. челноки-самолеты появляются лишь в 1863 г., хотя в иных местах и раньше. А. А. Мещерский и К. Н. Модзалевский, Свод материалов по кустарной промышленности в России, 1873 г., стр. 355, ср. стр 346.

[3] См. Е. Дюбюк, Полотняная промышленность Костромского края второй половины XVIII в. и первой половины XIX в., Кострома, 1921 г., стр. 17.

[4] В собрании ГИМа их нет, в собрании Гос. Оружейной Палаты, по утверждению В. Клейна, их также не сохранилось.

[5] Которые хранятся в Оружейной Палате. Нам их видеть не удалось.

точное, дает нам один документ от 1632 г., именно сказка старосты и всех хамовников и деловиц сел Брейтова и Черкасова, которые сообщают, что «. . .лен покупаем все чесаной и купя, лен прядем у пряслиц, а не за гребень и того, государь, льну сческов и хлопья нету».[1]

Таким образом, самопрялка в XVII в. в прядении этих сел безусловно отсутствовала. Даже такое небольшое усовершенствование, как гребень, через который предварительно проходят волокна, затем уже скручиваемые руками пряхи, здесь отсутствует: прядение происходит непосредственно с прялки, т. е. узкой дощечки, к которой привязан пук волокна, из которого пряха вытягивает нить, скручивая ее руками, обильно смачивая при этом волокно слюной. Нить наматывается на веретено, которому пряха придает все время вращательное движение, что способствует кручению нитки.

Следовательно, техника прядения была достаточно низкой, даже ниже того уровня, который уже в то время существовал.[2] Эта ли техника была в московских слободах или здесь пряли с гребня — сказать нельзя из-за отсутствия данных. Данные по экономике прядения, которые в ничтожном количестве имеются для Кадашева, начиная с конца XVII в., лучше рассматривать в связи с изучением производительности труда по той продукции, для которой пряжа предназначалась. Перейдем поэтому к технике тканья. Относящиеся сюда данные слишком ничтожны, чтобы, исходя из них, непосредственно судить о технике тканья, тем более, что относятся они исключительно к производству парусных полотен, оборудованному в Кадашеве «по последнему слову техники». Поэтому обратимся сначала к терминологии продукции, которая поможет многое уяснить в технике и, что особенно важно, в вопросе о производительности труда.

Прежде всего представляет интерес самая классификация полотна: основное, двойное, тройное; как и наименование скатертных столбцов: двойные и тройные.[3]

Полное и точное выяснение всех терминов едва ли сейчас возможно: история текстильной техники еще слишком слабо разработана. Максимум наших возможностей здесь — это наметить лишь путь исследования, который, надеемся, в дальнейшем действительно приведет к решению вопроса.

---

[1] КМ, III, стр. 57.

[2] О прядении с гребня см., напр., Н. И. Лебедева, Очередные вопросы изучения прядения и ткачества, Москва, 1929 г., стр. 9, где автор приходит к выводу о большой архаичности прядения с гребня. Технику прядения с гребня, которая, таким образом, издавна была известна и притом до XVII в., наблюдаем постоянно и в XVIII в. и в XIX в., а в домашнем деревенском ткачестве и в XX в. См. «Деревенское зеркало», т. I, стр. 216—217; см. также «Экономические ответы по Калужской провинции», ТВЭО, ч. XI, 1769 г., стр. 117; «Экономические ответы по Галицкой провинции», там же, стр. 94; Андрей Болотов, О доброте земель в Каширском уезде, там же, ч. II, 1766 г., стр. 205—206; А. А. Мещерский и К. Н. Модзалевский, ук. соч., напр., стр. 359, 360.

[3] КМ, III, см. табл. 5 и 6.

Прежде всего не может быть никакого сомнения в том, что полотна основные, двойные и тройные классифицированы не по ширине тканей: приведенные выше данные о производстве широких полотен явно говорят против такого понимания. Разница в сортах полотен[1] может заключаться только в одном: в различной плотности ткани (т. е. в числе нитей на данную единицу измерения ткани), или, выражаясь грубо, в степени толщины или тонкости ткани.

Счет нитей полотна и в XVIII в., и в кустарном ткачестве XIX—XX вв. ведется на пасмы (или пасьмы), но различно: пасма в XVIII в. (Вологодская губ.) заключает в себе 40 чисменок по 3 нити, т. е. всего 120 нитей.[2] Во второй половине XIX в. там же в Вологодской губ. встречается счет пасм из 60 нитей.[3] В XX в., например, в Московской губ. (в Воскресенском уезде)[4] — 1 пасма состоит только из 10 чисменок (по 3 нити), т. е. заключает в себе 30 нитей. Сейчас нам это различие не важно: принцип счета, во всяком случае, остался один и тот же. Таким образом, число пасм определяет сорт полотна, но притом в двояком отношении: пасмы могут определять ширину ткани, если предполагать во всех сравниваемых случаях толщину нитей одинаковой: чем больше нитей, тем, очевидно, шире ткань. Но, предполагая данную ширину тканей одинаковой, т. е. допуская, что работа ведется на одних и тех же станках, исключающих значительное увеличение ширины ткани, мы будем иметь определение ее по плотности: число пасм будет указывать на число нитей основы, приходящихся на данную, уже известную, ширину ткани.

Последняя система счета нитей при сновании и тканье как будто бы ближе всего к системе счета, которая существовала в хамовных селах и слободах XVII в.: нет никакой возможности предполагать сколько-нибудь значительные вариации в ширине ткани XVII в.[5] Посмотрим так ли это.

В помещичьем хозяйстве XVIII в. определение сорта полотна шло именно по этой системе: полотна получают классификацию по числу пасм, или, что то же, — по берду[6] в соответствующее

---

[1] Вообще полотном называется ткань с простым переплетением, когда нити основы и утка попеременно проходят друг над другом, т. е. в шахматном порядке.

[2] А. Олешев, О пряже и точе в Вологодской губ., ТВЭО, ч. V, 1767 г., стр. 140. Составитель «Деревенского зеркала», т. I, 1798 г., стр. 218—219 дает другой счет: в 1 пасме — 40 нитей.

[3] А. Мещерский и К. Модзалевский, ук. соч., стр. 341—342.

[4] Е. С. Родченко, Из материального быта населения Воскресенского уезда, 1928 г.

[5] За исключением, конечно, так называемых «широких полотен», о которых речь будет особая.

[6] Бердо представляет собой нечто, похожее на гребень, в промежутках между зубьями которого проходит по две нити основы. Таким образом, количество зубьев в берде указывает на число нитей основы в ткани. Бердо вставляется в колодку, называемую набилкой, и в таком виде служит для прибивания нитей утка к уже вытканной части ткани.

число пасм. При этом очевидно, что чем менее плотна ткань, тем больше уходит по весу пряжи. Например, для XVIII в. помещик А. Олешев в «Трудах Вольно-экономического общества» дает интересную таблицу,[1] где имеются определения полотна по типу берд, или, что то же, по числу пасм: бердо в 20 пасм, в 18, 17, 16, 15 и т. д. до 10 пасм; полотно в 14 — 10 пасм — более грубое, его ткут крестьяне на себя, а в 11 и 10 пасм «называются для их толстоты и редкости холстами». Параллельно Олешев приводит количество потребной пряжи для каждого сорта полотна (определяемого плотностью ткани, выраженной в пасмах, при одинаковой ширине полотна):

Для ткани в	20 пасм	— из	5 фун.	пряжи	выходит	. . . . .	85	пасм
„ тканей в	18—15 пасм		5 „	„	„	. . . . .	75	„
„ „	14—12 „		5 „	„	„	. . . . .	65	„
„ „	11 и 10 „		5 „	„	„	. . . . .	50	„

Ширина всех сортов полотна указывается Олешевым везде одинаковой — $^3/_4$ аршина; лишь для грубого полотна в 11 и 10 пасм — 14 вершков. Но, к великому сожалению, Олешев не приводит терминов полотна этой различной плотности. Эти термины дает зато этнографическая литература. Так, исследователь русского домашнего ткачества А. Ходосов пишет, что, «например, для тканья в бердо «семушник» — снуют 7 пасм,[2] в бедро «осьмушник» — 8 пасм основы, в бердо «девятку» — девять, в «десятку» — десять; «одинщик» — одиннадцать, «двойник» — двенадцать.[3] При этом надо заметить, что для толстой основы берется редкое бердо, как, например, «шестуха», «семушник». Более тонкая пряжа, наоборот, ткется в частые берда. Отсюда следует, что размером берда, начиная с «шестухи» и кончая «двойником», определяется плотность ткани. Бердо «шестуха» содержит в себе 180 тростей, а более частое, например, «двойник» — 360».[4] Перечисленные термины — «двойник», а также «тройник» как будто бы очень схожи, а может быть и тождественны с нашими терминами «двойные» и «тройные» полотна. Но это не так. По смыслу приведенных данных — трудоемкость полотна, например, «двойника», очевидно значительно больше, чем, скажем, «девятки» или «десятки», а «тройника» — больше чем «двойника». То же ясно и из упомянутой только что таблицы Олешева. В хамовном же производстве Кадашева, Брейтова и др. наоборот — трудоемкость «тройного» полотна значительно меньше, чем «двойного» или «основного», не говоря уже о «тверском» полотне, имевшем наименьшую плотность среди прочих сортов полотна, производившихся в хамовных слободах XVII в.: на 1 «дело» пряжи для «двойных» полотен

[1] А. Олешев, ук. соч., стр. 142—146.

[2] При этом нити считаются по одной от каждой пары. *А. Я.*

[3] Бердо в 13 пасм — называемое «тройник», *А. Я.*

[4] А. А. Ходосов, Ткачество деревни, 1930 г., стр. 38—39. Ср. Е. Радченко, Из материального быта населения Воскресенского уезда, 1928 г., а также Мещерский и Модзалевский, ук. соч., ср. стр. 341—342.

пряха должна напрясть пряжи на 2 полотна, для «тройных» полотен — на 3 полотна, для «тверских» полотен — на 8 полотен.[1] То же относится и к тканью.[2]

Вывод может быть сделан только один: определение сорта полотна в царском хамовном производстве XVII в. шло по числу нитей основы на данную ширину,[3] иначе говоря, по толщине нити, т. е. по «№» пряжи,[4] а номеров таких существовало не более четырех, соответственно четырем видам полотна: «основного», «двойного», «тройного» и самого низкого «№» пряжи — «тверского» полотна. Этими четырьмя сортами, конечно, не исчерпывался список сортов и соответствующих им терминов полотна, существовавших в вотчинных производствах феодальной России. Например, в вотчине Б. И. Морозова — в с. Покровском, Нижегородского уезда, где имелся хамовный двор, вырабатывались, кроме «двойных» и «тройных», еще два другие сорта полотна, термины которых не встречаются в хамовном производстве Приказа Царицыной Мастерской Палаты — именно «четверниковые» и «пятерниковые» полотна.[5] Каких-либо данных в документах для определения этих сортов нет совершенно. Можно только предполагать, что «пятерниковое» полотно близко по своей плотности («№» пряжи) к нашим «тверским» полотнам, а «четверниковые» представляли собой промежуточный сорт между «тройным» и «тверским» полотном. Во всяком случае несомненно, что определение сорта полотна в этих двух вотчинных производствах шло по одному принципу. Термины и там и здесь имели таким образом сугубо условный характер. Например, в одном документе от 1631 г., относящемуся к Кадашеву, мы имеем следующую характеристику полотен: «...по 7 полотен тонких, да по 7 полотен тверских».[6] Ясно отсюда только одно: тверские полотна не считались тонкими. Дальше нам итти невозможно: пока неизвестна единица этих соотношений плотности ткани, неизвестно и остальное.

Чрезвычайная условность терминов полотна в XVII в. ясно сказывается и в классификации берд, употреблявшихся при тканье этих полотен в Кадашеве. Здесь мы имеем те же термины:[7] «полотенные берда двойные», «берда тройные», «берда тверские» и несколько более узкие, но, вероятно, частые: «берда утиральные и убрусные» (у бралей), «бердо утиральничное ж задейчатое»

[1] Длина полотна здесь везде равна 14 арш.

[2] См. нашу табл. IV.

[3] Счет нитей по пасмам при основании также, несомненно, здесь существовал, т. к. снование и счет нитей при этом есть необходимый процесс приготовления пряжи к ткачеству.

[4] Этим-то ведь и объясняется смысл производственной группы, описанной выше: пряха готовит именно тот «номер» пряжи, который требуется кооперированной с ней ткачихе.

[5] «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», ч. I. Изд. АН СССР, 1933 г., стр. 187. «Тройные» и «двойные» полотна назывались здесь «тройниковые» и «двойниковые».

[6] Забелин, ук. соч., т. II, 1872 г., материалы, стр. 148.

[7] КМ, III, стр. 56.

(т. е. употреблявшееся при бранье), еще раз «берда убрусные», берда «у ткалей хлопчатых скатертей». Далее «берда с набилками, что ткут посольские скатерти» (т. е. тоже для бранного тканья), или уже совершенно неопределенной характеристики «берда, простые... что ткут свитки» — как видно и на хамовном дворе строгой терминологии не существовало.

Имелись еще «берда наметочные», употреблявшиеся, возможно, при примеривании пряжи к существовавшим типам берд, т. е. для производства «наметки». Длина одной штуки изделия «двойного», «тройного» и пр. полотна нам известна из документов — она равна 14 арш.[1] Как будто только тверские полотна были короче — около 12 арш.[2] Ширину же документы не дают. С. Г. Струмилин в предисловии к изданным в КМ, III материалам замечает, что «русские станки тех времен давали только узкие ткани около 12 вершков».[3] Того же мнения держался и Н. И. Костомаров,[4] а за ним множество авторов, касавшихся этого вопроса (мимоходом), притом все эти утверждения делались без всяких ссылок на документы или реалии. Но если и можно допустить такую цифру — $^3/_4$ арш., как максимум, то систематическая промерка сохранившихся тканей XVII в. дает здесь существенные коррективы. Просматривая по собраниям Государственного исторического музея и музея Новодевичьего монастыря в Москве церковные одежды XVII в.: фелони, стихари, покрывала для престола и пр., которые сохранили иногда в качестве подкладки русского производства крашенину, или, реже, набойку, мы смогли наблюсти, что из восьми случаев несомненной ткани XVII в.[5] только в двух случаях мы имели ширину бо́льшую, чем 10 вершков: это $10^3/_4$ вершка и $11^1/_4$ вершка — причем последний случай вообще сомнителен в смысле датировки ткани XVII в.[6] Во всех остальных случаях, можно сказать, обычной шириной ткани была 9—10 вершков (т. е. 40 — 45 см), чаще 9.[7]

Наоборот, для полотна XVIII в. типичней несколько более зна-

---

[1] КМ, III, табл. V.

[2] Расходная книга «белой казне» от 1632 г. И. Забелин, ук. соч., т. II, 1872 г., материалы, стр. 151.

[3] КМ, III, стр. XX.

[4] Н. Костомаров, Очерк торговли Московского государства в XVI—XVII вв., Спб., 1862 г., стр. 255.

[5] Незначительность числа обмеров объясняется тем, что 1) в большинстве случаев даже на старых XVII в. облачениях — подкладка новая и 2) подкладка ткани часто произведена кусками и измерить ширину ткани от кромки до кромки невозможно, 3) большинство просмотренных облачений имеет подкладку—XVIII в. и еще позднее.

[6] Покрывало на престоле собора Новодевичьего монастыря XVI в. Подкладка — лазоревая крашенина.

[7] Напр., кусок холста от одежды XVII в. — собр. ГИМ № 317/к № 46490, или, напр., подкладка фелони XVII в. из набойки,— собр. ГИМ № 2374/к 72189; или фелонь турского бархата XVII в. из собр. музея Новодевичьего монастыря (шир. подкладки $8^3/_4$ вершков). Полотно в 10 вершк. ширины — на подкладке фелони — собр. ГИМ № 2130/69043; $9^1/_2$ вершк. на фелони XVII в. — собр. ГИМ № Щ 915/20222.

чительные размеры ширины — $11^1/_2$, $12^3/_4$ 15 вершков и т. д.,[1] т. е., примерно, та самая величина, которую указывает Олешев в упоминавшейся таблице,[2] то же в Калужской провинции.[3]

Если, таким образом, указываемый Струмилиным размер ширины полотна в 12 вершков есть возможная величина, то ширина 9—10 вершков более вероятна: она, кстати, близка к ширине домотканных крестьянских полотен, как то можно наблюдать и сейчас.[4]

Благодаря столь незначительной ширине полотна — скатерти сшивались из двух или из трех полотнищ — «столбцов», каждый длиной в 10 аршин.[5] То же делалось и в XVIII в.,[6] пока не возникло массовое производство широких полотен и цельных скатертей в крупных предприятиях, например, на Ярославской мануфактуре Затрапезного, но произошло это не раньше конца первой половины XVIII в. В домашнем же деревенском ткачестве — составление скатерти из нескольких полотнищ обычно и сейчас.[7]

Особо следует сказать о так называемых «широких полотнах». Существование в Кадашеве этого производства отмечалось уже выше, как и то, что вырабатывалось там оно иноземцами. Что значит «широкое полотно», на сколько оно шире обыкновенного? Опять-таки данных относительно этого в документах нет никаких. Приходится исходить из аналогий. Дело в том, что полотняное вотчинное производство имелось не только в Кадашеве, Хамовниках и ярославских селах; было оно и в других крупных, помимо царской, вотчинах XVII в.; ткали там и «широкие полотна». Такое полотно вырабатывалось ткачами-иноземцами (поляками) на упомянутом выше хамовном дворе в вотчине Б. И. Морозова — селе Покровском. В описной книге от 1667 г. на это село прямо указывается: «а в ширину полотна по полтора аршина».[8] Что это было не индивидуальной особенностью полотна Морозовского производства, показывает материал по другому вотчинному производству, существовавшему в Москве, за р. Яузой, на Сафьяновом дворе, входившем в систему хозяйства Тайного приказа. Работали также иноземцы.[9] Производство широких полотен было

[1] По подобного же рода материалам тех же собраний.

[2] Домашнее ткачество и после начавшегося производства более широких чем в XVII в., полотен на фабриках XVIII в. несомненно продолжало еще вырабатывать узкое полотно. Широкое, домашнего тканья полотно — величайшая редкость и в XX в.

[3] ТВЭО, т. XI, 1769 г., стр. 117.

[4] О ширине русского деревенского домашнего полотна — см. ук. соч. Ходосова, Радченко, Лебедевой и т. д. Иное дело — такой центр ткацких промыслов, как с. Великое, Ярославской губ., где уже имеем настоящую домашнюю систему капиталистической мануфактуры, — там ширина ткани достигает 18 вершков.

[5] КМ, III, стр. 171.

[6] Напр., скатерть начала XVIII в., сшитая из двух полотнищ. Из собр. ГИМ № 34653.

[7] См. собрание тканей Музея народоведения в Москве, — напр., коллекция Клетновой.

[8] Хозяйство крупного феодала XVII в., ч. I, изд. АН СССР, 1933 г., стр. 187.

[9] КМ, III, стр. 63.

здесь гораздо значительней по размерам, чем у Морозова. А. Заозерский сообщает (по неизданному документу),[1] что здесь в 60-х годах XVII в. предполагали из 1000 пуд. льна получить:

Узкого полотна	от 4 000 до 6 000 аршин
Широкого полотна	от 2000 до 3 000 аршин

Тут же приведена калькуляция продажных цен «полотна в деле»: «стоит ценою уского 10 аршин, а широкого 5 аршин по 10 алтын», «а продать те полотна ценою было 20 алтын». Таким образом, и по размеру и по цене — широкие полотна относятся к узким как 1 : 2. Отсюда очень вероятен простой вывод, что широкое полотно — вдвойне шире узкого, т. е. обычного, и, следовательно, равно по ширине примерно 18 — 22 вершк., максимум 24, т. е. $1^1/_4$ — $1^1/_2$ арш. ширины, что в точности совпадает с данными по производству в вотчине Б. И. Морозова.

Нетрудно заметить, что производство широкой ткани (в $1^1/_2$ арш.) связано почти исключительно с иноземцами: так было и в производстве Тайного приказа, так было в вотчине Б. И. Морозова, так было и в Кадашеве. Можно думать поэтому, что, декретируя впоследствии, в 1715 г., ширину ткани в $1^1/_2$ аршина, как обязательную для всех,[2] Петр имел перед собой не только заграничные образцы, но и отечественные в виде изделий вотчинных ткачей.

Далее, как мы видели, в большом ходу было производство изделий бранной техники тканья: задейчатых скатертей, посольских скатертей и различного рода убрусов, представляющих чисто дворцовый ассортимент. Общей чертой всех этих изделий является то, что они являются бранными полотнами, т. е., вообще говоря, полотном с вытканным рисунком. Но прежде всего следует выяснить, в чем различие задейчатой скатерти от посольской. Полотно и той и другой является, как сказано, «бранным»: «делает задейчатых скатертей бранье», «делает посольских скатертей бранье»,[3] но посольские скатерти кроме того расшивались: «делает посольских скатертей шитье»,[4] что ни разу не указывалось по отношению к задейчатым скатертям, которые, следовательно, шитью не подлежали.[5] Убрусные изделия были того и другого рода: только бранные и кроме того расшитые. Работа по бранью велась двумя кооперированными друг с другом работниками;

[1] А. Н. Заозерский, Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, 1917 г., стр. 249.

[2] В указе Петра читаем: «... льняные и пеньковые, тонкие и толстые... полотна делать широкие, против европейских государств... а имянно: в полтора аршина, и с четвертью в аршин»... (ПСЗ, V, № 2943).

[3] КМ, III, стр. 4—16 везде: см. нашу табл. IV.

[4] Там же.

[5] Ср. Словарь производственных терминов, приложенный к КМ, III, стр. 311, где определение несколько путанное: что значит бранная скатерть с двухсторонним узором? Вытканный узор на любой ткани не может быть односторонним.

пряжа вырабатывалась двух типов: один из них — это бель, изготовлявшаяся специальными пряхами — беленицами. Техника бранного тканья хорошо известна и в современном домашнем ткачестве, сохранившем черты, весьма напоминающие бранную технику XVII в. О бранной технике на этнографическом материале мы имеем четкую характеристику Н. И. Лебедевой, которую здесь и воспроизводим: «Кроме зева, организуемого киданием подножки, получают дополнительный зев по следующему способу: применительно к намеченному узору выбирают по счету нити основы сзади, за бердом; группы выбираемых нитей подвязывают одну за другой, а затем перекладывают особой дощечкой — «бральницей». Ткут при двух утках. Нажимают первую подножку и в образованный зев кидают белый уток, затем «бральницу» ставят ребром, не касаясь при этом подножек; перевязанные нити подымаются, пропускают другой уток, белый или красный, прибивают бердом. Дощечку после этого опускают, кладя плашмя, и нажимают в обычном порядке вторую подножку, кидают белый уток и т. д. Для получения полного узора при описываемой технике приходится употреблять различное количество раз «бральниц», в зависимости от сложности рисунка. Если «бральница» прокладывается 3 раза — это называется узор «в 3 дощечки», 7 раз в «7 дощечек» и т. д.» [1] Так образовывалась половина узора; вторая симметричная половина его повторяла первую в обратном порядке.

Та же исследовательница отмечает медленность процесса бранья: так, по ее наблюдению, набор узора в 8 дощечек для бранья холста шириною в 5 пасм (270 нитей) продолжался 6 часов. [2] Несмотря на то, что здесь были сравнительно простые геометрические узоры, в то время как в Брейтове и Черкасове или Кадашеве мы встречаем уже довольно сложные изобразительные рисунки, вроде «ореховая развода по 2 оленя в гнезде» или «лоси под деревьями», можно все же думать, что бранная техника XVII в. не далека от описанной: те же 2 бральи, те же 2 разных утка (один из них — «бель» — изготовляли специальные «беленицы»). На фабрике Затрапезного в Ярославле в XVIII в., где рисунки бранных скатертей были еще значительно сложней, бранное тканье по описанию А. Грязнова велось двумя, тремя или даже четырьмя рабочими. Сам ткач был старшим и, имея перед собой рисунок, говорил вслух числа нитей, которые нужно было поднять, чтобы образовать зев. При этом, понятно, работа шла очень медленно: некоторые «придворные скатерти» ткач с тремя переборщиками ткали по $^1/_2$ арш. в день (при 14-часовом рабочем дне). [3]

---

[1] Н. И. Лебедева, Очередные вопросы изучения прядения и ткачества, М., 1929 г., стр. 15.

[2] Н. И. Лебедева, Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки, ч. I, Костюм, прядение и ткачество, М., 1927 г., стр. 21.

[3] А. Грязнов, Ярославская Большая мануфактура, стр. 124. Не забудем, что здесь ткали цельные скатерти, не сшитые из столбцов, и уже достаточно широкие полотна.

В Кадашеве, Брейтове и Черкасове, как сказано, бранье велось двумя ткачихами-бральями. Сложность работы была, следовательно, куда меньшей. Приведенное описание бранной техники дает возможность сделать один существенный вывод и в отношении устройства самого ткацкого стана XVII в.: последний имел, повидимому, только 2 подножки, не больше. 4 подножки дают возможность ткать узор, а нам известно, что узорчатыми тканями в наших хамовных селах и слободах были только бранные скатертные столбцы и убрусы.[1] На последних остановимся особо. Изготовлялись они в «полках».[2] При изучении их перед нами те же затруднения: никаких данных о технике выделки убрусов в документах не имеется, кроме того, что «полки убрусные» являются бранной и затем расшиваемой тканью.[3] Приходится поэтому итти путем косвенных соображений. Известно (см. табл. IV), что выделка убрусов является в 3, иногда в 4 раза менее трудоемкой, чем выделка различных видов скатертей, например, задейчатых. Имея в виду, что убрус был так же роскошной тканью, как и эти скатерти, и, следовательно, с теми же приемами выделки (бранье, шитье), то сравнительно небольшую трудоемкость убрусов можно объяснить лишь значительно меньшим размером их. При ширине полки убруса, близкой к ширине скатертного столбца, по длине она была, следовательно, в 3 — 4 раза короче последнего, т. е. равнялась, примерно, $2^1/_2$ — $3^1/_2$ арш., чаще всего последняя цифра. Вывод этот подтверждает наличие подобных же показателей длины полотенец (убрусов), которые мы находим в описях XVII — начала XVIII вв. Так, в описи Патриаршей Ризницы 1720 г. значится, например, такое полотенце: «Полотенце полотняное. По нем шиты травы разных шелков и золотом и серебром пряденым... Мерою 3 арш. полпята вершка», или: «полотенце полотняное, большое, что подстилалось под благодарный хлеб. Кругом шиты травы и каймы — шелк червчат да лазорев, на одно лицо, з золотом... Ветхо, мерою 4 аршина».[4] Полотенце названо большим: значит, 4 аршина длины убруса — это уже больше нормы; к последней, следовательно, ближе $3^1/_4$ арш., т. е. получаем тот же показатель, который мы только что установили косвенным путем.

Выработанные ткани подвергались белению. Полотна белились посредством древесной золы (зольного щелока),[5] указания на по-

---

[1] Убрус — по словарю Даля — это «плат, платок, ширинка, полотенце, особенно нарядное и бранное». Л. Даль, Толковый словарь великорусского языка, т. IV, ст. 471.

[2] «Полка» — кусок полотна, предназначенный под убрус.

[3] Кроме того, существовали «грузные убрусы,» которые расшивались драгоценными камнями, жемчугом («бель под жемчуг»).

[4] Убрусы эти несомненно русского происхождения. Иностранное происхождение убрусов в описи каждый раз особо оговаривается: «колинское» (кольнское) или «польское». См. Опись Патриаршей Разницы 1720 г., подготовл. к печати Н. Поповым, М., 1910 г., стр. 85.

[5] КМ, III, стр. 40, 69, 71. От неумеренного употребления золы полотна иногда портились, см. стр. 215.

купку которой мы неоднократно встречаем. После этого полотна, очевидно, прополаскивались и затем расстилались на лугу, или, как в Кадашеве, на «беленном дворе», который здесь существовал и до середины XVII в.; после постройки нового хамовного двора он был обнесен деревянной решеткой и охватывал пространство в 34 × 16 саж. На дворе имелся и колодец.[1] Операции эти, судя по этнографическим материалам, относящимся к русскому деревенскому ткачеству, где беление также совершалось посредством золы, производилось, вероятно, до трех раз.[2] Техника беления, можно думать, навряд ли чем отличалась от практикуемой и ныне еще в крестьянском домашнем хозяйстве.

Не касаясь вопроса о производственных постройках в Брейтове, Черкасове и Кадашеве, о которых все необходимое в другой связи уже было сказано выше, перейдем к изучению техники производства парусных полотен; сведения об этом у нас несколько более подробны. Парусное полотно производилось здесь из льняной пряжи,[3] а не из пеньковой, как то было обычно позднее. Производство это возникло лишь в самом конце XVII в., вероятно, в 1693 г., причем рассчитано было на 16 станов, для оборудования которых была составлена (в 1693 г.) специальная «роспись, что надобно к парусному делу», которую решаемся привести целиком: «. . . окольничей Василей Юрьевич Леонтьев с товарищи приказали дать из Мастерские Палаты. . . на дело парусных полотен к 15 станам на ниченицы по 5 алтын на стан, на перевивку берд 6 алтын 4 ден., на дрань — 5 алтын, за дело 16 колес железных — рубль 23 алт. 2 д., за короб, да за 3 ведра гривна, за мотовило гривна, за 2 пары щетей — 13 алт. 2 д., за доски липовые да за клен на колеса 6 алт. 3 д., за веревки — гривна, за дело 9-ти колес деревянных и от починки станов 20 алтын, на золу и на мыло 2 руб. . .».[4]

В другой росписи, дополнительной, читаем: «4 навоя кленовых, 16 ниченицы к бердам, 16 лукошек золы, полуосмины муки ржаной на шлихты, мыло на пряжу, 20 шпуль».[5]

Здесь налицо все данные, позволяющие отождествить весь технический процесс тканья с современным кустарным деревенским ткачеством. Не говоря уже о самих терминах: ниченицы, берда, навой, мотовило, слишком хорошо известных по материалам XVIII в. и этнографическим данным, здесь встречаются такие моменты, как шлихтование основы, также известное в производстве крупных мануфактур XVIII в., не менее характерное и для выделки современного грубого домотканного полотна.[6]

---

[1] КМ, III, стр. 48; Мартынов, ук. соч., стр. 10, 15.
[2] См., напр., А. Ходосов, Ткачество деревни, стр. 66—67.
[3] КМ, III, стр. 71.
[4] Там же, стр. 69.
[5] Там же, стр. 69, ср. стр. 71.
[6] Понятно, что тонкие полотна, как основные, двойные, может быть и тройные — шлихтованию не подвергались.

Пряжу, очевидно, сначала мочили в горячей воде с разведенным в ней мылом (см. в приведенной росписи «мыло на пряжу»), после чего, судя по этнографическим данным, ее колотили, высушивали; после этого заправляли в стан, где заправленную основу шлихтовали,[1] т. е. проклеивали клейстером, изготовленным из ржаной муки (см. ту же роспись, где упоминается «мука ржаная на шлихты»), чтобы придать нитям большую крепкость и гладкость, особенно необходимую для технической ткани.

Для шлихтования предназначены упоминаемые в «росписи» «щети», т. е. щетки. Драть употреблялась на «перевивку берд»; назначение золы для беления также совершенно очевидно.

Несколько сложней обстоит дело с реконструкцией самого стана. В росписи упомянуты «16 колес железных», «9 колес деревянных» (кленовых: «клен на колеса»). Не совсем ясно, прежде всего, назначение железных колес. Верней всего, нам кажется, предположить, что 16 колес железных предназначались для навоя, точнее сказать, они служили приспособлением для удержания заднего навоя (т. е. того, на который наматывается уже готовая ткань) от вращения при натягивании ткани; колесо было зубчатым с железной собачкой, прикрепленной к стану, которая, входя в зубец колеса, удерживала его, обеспечивая таким образом натяжение ткани; по мере того как ткань наращивалась, ткач передвигал собачку на один зубец или на два, восстанавливая таким образом натяжение. Для современного крестьянского ткацкого стана эта деталь обязательна; колеса здесь, правда, не всегда железные, часто деревянные, вполне достаточные для узких и сравнительно тонких тканей; для тяжелой и, вероятно, широкой ткани, каким было парусное полотно, деревянное колесо было недостаточно; впрочем возможно, что упомянутые «9 колес деревянных» имели то же назначение. Но для XVII в. и это было, вероятно, новостью.

Таким образом, меньше всего здесь можно говорить о какой бы то ни было механизации, как думает С. Г. Струмилин.[2]

Опять-таки самой ткани мы не имеем, в документах технических показателей ткани нет, нет указаний и на ширину ее. Однако, косвенные соображения приводят к выводу, что парусное полотно, выражаясь условно, было широкой тканью с шириной, примерно, около 1 метра, может быть немного больше.

Существенные данные дает здесь материал по экономике прядения и тканья парусных полотен, имеющийся в одном документе: в 1696 г. «отдали по тяглу» на выделку пряжи для парусных полотен 6 пудов льна, «А доведетца по опыту ис того льну взять у него Логина пряжи по 15 фунтов, итого всего пряжи надобно с 6 пуд. — 2 п. 10 фунт.; а естли б та пряжа была в тканье, и полотна бы парусного было мерою 85 аршин с полуаршином. . .»[3]

---

[1] См. А. Ходосов, ук. соч., стр. 39.
[2] КМ, III, стр. XXI.
[3] Там же, стр. 71.

Следовательно, из 1 фунта пряжи выходит, примерно, 0,95 арш. ткани, а из одного фунта льна выходит 0,35 арш. ткани.

Для сравнения приведем другое указание наших источников по экономике тканья совсем другого рода полотна, наверняка широкого и тонкого, производившегося на сафьянном дворе в Москве ткачами-иноземцами.[1] Здесь на 817 аршин этого полотна «... было... ростовские и московские покупки льну 133 пуда...». Следовательно, из 1 фунта льна (а не пряжи) выходило 0,15 арш. полотна, т. е. почти в $2^1/_2$ раза меньше, и, следовательно, оно было в $2^1/_2$ раза тоньше парусного. Предполагая же парусное полотно узким, пришлось бы допустить плотность полотна парусного и иноземного широкого (тонкого) почти одинаковой, что, конечно, совершенно невероятно.

С этими данными мы уже ближе подходим и к вопросу о производительности труда по выработке парусных полотен.

Делопроизводство по выработке их сохранило на этот счет чрезвычайно интересный материал.[2] Имеются два сообщения:

1) «Кадашевские старосты... сказали: хамовного двора сиделые хамовники 16 человек выткали парусных полотен 500 аршин июня с 5 числа июня ж по 28 число»;[3] 2) бьют челом 16 человек: «мы, холопы ваши, те парусные полотна ткали... генваря с 25 числа — апреля по 13 число. А выткали тех парусных полотен 2.000 аршин...»[4]

Произведя простое арифметическое действие деления, получаем (вычтя предварительно воскресные дни): в первом случае работали 16 человек 21 день, выткали 500 арш., и, следовательно, каждый в 1 день ткал 1 арш. 8 вершк.; во втором случае работали 16 человек 67 дней, выткали 2.000 арш., и, следовательно, в 1 день каждый ткал по 1 арш. 13 вершк.

Разница получается небольшая.

И вот, наконец, третий документ, которым исчерпываются все имеющиеся данные о производительности труда: «На сафьянном же дворе... налицо по мере вытканных полотен: Федькина тканья Иванова, что выткал он с марта 180 по 182-й год — 407 аршин; да иноземца Яганова тканья Рыхтера 190 арш. полотен же и скатертей».[5] Здесь тот же расчет дает цифру около 1 арш. 3 вершк. ткани в день (18 месяцев = 540 дней — 72 воскресных дня = = 468 дн.: 407 арш.).

Итак: парусного полотна в день ткач вырабатывает 1 арш.

---

[1] Соображения наши о том, что здесь мы имеем производство именно широких тканей, приведены выше. См. КМ, III, стр. 63.

[2] Интересен сам факт наличия в делопроизводстве данных о производительности труда: при выработке других изделий этим интересовались лишь косвенно — лишнее свидетельство о том, что производство это было организовано иначе. Третий, приводимый далее, документ уже не относится к производству Приказа Царицыной Мастерской Палаты.

[3] КМ, III, стр. 70.

[4] Там же, стр. 103.

[5] Там же, стр. 63.

8 вершк., — 1 арш. 13 вершк.; ткач тонкого полотна вырабатывает в день 1 арш. 3 вершк. (даже чуть меньше). Если даже предположить первое широким полотном, где работают вдвоем, и, следовательно, при тканье «узкого» полотна каждый вырабатывал бы 3 арш. 2 вершк. — 3 арш. 12 вершк., и то разница получается слишком малая. По таблице Олешева, упомянутой выше — «господское полотно» (бердо в 20 пасм), которое навряд ли грубее полотна «Федькина тканья», ткется в день 3 арш.; а крестьянское, более грубое в 14 — 10 пасм, 6 — 10 арш. в день. Т. е. производительность в несколько раз более высокая; а технический уровень производства, как отмечалось выше, был один и тот же. Разница становится не понятной.

А если обратиться к этнографическому материалу (правомочность этого обоснована выше), то контраст получается еще более разительный.

Как норма, крестьянка в свой рабочий день (12 — 14 часов) может выткать 5 метров (т. е. 7 арш.) холста, а посконины, более грубой ткани — $8^1/_2$ метров (т. е. около $11^1/_2$ арш.) [1] Иначе говоря, получаем цифры, довольно близкие к тем, что дает Олешев для XVIII в. В Ярославской губ. ткач-крестьянин вырабатывает в день полотна «лучшего качества» (шир. в 10 вершк.) — $9^1/_4$ арш.; [2] в с. Великом, Ярославской губ. — 5 — 10 арш. в день, «в зависимости от толщины нитки» [3] и т. д.

Приходится сделать вывод: если полученную цифру дневной выработки одним ткачом парусного полотна считать вполне допустимой, принимая в расчет новизну производства, ширину полотна и т. д., то цифра дневной производительности ткача «тонкого» полотна (1 арш. 3 вершк. в день) является явно нереальной. Нереален, следовательно, и наш расчет. В чем же дело?

Единственное предположение, которое здесь можно сделать, будет то, что ткач Федька Иванов в течение указанных им 18 месяцев работал не беспрерывно. Повторяем, других данных, столь же непосредственных, о производительности труда деловиц и хамовников мы не имеем, но вывод о небеспрерывности работы был бы все равно неизбежен: раз тяглецы обложены хамовной повинностью различно — от $1^1/_2$ «дела» до $^1/_4$ «дела», — столь же различен, следовательно, должен быть и размер их выработки. Ткачи же парусных полотен, действительно, работали «беспрестанно»; производительность их хотя была и небольшой в силу специфичности и, возможно, непривычности производства, все же составляла вполне реальную величину. Но все дело в том, что ткачи парусных полотен были уже мало похожи на старого тяглеца хамовной слободы: они являлись уже рабочими, получающими поденную плату, а часть из них к концу века даже сдельную; с тяглом, хамовной повинностью эти ткачи уже не связаны. К концу века

[1] А. Ходосов, ук. соч., стр. 72.
[2] А. Мещерский и К. Модзалевский, ук. соч., стр. 341.
[3] Там же, стр. 352, ср. стр. 362—363.

таких, как они, был уже значительный процент населения хамовных слобод. А в первой половине века, во второй лишь отчасти[1] — тяглец хамовной слободы отдавал, очевидно, *лишь часть своего времени, работая, вероятно, посезонно*, как то мы наблюдаем в вотчинных «фабриках» и в XVIII в.[2]

V. Социальный состав слобод и природа рабочей силы

С несколько неожиданной стороны мы вплотную подходим к вопросу о социальном составе населения хамовных слобод и сел, а вместе с этим и к вопросу о природе рабочей силы этого текстильного производства.

Изучение вопроса о производительности труда привело нас к выводу, что тяглец хамовных слобод и сел, как правило, не все время посвящал выполнению своей хамовной повинности, нередко и вовсе незначительную часть его. Лучше всего это показывает тот факт, что производство полотен на продажу было одним из основных, широко распространенных промыслов, которыми были заняты кадашевцы, тяглецы Хамовной слободы и ярославских сел. Последним приказчик этих сел Степан Айгустов в 1632 г. наказывал, чтобы «от государева царева... от пряжнóго дела и от своего от пряжного ж дела счески и хлопья собирали»...[3] А для кадашевцев и затем для тяглецов Хамовной слободы беспошлинная торговля (правда, только в житном ряду) полотном своего изделия и беспошлинный провоз его представляли одну из существеннейших привилегий, которыми они пользовались по жалованной грамоте еще 1613 г., а всего вероятней и раньше: «...а которые кадашевцы торгуют на Москве в житном ряду и весовыми товарами, и им перекупной пошлины в померной и в таможне и в мытне не давать...»; грамота 1648 г. сохранила лишь беспошлинный провоз полотна через Москву-реку, отменив беспошлинную торговлю: «и через Москву-реку, как они повезут полотна, и с них перевезу и мостовщины с нош и с возов не имати».[4]

Торговля полотном собственного изделия носила массовый характер: тяглецы хамовных слобод и, как мы увидим, сел — это прежде всего ремесленники, вошедшие в XVI, возможно еще в XV в., в состав царских вотчинных сел и поселков, превратившихся затем в слободы; сделавшись ремесленниками царской феодальной вотчины, они превратились в крепостных; выражением этого была их хамовная повинность. Но вместе с тем ремесленниками-торговцами, как то обычно для средневековья, они остались в продолжении всего этого периода, вплоть до второй половины XVII в., а частью и до конца его.

---

[1] А в ярославских селах — в течение всего XVII в.

[2] П. Г. Любомиров, Очерки по истории русской промышленности XVIII и начала XIX в., 1930 г., стр. 89.

[3] КМ, III, стр. 57.

[4] Там же, стр. 83, особенно стр. 84. См. П. Смирнов, Московские ткачи XVII в. и их привилегии, стр. 4.

Обширные привилегии этих ремесленников, полученные ими еще в XVI в., постоянно толкали их к расширению ремесленной деятельности; переписная книга 1630—1631 г. подводит в своем роде итог этому процессу: она насчитывает уже 61 (!) профессию кадашевцев (см. ниже — табл. VI). Явление это вообще очень характерно для московского посадского мира XVII в., особенно для слобод казенных мастеров.[1] То же было характерно и для сел Брейтова и Черкасова, где в 1669 г. «...про промыслы и про торги... и староста и целовальники и лутчие хамовники сказали: торгуют де небольшие люди села Брейтова и села Черкасова хамовники щепетиньем да солью и съесным харчем и лес в своих угодьях хоромной секут и гоняют плоты Мологою до города Ярославля для продажи».[2] Речь идет о меньших людях, т. е., очевидно, о большинстве. Об основной массе населения шла речь и относительно Кадашева.

А социальная верхушка — «лутчие люди» — это сплошь, как увидим, тузы торгово-промышленной Москвы.

Ремесло, связанное для большинства с торговлей, оказывается характерной чертой социального облика хамовных слобод и сел.

В объяснении генезиса этого явления — привилегиям населению хамовных слобод, благодаря которым оно издавна оказалось в исключительно благоприятных, по сравнению с остальным тяглым миром, экономических условиях, необходимо отвести, несомненно, крупную роль.

Состав этих привилегий, судя по списку жалованной грамоты 1613 г. и 1622 г., очень обширен.[3] Вопрос о привилегиях Кадашева и Хамовников был уже темой специального исследования;[4] остановимся на нем поэтому кратко.

Из финансовых льгот наиболее существенными, кроме упомянутой льготы о беспошлинной торговле в житном ряду, были: пониженная в $2^1/_2$ раза, сравнительно с другими торговыми людьми, торговая пошлина в иных местах торговли ($2^1/_2$ деньги с рубля), беспошлинный провоз всякого товара через Москву-реку, беспошлинный провоз товара на мелких судах (стругах) по всем рекам. Общая привилегия по тяглу — «с черными сотнями никаких им дел не делати и не тянути ни в чем» — сразу выделяла вотчинных ремесленников, как и казенных, из общей массы московского посадского мира. Затем следуют такие привилегии, как: освобождение от мостовой и городовой повинности, от подводной повинности («...и подвод и кормов... не имати», «стругов подо всякие наши царские обиходы... не имати»), далее: «...к нашему делу

---

[1] М. В. Довнар-Запольский, Организация московских ремесленников XVII в., ЖМНП, 1910 г., IX, стр. 150; Т. П. Ефименко, Организация городских ремесел в Московском государстве XVII в., ЖМЮ, 1914 г., т. IV.

[2] КМ, III, стр. 38.

[3] Там же, стр. 82—84.

[4] П. Смирнов, Московские ткачи XVII в. и их привилегии, Ташкент, 1928 г.; в этой работе дан подробный анализ состава привилегий.

на казенный двор и в иные приказы никуды не имать»; затем такие судебные привилегии, как неподсудность кадашевца и хамовника никаким приказам, так же, как «по иным городам не судити их ни в чем», «ино их сужу аз, государь царь или наш постельничей да дьяк» три раза в год; наконец, экстерриториальность по отношению к московской «полиции» — Земскому Приказу. Все эти привилегии, не говоря уже о более мелких, в своей совокупности достаточно ясно рисуют перед нами резко обособленную слободу, широко наделенную такими льготами, с которыми могли итти в сравнение, да и то не всегда, льготы гостям, да суконной сотне. Тяглецы ярославских сел Брейтова и Черкасова навряд ли имели такие обширные привилегии, по крайней мере мы не имеем здесь определенных на то указаний. Кое-какие льготы, однако, несомненно, были и здесь; например, в переписной книге по этим селам (1669 г.) сообщается о существовании на р. Сити под с. Черкасовым мельницы, амбара «осьми сажен, а в нем жерновы да толчея», построенные целой компанией тяглецов Брейтова и Черкасова — 32-мя человеками «а оброку с тое мельницы в казну великого государя не платят».[1] Не положены «в тягло и оброк» и Тимонинские пустоши и поля села Черкасова, где они «вновь лес розчищают и пашню пашут».[2] «А во Дворец и в иные приказы денежных доходов не платят».[3] Впрочем, навряд ли эти льготы были сколько-нибудь значительны: например, имеется указание, что в 1626 г. приказчик на постройку церкви употребляет деньги «...что в зборе с пустошных загород и з сенных и таможенных денег».[4] Взимается оброк и с пустошей по р. Сити, где «брейтовцы пашню пашут и лес вновь розчищают и сенные покосы косят, а лес на тех пустошах еловой и сосновой хоромной».[5] Отмены феодальных льгот московских слобод здесь поэтому и не было; не было и тех резких социальных сдвигов, которые мы наблюдаем, например, в Кадашеве. И организация тягла и производства и весь социальный строй в селах, повидимому, остается неизменным на протяжении всего XVII в. Не то в Кадашеве. Здесь эти льготы, сложившиеся окончательно, вероятно, во второй половине XVI в., могли, понятно, обеспечить процветание той ремесленной торговой корпорации, которую представляла собой и Кадашевская и Хамовная слободы. Произошло это, конечно, не сразу. Поэтому вполне вероятна справедливость замечания гостей (от 1648 г.), которые писали, что «при иных прежних государях в Кадашеве и в иных слободах таких прожиточных людей не бывало, и по стольку людей не живало...[6] Но обширная территориальная торговая корпорация, в которую объединены тяглецы Кадашева и Хамовни-

[1] КМ, III, стр. 38.
[2] Там же, стр. 39.
[3] Там же, стр. 39.
[4] Там же, стр. 75.
[5] Там же, стр. 39.
[6] Доп. к АИ, т. III, № 47, 1, стр. 155.

ков — в ту пору, в первой половине XVII в., уже существовала.

Привилегии делали эту корпорацию достаточно замкнутой: доступ в нее отнюдь не был прост. «Возможность попасть в Кадашевскую слободу связывалась двумя условиями: покупкой двора и сбором поручной жилой записи; и то и другое предполагало известную материальную состоятельность».[1] Обычной формой резолюции на челобитных о вступлении в слободу было: «собрать по нем жилая запись, государева ему дела делать и двор купить, а старостам розыскать, нет-ли по нем в ыных сотнех жылых записей.[2]

Гости в той же челобитной против кадашевцев отмечают, что «в Кадашеве, государь, многие полные люди, и промыслы промышляют большии и твои государевы службы таможенные и кабацкие им за обычай, что во многих городах, в Новгороде и во Пскове и в Ярославле и у Соли Камской и во многих понизовых городах таможни и кабаки за собой держат по многие годы, и прибыль, государь многую сбирать умеют».[3] Непосредственно это замечание касается, конечно, только «лутчих людей», о которых нам еще придется говорить.

Но торговые занятия прочего мужского тяглого населения не менее известны. Занятия эти требовали, понятно, частого и длительного отсутствия из слободы — об этом говорят и гости в своей челобитной. «И тем не менее, кадашевцы крепко держались своего дворцового тягла, потому что оно избавляло их от службы и обложения с Московским посадом».[4] При таких условиях само собой возникает вопрос, кто же фактически выполнял хамовную повинность?

Переписная книга по Кадашеву 1630 — 1631 г. дает на этот вопрос совершенно точный ответ. Выражение: «двор (такого-то), государево дело жена ево делает» — есть в своем роде стереотип, повторяющийся при описании большинства дворов. Лишь незначительная часть владельцев дворов выполняет хамовную повинность сама (26% всех дворов), но большею частью это происходит тогда, когда владельцем является вдова или вообще женщина (сестра, дочь).

Лучше всего это видно из таблицы, где перечислены профессии тяглецов, т. е. владельцев дворов (см. табл. VI).

Следует обратить внимание еще на одну очень важную черту: уже в 30-х годах появляется *найм* тяглецами вместо себя работников. Судя по переписной книге 1630 г., их немного, всего трое. Что нанимавшие вместо себя работников были заняты именно торговлей, притом иногда в крупных размерах, об этом догадаться нетрудно. То, что хамовный оклад этих тузов не велик[5] — тоже не удивительно: вспомним, что говорили гости в своей челобитной

---

[1] К. Базилевич, ук. соч., стр. 15.
[2] КМ, III, стр. 115.
[3] Доп. к АИ, т. III, № 47, 1, стр. 155.
[4] М. Довнар-Запольский, ук. соч., стр. 153.
[5] В трех указанных случаях оклад был: 1/2 «дела», 1/2 «дела» и 1/4 «дела».

Таблица VI

Профессиональный состав Кадашевской слободы по переписной книге 1630—1631 г.

| | Количество дворов | Владельцы дворов не занимаются хамовным делом | | |

(от 1648 г.): «...ныне, гос., в одном Кадашове больше штисот человек, а преж, гос. бывало на деле по одному человеку, а ныне, государь, живут на деле человека по 3 и по 4».[1] А про одного из этих троих (делающих дело наймом), Василия Полежаева, мы знаем несколько подробней: в своей челобитной он сообщает, что живший у него во дворе Лучка Семенов «снес денег и платья и всякие кузни серебряные и жемчужные на 255 рублев, да крепостей де ево заемных кабал снес у нево, Васьки, на 472 руб., и всего де у него Васьки тот Лучка живота ево снес на 700 на 20 на 7 рублев».[2] Перед нами, таким образом, крупный ростовщик.

Переписная книга 1630—1631 г., повторяем, зарегистрировала всего-навсего три таких случая. Но, оказывается, в этой книге нет полных указаний на состав работников, фактически выполняющих хамовное дело. Архив Оружейной Палаты сохранил поименную роспись всех работников Кадашевской слободы (от 1630—1631 г.); роспись дает существенные коррективы к приведенной таблице. Роспись намечает 5 групп работников:[3]

I. «Деловицыны мужи, у которых жон нет, а государево дело делают наймом»		12 чел.
II. Хамовников русских		45 „
Роспись их 1631—1632 г. более определенно характеризует эту группу; из них:		
1) «Хамовники, которые за станом сами сидят не наймаючи»	10 чел.	
2) «Которые хамовному делу умеют, а в свое место нанели сиделых хамовников»	7 „	
3) «Которые за старость государевых хамовных дел сами не делают, а в свое место наймуют, а у них есть дети, а государеву делу их не учат, и за стан и свое место не сажают»	13 „	
4) Такие же дела выморочные	2 „	
5) Такое же дело сбежавшего хамовника	1 „	
6) «Которые хамовному делу не умеют, а у них дети малые, а иные одиноки, а в свое место наймуют»	8 „	
III. Хамовники-иноземцы		2 „
IV. Бердники		2 „
V. Деловицы		344 „
Всего		405 чел.

Выразим эти сведения в виде таблицы по интересующему нас признаку (см. табл. VII).

Картина получается достаточно яркая: из 355[4] мужчин-тяглецов, несущих хамовное тягло, лично выполняют хамовное дело

[1] Доп. к АИ, III, № 47, 1, стр. 155.
[2] КМ, III, стр. 13 и 110.
[3] Там же, стр. 208.
[4] Число это получаем, вычтя из общего количества 405 номинальных тяглецов — 2-х иноземцев и 48 деловиц — владельцев дворов (см. выше табл. VI привед. на стр. 69).

Таблица VII

	Количество людей	В %
Лично выполняющие хам. тягло:		
деловицы	344	85,0
хамовники (+ бердники)	12	3,0
Нанимают вместо себя	42	10,3
Иноземцы-ткачи	2	0,5
Нет данных для отнесения в ту или иную группу	5	1,2
	405	100

всего 12 человек (3%); процент нанимавших вместо себя достиг уже 10%, и это, не забудем, для первой половины XVII в., для 30-х годов.

Котошихин рисует картину еще более резко: «А делают про царский обиход полотна мастеровые люди немногие, Русские и Поляки, а иные люди в свое место наймуют делать их же мастеров».[1]

Наблюдения Котошихина относятся к началу второй половины XVII в., точнее сказать к 60-м и началу 70-х годов (в 1664 г. служебная карьера Котошихина на московской службе, как известно, окончилась).[2] А что собою представляли московские хамовные слободы к этому времени, какие крупные сдвиги произошли там на рубеже первой и второй половины века, сказавшись полностью лишь к 60-м годам — говорилось выше.

Феодальные привилегии исчезают, П. Смирнов в цитированной работе произвел сравнение статей жалованных грамот 1622 г. и 1648 г.: кадашевцы и хамовники совершенно лишились беспошлинной торговли и беспошлинного провоза своих товаров (кроме полотна); свобода от мостовой повинности остается, зато вводится городовая повинность; на Казенный двор мастеровых людей теперь «имать» можно. Таким образом, «кадашевцы и хамовники частично будут принимать участие в «делах» черных людей».[3] Далее, из 8 статей судебных привилегий — 3 выброшены были вовсе, уцелели 5, притом наименее важные, и то в сокращенном и ограниченном толковании: статья о воспрещении суда над тяглецами Кадашева и Хамовников в других городах выброшена вовсе, льгота от ямской гоньбы отменена тоже, суд над кадашевцами может происходить теперь не три раза в год, а в любое время, при этом судит уже не царь, т. е. привилегия и здесь утрачена; прежнее освобождение от церковной «дани... в патриархову казну» — от-

[1] Г. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 3-е, стр. 120.
[2] Г. Котошихин, ук. соч., предисловие редактора к 3-му изданию.
[3] П. Смирнов, ук. соч., стр. 15—16.

менено, экстерриториальность по отношению к Земскому приказу — так же и т. д. и т. д.[1]

Не мудрено, что некоторым московским приказам начинает казаться, что хамовники лишились своих привилегий вовсе. Именно ко второй половине XVII в. — 70 — 90-м годам — относится целая серия фактов, свидетельствующих об этом: Пушкарский приказ пытается привлечь кадашевцев к оковке пушек, причем, как ни странно, по государеву указу, хотя эти кадашевцы «беспрестанно» работают на хамовном дворе.[2] С кадашевца, промышляющего в Переяславле-Рязанском, там тянут тягло и подати, которые он в то же время платит в Кадашеве, где и «изделье делает» (очевидно наймом):[3] с привилегиями, верней остатками их, в Переяславле решили совершенно не считаться. К этому же времени относятся многочисленные попытки гостей и торговых людей суконной сотни заполучить к себе богатых кадашевцев, что им часто и удается;[4] гости ведут наступление иногда и на одиночек — желательных для них кадашевцев,[5] но это относится уже к социальной верхушке слободы.

Самая же ремесленно-торговая корпорация хамовных слобод должна была неминуемо, рано или поздно, разрушиться. Кадашевцы и хамовники — ремесленники и торговцы начинают оседать в слободе; об этом свидетельствует строильная книга 1656 г., где мы встречаем частые указания на «сиделых хамовников», многочисленные указания на безденежную дачу двора (разумеется, при условии работы на хамовном дворе, то же и брейтовцам); усиливается количественно несоответствие окладных участков размеру хамовного тягла («четверть дела бранье задейчатых скатертей, а делоть с полудела»),[6] которое было косвенным отражением общего факта — усиления феодальной эксплуатации хамовника-тяглеца. Строится большой «хамовный двор»; несравненно более значительная часть хамовников теперь начинает работать в общем помещении палат «беспрестанно».

Лишение привилегий, усиление эксплуатации ткачей постепенно уничтожало преграды, обособлявшие прежде кадашевцев от остального московского посадского мира. В этом смысле характерно одно указание на участие кадашевцев в революционных восстаниях, которые происходили в столице в начале 60-х годов — знаменитом «медном бунте» 1662 г. Правильнее всего так понять сообщение челобитной от 1665 г. об одном кадашевце, что тот «немного жив в том дворе, объявился в бунте, и за то он сослан в ссылку».[7]

К этому же времени относится и другое крайне характерное и

---

[1] Подробно см. П. Смирнов, ук. соч.
[2] КМ, III, стр. 95.
[3] Там же, стр. 102.
[4] Там же, стр. 99—100.
[5] Там же, стр. 101.
[6] Там же, стр. 19.
[7] Там же, стр. 93.

важное явление: резко усиливается вовлечение в слободу постороннего элемента — во множестве появляются «новопришлые», в которых Приказ Мастерской Палаты теперь особенно заинтересован как в реальных работниках (не забудем и о стихийном опустошении слободы в середине XVII в. в результате «морового поветрия»). Появление значительного количества «новопришлых» также несомненно способствовало разрушению прежде незыблемой ремесленно-торговой корпорации кадашевцев и хамовников. Кто они, эти «новопришлые»? Таблица, составленная по материалам челобитных о приеме в слободу, дает на это ясный ответ.[1] За 1672 — 1681 гг. социальный состав новопришлых людей выглядит следующим образом:

1. Гулящие люди	34	чел.
2. Торговые люди	14	„
3. Торговые люди суконной сотни	1	„
4. «Кормятся своей работой»	7	„
5. Кадашевцы[2]	4	„
6. Жители Твер.-Константиновской слоб.[2]	2	„
7. Родичи дворцовых служащих	2	„
8. Крестьяне, отпущенные на волю	3	„
9. Наемные рабочие	2	„
10. Бобыль дворцовый	1	„
11. Соц. происхождение не указано	31	„
Итого	101	„

Общая всем им черта — это личная свобода: «гулящий человек», крестьянин, отпущенный на волю и т. д. Причем этот признак, с точки зрения приказной администрации, является решающим: в резолюциях по этим челобитным читаем: «...старостам розыскать, нет ли по нем в иных сотнех жилых записей»,[3] про гулящего человека Савву Андреева велено розыскать «не боярский ли, не монастырский ли и где ево родина»,[4] или: бьет челом «Юксовский бобыль... прибрел я, сирота твой, к Москве и кормлюся своим рукодельишкам и скитаюсь меж двор». Велено было «сыскать в иных слободах по нем жилой записи нет ли»[5] и т. д.[6]

Так было, впрочем, всегда; личная свобода — обязательное условие приема в слободу; но раньше таких новопришлых были единицы,[7] теперь, в 60 — 70 годах — это массовое явление. Мало того, приказная администрация мобилизует, так сказать, свои прежние ресурсы, она собирает ткачей, хотя бы они стали уже за кем-нибудь, т. е. крепостными в другом месте. Так выписывается в Москву кадашевский ткач, исстари специализировавшийся на

[1] КМ, III, стр. 301.
[2] Это, вероятно, возвращающиеся в слободу. Примеры этого см. ниже.
[3] КМ, III, стр. 115.
[4] Там же, стр. 116.
[5] Там же, стр. 116.
[6] Там же, стр. 126, 127.
[7] В изданных материалах имеется всего два таких случая: от 1627 и 1642 гг. См. КМ, III, стр. 106 и 110.

бранье скатерти «узором орловые» и бивший в кабальное холопство к дворянину Савельеву, у которого также работал ткачом;[1] а прежний крепостной, сбежавший в Москву и, правдами или неправдами, принятый в Кадашево, уже не возвращается к своему прежнему владельцу-помещику, несмотря на многочисленные челобитья последнего.[2] В первой же половине века положение было совершенно иным: челобитная кн. Ив. Барятинского о возвращении его беглого крестьянина, женившегося на кадашевке и таким путем попавшего в Кадашево (документ датирован издателями 1628—1641 гг.) — полностью удовлетворяется.[3]

Стремление удержать в Кадашеве квалифицированную силу, что относится в особенности к женщинам, делает понятным и указ 1672 г.: «...которые люди женятца в Кадашовской слободе на ...мастерицах и таким людям велено жить в Кадашовской слободе и в ыные слободы таких людей отдавать не велено»,[4] хотя и оказалось вскоре необходимым его отменить. В этой связи понятна позиция Приказа Мастерской Палаты в многочисленных делах о невзятии кадашевцев и хамовников в тягло по другим слободам и сотням. Характерно, что число таких дел растет именно в эти критические 60 и 70-е годы, когда притязания различных сотен и слобод на выгодных для них тяглецов Кадашева и Хамовников становятся особенно частыми. Способствовало этому, думаем, и резкое сокращение привилегий хамовных слобод: администрации черных слобод и сотен, как и некоторым московским приказам, начинает касаться, что эти привилегии и вовсе уничтожены. Примеры тут многочисленны: Овчинная слобода претендует на кадашевца, родители которого когда-то жили в этой слободе,[5] другой раз — Дмитровская сотня, в которой некоторые кадашевцы прежде жили,[6] или Бронская слобода, где нынешний кадашевец «был в наймах», но женился на кадашевке, получив, таким образом, право жить в Кадашеве[7] и т. д.[8] Нам нет сейчас необходимости останавливаться на каждом из этих случаев. Важно отметить здесь общую характерную черту: каждый раз приказная администрация решает дело в пользу кадашевцев; вся юридическая аргументация приказа в разборе этих дел имеет одну общую цель — сохранить работника в хамовной слободе.

Иначе шел процесс формирования рабочей силы в селах Брейтове и Черкасове, которые не обладали феодальными привилегиями в той степени, как московские слободы. Поэтому ярославские села

---

[1] КМ, III, стр. 134.
[2] Там же, стр. 91. Крепостные могли сюда попасть лишь в малолетнем возрасте. Так и бывало. См. КМ, III, стр. 110.
[3] Там же, стр. 109.
[4] Там же, стр. 115.
[5] Там же, стр. 110—111.
[6] Там же, стр. 120—1.
[7] Там же, стр. 115.
[8] Там же, см. еще стр. 122—3.

не были столь заманчивым местом, куда бы стремились эти гуляющие люди, наемные, бобыли или попросту беглые.

Если рабочая сила сюда не притекает сама — ее берут, но берут чисто крепостнически: «И преж сего, по вашему царьскому указу имывали, государь, с по саду с Мологи девок, которые... вашему ц[арско]му делу годны будут»,[1] причем операция эта производилась, видимо, неоднократно и систематически, так что впоследствии уже стало «имати некого».[2] То же, конечно, и с населением самых сел Брейтова и Черкасова: «А что, государь, было во Брейтове и во Черкасове девок порослее... я, холоп ваш... и в убрусные, и скатертные бральи поимал во 132-м году и во 133-м году и во 134-м году...», в результате чего «во Брейтове и в Черкасове девок нету и [в у]ченицы, гос., имати некого. А и есть, гос., девки [толь]ко малы добре и в ученицы недоросли».[3] Типично-крепостнические методы остались и впоследствии. Брейтовцев и черкасовцев, после «морового поветрия» в Кадашеве, туда попросту «вывозят»: «бьет челом твой кадашевец, твоего государева хамовного села Брейтова вывозной человеченко»...[4]

Крепостной характер рабочей силы здесь ясен совершенно.

В московских слободах этот крайний прием был попросту излишен: даже остатки привилегий были привлекательны для той навряд ли уже значительной массы московского и провинциального люда, которая оказалась еще не окончательно закрепощенной, не стала еще под тягло. Выгодней было стать под тягло здесь, в московских хамовных слободах, все же еще привилегированных. Туда явно стремились. Но и здесь это обстоятельство не меняет общего вывода о крепостнической природе рабочей силы: кадашевцы и хамовники — номинально все, в большинстве же фактически были и остались крепостными царского вотчинного хозяйства и организованного в нем текстильного призводства.

Таким образом, резюмируя сказанное, можно заметить, что ткачи Московской и Тверской слободы на протяжении по меньшей мере полутора столетий совершили своего рода круг: появившись на исторической арене, как можно думать, в качестве поселка свободных ремесленников, они были освоены царем-феодалом, вовлечены в организацию царского вотчинного производства, превратились в обязанных нести хамовную повинность на царя-вотчинника. Повинность эту они выполняли лично, продолжая в то же время работать и на рынок. Складывалась ремесленно-торговая корпорация. Приобретенные привилегии, явившиеся, конечно, в результате достаточно длительного процесса сложения самой слободы и оформившиеся окончательно уже, примерно, в конце XVI в., сделали эту корпорацию чуть ли не самой значительной и богатой в Москве. О том, что это произошло не сразу, достаточно ясно свидетель-

[1] КМ, III, стр. 51 (1626 г.).
[2] Там же, стр. 96 (1673 г.).
[3] Там же, стр. 51.
[4] Там же, стр. 96 (1673 г.).

ствует челобитье гостей (см. выше). Лично выполняемая хамовная повинность постепенно становилась редким явлением. И, наконец, вторая половина XVII в. характеризуется отменой прежних привилегий. Корпорация разрушается. Ткачи в основной своей массе в силу нового положения вещей идут на вновь отстроенный хамовный двор работать «беспрестанно».

Последняя стадия повторяет начальную: ремесленники хамовной слободы возвращаются к своей основной специальности, но происходит это уже на новой, высшей в отношении развития феодализма, ступени, соответствующей тому усилению крепостнической эксплуатации, которой отмечена вторая половина XVII в.

Противоречием только что сказанному может показаться то, что найм номинально несущими тягло кадашевцами (и, вероятно, хамовниками) вместо себя работников во второй половине века не ослабевает, как можно было бы ожидать, а, наоборот, усиливается. Как дело обстояло в 30-х годах, мы уже видели (табл. VII), но теперь в 70 — 80-х годах найм вместо себя работников принимает куда более значительные размеры.

В 1680 г. старосты Кадашевской слободы писали про подьячего Гаврилу Степанова: «А он, Гаврила, подрежался у многих людей твои государевы полотна делать и хлебное и денежное жалованье за тех людей имал».[1] Или, вот челобитная двух мастериц «государева хамовного двора» (от 1681 г.) об уплате им денег, причитающихся им с двух кадашевцев, которые «... подрядили нас они, Радион, да Прасковья, своих дворов на 188 год выбрать задейчатые скатерти, и скатерти, гос., у нас за них готовы, а за дело, государь, нам и по се число за работу не дают».[2] Подобные случаи были многочисленны: найм работника, заменявшего номинального тяглеца, имел место всякий раз, когда сам носитель тягла — кадашевец или хамовник[3] — являлся торговцем, обычно при этом находясь вне Москвы, занятый своим «промыслом» по городам. А что эти «торговые» кадашевцы не перевелись, а по своему удельному весу даже возросли, свидетельств имеется достаточно. Да и как могло иначе обстоять дело, если данный кадашевец «...живет де для своего торгового промыслу в Переяславле-Рязанском, а... ево братья кадашевцы живут по городам, а тягло платят и изделья делают в Кадашевскую слободу...»[4] Что именно так в действительности и было, показывает цитированный уже документ от 1680 г., где говорится, что подьячий Гаврила Степанов «...подрежал мастериц з дворов Василия Говядина, да Ждана Маркова Хамовного ж двора сиделых мастериц для того, что Василья Говядина на Москве нет, а Ждановский двор лежал пуст...»[5] Лю-

---

[1] КМ, III, стр. 144.
[2] Там же, стр. 100.
[3] Относительно последних непосредственных указаний нет, но навряд ли положение вещей здесь было иным.
[4] КМ, III, стр. 102.
[5] Там же, стр. 144.

бопытно, что и ткачи-иноземцы, находившиеся прежде на особых условиях, теперь также начинают «наймовать»: «и по твоему, вел. государь, указу я, холоп твой, Якимка, отпущен был, а в то число, я холоп твой, в свое место на твое государево хамовное дело свою братью наймовал».[1]

Найм, таким образом, стал весьма распространенным и, полагаем, вполне закономерным явлением.

Несомненно, далее, что это широкое распространение найма способствовало другому явлению, крайне типичному для социальной эволюции хамовных слобод — именно появлению *бездворных*, следовательно, *безземельных*, т. е. лишенных как раз того, что прежде являлось объектом, окладной единицей обложения хамовной повинностью. Притом явление это носит, опять-таки, массовый характер. Оно еще раз свидетельствует о том, что вся прежняя феодальная организация производства начала разлагаться: устанавливались, чем дальше, тем чаще совсем иные отношения. Не случайно, что все факты существования бездворных относятся исключительно к 70-м и 80-м годам. Приведем примеры.

В 1684 г. бьют челом «хамовного двора сиделые мастерицы задейчатых скатертей» — 19 чел.[2] «Работаем мы, рабы ваши... на... хамовном дворе беспрестанно, берем задейчатые скатерти по вся годы, а дворишков у нас бедных своих нет, [до пожарного] разоренья жили по чюжим наемным дворам в Кадашевской слободе... [а ныне]... живем от слободы в дальних местех».[3] Если раньше — в первой половине века — прием в слободу был связан с покупкой двора, то теперь — в 70-х годах это правило фактически уже не существует: недостаток рабочих рук заставлял принимать и без этого условия. Таких новопришлых просто записывали в бездворные. Связь существования довольно значительного числа бездворных с широко распространенным наймом — несомненна: бездворные — именно тот фонд, откуда можно было черпать наемную рабочую силу. Это, по существу, ткачи-батраки, о которых писал Ф. Энгельс в письме к Каутскому; они ближе всего к «элементам, стоящим вне феодального сословного строя, находящимся в положении почти что париев, элементам деклассированным, которые неизбежно должны были образовываться вместе с возникновением городов — тем элементам, которые составляли самый низший, бесправный слой населения всякого средневекового города, слой, находившийся вне общины, вне феодальной зависимости и вне цехового строя... постепенно, с разрушением феодальных связей, эти элементы становились тем предпролетариатом, который в 1789 г. произвел революцию в парижских предместьях».[4] Этот элемент, повторяем, в 70—90-х годах в хамовных

---

[1] КМ, III, стр. 96.
[2] Возможно и больше: документ ветхий.
[3] КМ, III, стр. 132.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, Соцэкгиз, 1931 г., № 217, стр. 415.

слободах был уже значителен. С бездворных собирают оброк,[1] вполне понятный, если представить их себе именно в качестве батраков. Притом сумма собиравшегося оброка была, повидимому, вполне ощутимой: кадашевским старостам предписывается «строить им хоромы из явочных пивных денег, а будет тех денег будет мало, дать им в прибавку, что збираютца з бездворных».[2] Кто непосредственно черпал рабочую силу из этого фонда? Несомненно тот высший слой кадашевских торгово-промышленных людей, иначе говоря, крупнейших торговцев, откупщиков, ростовщиков, которые здесь во второй половине XVII в. не только не сошли со сцены, но, наоборот, окрепли и усилились.

Явление найма вместо себя работников и сопутствующее ему появление бездворных, таким образом, четко отражает тот общий факт, что резкое падение экономического положения основной массы хамовников, их прежнего, относительного, конечно, благополучия, углубило социальную диференциацию внутри слобод, усилило социальный контраст. На одном полюсе: вовлечение на хамовный двор, превращение прежнего ремесленника-торговца в «сиделого хамовника», массовое появление ткачей-батраков и бездворных; а на другом полюсе — значительней и крупней становятся эти, номинально еще тяглецы-хамовники, а фактически тузы торговой Москвы «купецких товаров промышленники» — крупнейшие подрядчики, лесопромышленники, ростовщики и т. д. и т. д.

Именно начиная с 60-х годов и дальше все чаще и чаще мелькают в документах эти фигуры.

Характерно, что в первой половине XVII в. крупные торговцы — кадашевцы были сравнительно редкостью. Такие личности, как Прохорка Трифонов, державший в 1614—1615 г. «Тульский кабак в откуп из наддачи, а откупу на нем взяти... и с наддачей и с пошлинами 320 р. и 22 алт.», одновременно державший кабак в Дорогобуже на посаде («а откупу и пошлин 42 р...»),[3] встречались не часто.[4] Чаще для этого времени встречаются кадашевцы — мелкие поставщики дров, наемные возчики и т. д.[5] (см. еще нашу табл. VI).

Зато таких фигур, как кадашевец Филка Анофриев, который за время 1669—1675 гг. поставил Тайному Приказу лесных материалов на сумму 6.782 руб. 2 алтына 2 деньги,[6] раньше мы

---

[1] В резолюциях о приеме в Московские слободы читаем: «Собрать по нем поручную запись в Хамовную слободу и написать з бездворными, оброку имать на год по полуполтине» (КМ, III, стр. 126), или «...а по нем, Тимошке, собрать поручная запись и написать ево... в бездворных, а оброку с него имать, и написать в зборных книгах противо меньшей статью по 10 алтын» (КМ, III, стр. 124).

[2] КМ, III, стр. 94 (от 1674 г.).

[3] Приходо-расходные книги Владимирской чети, РИБ, т. XXVIII, ст. 63—64.

[4] Для первой половины XVII в. мы зарегистрировали еще только один случай откупа кабака кадашевцем, но уже более мелкого калибра — именно в Переяславле-Рязанском — см. там же, ст. 51.

[5] Там же, ст. 113, 304.

[6] Там же, т. XXI, ст. 304—313.

не встречаем. Еще значительно крупней был кадашевец-лесопромышленник Федор Силин, являвшийся чуть ли не основным поставщиком огромного хозяйства Тайного Приказа, поставлявший туда самые различные товары, притом часто в громадном количестве: так в 1676 г. он поставил 102.592 арш. сукна,[1] в другой раз (1674 г.) «велено дать кадашевцу Федору Силину на подряд лесных запасов к прежней 20.000 ис запасной ис 30.000 — 1000 пуд. соли»,[2] в третий раз — даны серебряные деньги за поставку «свицкого железа»[3] и т. д. и т. д. Мало того, он являлся часто вообще доверенным лицом хозяйственного ведомства Тайного Приказа, например, по продаже соли и поташу и обмена соли на сукна у иноземца «Любки города жителя гостя Ягана фон-Горна».[4] Операции производятся, таким образом, в достаточно крупных размерах. Широта предпринимательского размаха огромна. Федор Силин «работал» не один: у него была целая братия торговых людей, правда, других сотен и слобод Москвы,[5] где усиление процесса социальной дифференциации также несомненно для этого периода. Из кадашевцев поставщиками Тайного Приказа был, впрочем, не один Федор Силин. Таков Агафон Юрпасов, который в 1672 г. «послан в Саратов и на Царицын для рыбного промысла дворцового»,[6] или другой крупный, почти что постоянный, поставщик сухарей кадашевец Кондратий Симанов (в 1664, 1665, 1666 гг.),[7] или, наконец, основной поставщик рыбы в ведомство Тайного Приказа кадашевец «промышленник» Михайло Щербак, владевший в конце века крупнейшими рыбными промыслами в Астрахани, однажды отнятыми в казну, но вскоре ему возвращенными: в 1672 г. «вел. государь указал по отписке кадашевца Михайло Щербака Астраханские, Екатерининские и Бирючьи воды ведать ему Михайлу для ловли рыбы на нево вел. государя с Черноярскими водами вместе. . .»[8] Размеры его рыбных поставок громадны.[9]

Все эти тузы московского торгового мира, так сказать, новейшей формации, всплыли на поверхность во второй половине века, в эпоху окончательного закрепощения всего тяглого населения. Конечно, значительней количественно была прослойка более мелких торговцев, мелких, впрочем, только относительно. Они владеют лавками в различных московских рядах, причем лавками не малень-

---

[1] РИБ, т. XXI, ст. 321—335.
[2] Там же, ст. 1726.
[3] Там же, ст. 683.
[4] Об этом свидетельствует «дело о суконном уговоре на Московские стрелецкие приказы иноземца Любка города жителя гостя Ягана фон-Горна с кадашевцем с Федором Силиным», РИБ, т. XXI, ст. 321—335 (от 1676 г.).
[5] Там же, т. XXIII, ст. 1323.
[6] Там же, т. XXI, ст. 941.
[7] Там же, ст. 1053, 1202; т. XXIII, ст. 619.
[8] Там же, ст. 1599, особ. см. ст. 857.
[9] Там же, ст. 1704. О деятельности Щербака см. еще ст. 1732.

ками: однажды (в 1684 г.) 1/4 лавочного места в котельном ряду одного кадашевца была продана им за 200 рубл.[1]

Нет необходимости перечислять всех известных нам кадашевцев, более или менее крупных, торговавших в московских рядах: материал здесь достаточно большой. В лавках кадашевцев можно было приобрести и крупные партии дубнику,[2] и крупные партии бревен,[3] и 2 000 листов «золота листового сусального»[4] и т. д. и т. д.[5] Далее, кадашевцев мы встречаем в это время и в качестве компаньонов гостей, хотя здесь они «пока еще сравнительно мелкие дельцы, располагающие пока еще скромными средствами, но своей энергией и изворотливостью упорно пробивающие себе дорогу наверх».[6]

Но кадашевцы и сами превращаются в гостей, именно тех, которые уже успели оказаться наверху. Московские гости, как мы знаем, давно уже тянут этих «лутчих людей» к себе, аргументируя тем, что они «полные люди, и промыслы промышляют большими, и твои государевы службы таможенные и кабацкие им за обычай... и без тягла обогатели».[7] И гости, думается, не преувеличивали.

В 1677 г. в гостиную и суконную сотни взяты были 140 кадашевцев «в... службы в московскую большую таможню и на даточный двор и в померную и в мытенную избы и на денежной и на соляные дворы».[8] В 1681 г. Приказ Большой Казны потребовал еще «лутчих людей» «в целовальники к гостям и к гостиной и суконной сотням», но эти «лутчие люди» на сей раз оказались занятыми непосредственно в Кадашеве; именно в качестве «лутчих людей» они исполняли выборные должности: «на твоем, в. г., хамовном дворе... служим в старостах и в целовальниках и в десяцких по двацети по два человека».[9] А челобитная, в которой это

---

[1] Акты, относящиеся до юридического быта, т. II, стр. 446.
[2] Однажды в количестве 2 000 шт. РИБ, т. XXIII, ст. 913.
[3] Там же, ст. 1158.
[4] Там же, ст. 189.
[5] См. там же, ст. 993, 1637, 1635, 1563, 1099, 1073, 1013—1014, 1383, 1711.
[6] А. Заозерский, Предисловие к ст. Е. З. Вулих, Из мира торговых отношений в Москве XVII в., ист. сб. «Россия и Запад», т. I, 1923 г., стр. 58. Известен случай, когда кадашевцы выступают поручителями по крупному займу (в 1 000 руб.) наравне с гостями. См. «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.» (Хозяйство Б. И. Морозова), изд. АН, 1933 г., стр. 251.
[7] Доп. к АИ, т. III, № 47, 1, стр. 155.
[8] КМ, III, стр. 99—100.
[9] Там же, стр. 100. Об одном таком старосте второй половины века, Степане Баженове (был старостой уже в 1656 г., продолжал еще быть им в 1697 г.), сохранились более подробные сведения. Это был «лутчий» человек. Сидел он на «целом деле пряжа тройных полотен» (КМ, III, стр. 19). Состоя старостой в Кадашеве, он в то же время являлся промышленным предпринимателем. В 1660 г. он берет на откуп винокурню в принадлежавшем боярину Б. И. Морозову селе Богородском, Арзамасского уезда, с обязательством «...оброку на всякий год платить по 100 ведер вина», пользуясь там наемным трудом морозовских крестьян (см. «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.» Б. И. Морозова, изд. АН, 1933 г., стр. 44). Не имея возможности по роду своей должности в Кадашеве часто отлучаться отсюда, он должен был, очевидно, для непосред-

сообщается, подана от всех кадашевцев. Но это было лишь юридической оболочкой: выбор этих прожиточных людей в старосты, десятские и целовальники «всеми» кадашевцами уже успел к этому времени потерять свое реальное значение, стал фикцией. Мирской сход Кадашевской слободы в эту эпоху почти потерял последние остатки демократизма, стал носить чисто аристократический характер: на сход имели право собираться только немногие; максимум демократизма — это двухстепенные выборы.[1] Эти немногие «лутчие люди» забрали в свои руки все слободские дела, оперируя, однако, по старине от имени «всех кадашевцев».

Таков итог социальной эволюции кадашевской корпоративной организации.[2]

Высшая купеческая прослойка кадашевцев особенно усиливается в эту эпоху, эпоху крупных классовых битв (вспомним волну восстаний 1648 г.), сопровождавших процесс окончательного закрепощения. Эти «лутчие» кадашевцы постепенно превращаются в высшее московское купечество — гостей и торговых людей гостиной и суконной сотни, обязанных «государевой службой», но уже свободных от хамовного тягла: по отношению к хамовному производству они становятся элементом чуждым, они «служеб никаких с кадашевцами не служат»,[3] причем число их с годами увеличивается.

Переписная книга по Кадашеву 1682 г.[4] насчитывает уже 50 дворов гостей и торговых людей гостиной и суконной сотни,

---

ственного руководства производством на винокурне иметь там своих доверенных лиц, т. е. приказчиков. Не удивительно после этого, что Баженов ссужал кадашевцев деньгами (КМ, III, стр. 20), т. е. занимался ростовщичеством.

[1] С. Богоявленский, Состав Московского слободского схода, Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову, 1922 г., стр. 322, 323, 324. Автор, исследуя данные о сходе Мещанской слободы, отмечает на основании изученных им документов тождественное положение вещей в Кадашеве.

[2] Именно из этой прослойки «прожиточных людей» вербуются исполнители весьма ответственного дела — сбора знаменитых пятин, куда выбирали, как известно, наиболее крупных торговых людей. Например, сбор пятины 142 г., где наибольшее количество представителей имели гости (14 ч.) и кадашевцы (3 ч.); остальные слободы и сотни — по 1—2 ч. (Е. Д. Сташевский, Пятина 142 г. и торгово-промышленные центры московского государства, ЖМНП, 1912 г., кн. 4 и 5; кн. 4, стр. 284, 285 и 307). Один из этих трех кадашевцев — Дмитрий Резанов значится в переписной книге по Кадашеву 1630—1631 г. (КМ, III, стр. 7); здесь единственным и, конечно, совершенно недостаточным указанием служит его большой хамовный оклад: он положен на целое дело, а «государево дело жена ево делает». Впрочем, как мы видели, последнее имело характер общей формулы, не всегда отвечавшей действительности (см. об этом выше). Подпись выборного кадашевца навряд ли не из «лутчих» стоит и под Уложением 1649 г. (см. Уложение, изд. 1913 г., приложение).

[3] КМ, III, стр. 43.

[4] К сожалению, не издана. В КМ, III, стр. 43—44, она приведена в виде «регест», т. е. в форме суммарного изложения, содержащего лишь общие данные, извлеченные из книги; при исследовании ими пользоваться почти невозможно. «Регесты» приходится считать совершенно неудовлетворительной формой передачи документа.

т. е. около 10% общего числа дворов в слободе (и 17% земли, судя по соотношению количества «дел»).[1]

Таким образом, само развитие царских хамовных слобод постепенно уничтожает те феодальные рамки, в которых вотчинное производство сложилось:

1) Самый характер феодальной организации производства — хамовное тягло, в виде «зделья», падающего на определенный земельный участок, изживается, уступая место экономически более передовым формам эксплуатации.

2) Углубление классового расслоения приводит к появлению социальной верхушки и выделению ее из системы производства; таким путем появляется посторонний элемент, свободный уже от хамовного тягла, притом в значительном проценте.

3) Уже в начальной стадии этот процесс вызывает появление ткачей-батраков — наемных работников, заменяющих номинально несущих тягло; появляются в связи с этим бездворные, являясь тем резервуаром, откуда в конце XVII в. непосредственно черпалась рабочая сила, уже никак не связанная с феодальным тяглом. Явление это, таким образом, оказывается вполне закономерным в истории царского вотчинного текстильного производства.

Вся прежняя система вотчинного производства в конце XVII в. находилась уже на грани полного разложения: в 1694—1695 г., хамовная повинность в натуральном виде («зделье») и вовсе прекратила свое существование и была полностью заменена денежным оброком; начиная с 1693 г. положения на натуральный оклад уже не существовало,[2] отработочная рента сменилась денежной, которая «есть последняя форма и в то же время форма разложения... земельной ренты, как нормальной формы прибавочной стоимости и неоплаченного прибавочного труда».[3] И если производство после этого еще продолжалось несколько лет, то уже совсем на других основаниях, совсем при иной системе организации.

В чем заключается эта новая система и соответствующая ей, иная чем прежде, природа рабочей силы — лучше всего ответит исследование форм заработной платы.

Здесь снова, лишь в ином отношении, на ином материале мы наблюдаем те же процессы, которые рассматривали до сих пор.

Первая половина XVII в. Каждый тяглец хамовной слободы или села несет определенную, в зависимости от окладного участка, хамовную повинность в натуральном виде, т. е. «зделье», выраженном в «делах». Размер натурального выражения «дела» различен лишь потому, что различна трудоемкость вырабатываемых тяглецом изделий. Но сумма этих трудоемкостей, т. е. объем труда,

---

[1] КМ, III, стр. 43. О гостях в Кадашеве см. Е. Вулих, ук. соч., стр. 85, и „Роспись гостей, назначенных в государеву службу в 1677“, опубликованную С. Н. Богоявленским в МОИДР, 1913 г., кн. IV.

[2] В. Викторов, ук. соч., т. I, стр. 367 — выписка из окладных книг по Кадашеву за 203 г.

[3] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 1932 г., стр. 575.

который необходимо затратить на выполнение хамовной повинности, выраженной в одном «деле», — для каждого «дела» в принципе одинаков. Такова система.

Одинаков поэтому должен был быть и размер жалованья, падающего на одно «дело». Так в действительности и было. Начнем с ярославских сел. Жалованье здесь выдавалось денежное и хлебное. Денежное выдавалось: 1) за работу и 2) на лен, который, как мы уже знаем, покупался здесь самим тяглецом «отъезжаючи по ярмаркам».

Однако, тут есть некоторая неясность. В изданных текстах разделение денежного жалованья: 1) за работу и 2) на лен — нигде нет. Переписная книга 1681 — 1682 г. дает следующее описание дворов: «во дворе (такого-то)... дело ткалейное тройных полотен... да государева денежного жалованья на лен и на мыло и на золу... да государева же годового хлебного жалованья...»;[1] в другом случае (переписная книга 1669 г.) денежное жалованье вовсе не упоминается: «... дано-де им великого государя жалованье под лен по полудесятине на дело в поле, а в дву потому ж»,[2] нет этого разделения и в других переписных книгах за годы 1652 — 1684.[3] Зато это разделение значится в документах от 1630 — 1631 г.;[4] никаких других материалов для суждения нет.

Можно лишь предполагать, что денежное жалованье выдавалось и на лен и за работу; в Кадашеве, например, лен выдается в натуре, но денежное жалованье существует кроме того. Несомненно здесь и то, что кроме этого денежного жалованья (включающего в себя и плату за работу) — пряхи получали особые деньги исключительно на лен. Хлебное жалованье состояло из определенного количества ржи и овса. Жалованье было «годовое».

Как свидетельствует приведенный только что текст, земельный надел также служил натуральным видом «жалованья».

Размеры денежного и хлебного жалованья, повторяем, были совершенно одинаковыми для каждого «дела», независимо от вида изделия. Именно: 23 алтына 2 деньги; ржи — 10 четей и 1 осьмина; овса — 6 четей.[5]

Исключение составляли лишь бранье скатертных столбцов и бердное дело. Бранье, как мы отмечали, выполняли двое работников одновременно; поэтому и размер денежного и хлебного жалованья здесь на одно «дело» был двойным — 46 а. 4 д.,[6] иногда повышаясь до 47 а. 2 д., но это уже позже, в 1681—1682 г.[7]

---

[1] КМ, III, стр. 175.
[2] Там же, стр. 39.
[3] Там же, табл. V, стр. 160—174.
[4] Там же, табл. IV, стр. 158—159.
[5] Там же, табл. V, стр. 52.
[6] Там же, стр. 53.
[7] См. табл. VI, где не всегда жалованье вычислялось из нормы 46 а. 4 д., иногда несколько больше: 47 а. 4 д., 47 а. 2 д., но количество таких случаев незначительно: всего 5; лишь в одном случае положено жалованье за $^1/_4$ «дела»

Это двойное жалованье относилось лишь к бранью скатертных столбцов; бранье убрусов было положено на ординарное денежное жалованье (вследствие, очевидно, меньшей трудоемкости этой работы). Изготовление берд также, повидимому, производилось двумя, кооперированными друг с другом, работниками. Хлебное жалованье им, однако, шло в ординарном размере.

Деньги на лен выдавались, как сказано, только пряхам и швеям, первым из них в размере 24 а. 2 д., так что вместе с заработной платой их жалованье составляло 47 а. 4 д.[1] Швеям же деньги на лен выдавались в меньшем размере, именно 12 а. 1 д. (всего деньгами швеи получали 35 а. 3 д.).[2]

Характерно, что эта система в ярославских селах оставалась неприкосновенной (поскольку позволяют нам об этом судить имеющиеся источники) до самого конца существования здесь вотчинного производства. Оставался прежним и размер жалованья, за исключением редких и незначительных отклонений.

Размер хлебного жалованья, судя по той же переписной книге 1681 — 1682 г., номинально понизился: на одно «дело» выдавалось ржи 6 четв. 2 четверика, овса — 3 четв. и 1 осм. Фактически же это было некоторым, правда, незначительным, увеличением, так как во второй половине XVII в. в ходу была уже «новая осмипудовая четверть»,[3] в отличие от прежней, четырехпудовой; следовательно, если до 80-х годов выдавалось ржи 42 пуда, а овса — 24 пуда, то теперь ржи — 49 пудов, а овса — 25 пудов.

В связи с тем, что говорилось об организации хамовного производства в ярославских хамовных селах, эта устойчивость форм и размера жалованья становится вполне понятной: здесь не было столь резкого перелома в экономическом положении хамовника, здесь не было, несомненно, столь глубоких социальных контрастов, здесь не было поэтому и массового явления найма вместо себя работников;[4] не было в такой степени, как в московских хамовных слободах и бездворных. Конечно, усиление крепостнических тенденций, особенно резко проявившихся во второй половине XVII в., не прошло бесследно и здесь: судя по той же переписной книге

бранья столбцов 2 а. $5^1/_2$ д., т. е. за одно «дело» 11 а. 4 д., т. е. в 4 раза меньше нормы (не описка ли)? (табл. VI, № 75).

[1] Отклонения опять-таки встречаются лишь позднее — по переписной книге 1681—1682 г., чаще всего и здесь отклонения незначительны: 44 а., 47 а., 48 а., 46 а. 4 д., 47 а. 5 д. (в 5-ти случаях), 47 а. 3 д. (в 2-х случаях) и лишь в 4-х случаях (из всех 288) более значительные: 39 а. 3 д., 35 а. 3 д., 39 а., 53 а. В одном случае (№ 75 по Брейтову) встречаем почти двойное жалованье— 93 а. 2 д. (причина нам неясна).

[2] Отклонения в конце XVII в., по переписной книге 1681—1682 г. опять-таки редки: только в 3-х случаях мы имеем 46 а. 4 д. (т. е. на лен столько же, сколько на денежное жалованье); в 2-х случаях — 35 а. 4 д. Однажды 35 а. 5 д. (КМ, III, стр. 53).

[3] В. О. Ключевский, Русский рубль, в сб. «Опыты и исследования», перв. сб. статей, 1919 г., стр. 115.

[4] Здесь и бобылей-то незначительный процент, хотя трудно ручаться, что переписная книга в полной мере отразила в этом отношении действительность.

1681 — 1682 г., можно утверждать, что и здесь усилилось вовлечение хамовников на «семеренный двор», который также, вероятно, расширился в этот период,[1] отражением чего является уже значительное количество мужского населения, непосредственно выполняющего хамовное дело (51%). Однако, проследить здесь этот процесс так же детально, как это было сделано в отношении московских хамовных слобод, за отсутствием материала, невозможно.

Ту же, в основном, систему денежного и хлебного жалованья в первой половине XVII в. находим и в московских слободах Кадашеве и Хамовниках. Однако, здесь эта система имеет существенные отличия. Во-первых, лен выдается натурой, а потому и «льняные деньги» отпадают; денежное жалованье выдается только за работу. Во-вторых, размеры денежного и хлебного жалованья здесь несколько иные. В-третьих, здесь нет равного жалованья на разные «дела»: денежное жалованье в Кадашеве дифференцировано. Выразим это в небольшой таблице:[2]

Таблица VIII

	Года	Денежное жалованье на одно «дело»	Хлебное жалованье на одно «дело»	
			Рожь	Овес
Хамовники и бердники	1625—26 и 1626—27	30 алт.	$9^3/_4$ чети	$6^3/_4$ чети
Деловицы (основицы, бральи, ткальи, пряльи, швеи, утошницы)		17 „	$9^3/_4$ „	$6^3/_4$ „

Более высокое жалованье хамовникам следует, нам кажется, объяснить обычной более высокой расценкой мужского труда. Но мужчина-ткач в это время (1625 — 1627 гг.), как уже видели, был редкой птицей в хамовном производстве: «а государево дело жена ево делает», или сестра, или дочв, или он нанимал вместо себя работника. Хлебное жалованье здесь почти то же, что в селах. Примерно та же картина — в Хамовной (Тверской-Константиновской) слободе, где эта дифференциация денежного жалованья проведена еще сильней (см. табл. IX).[3]

Здесь уже дифференцировано не только денежное, но и хлебное жалованье. В первой половине века и то и другое идет больше ткачам-мужчинам («хамовное дело»), меньше женщинам-деловицам (пряжное, скатертное дело). Исключение составляют лишь денежное жалованье беленицам (не входят ли в эти 17 алт. деньги на

[1] Данных непосредственных мы, правда, не имеем. См. КМ, III, стр. 38.
[2] КМ, III, стр. 216.
[3] Там же, стр. 217.

Виды работы	Денежное жалованье на одно «дело»		Хлебное жалованье на одно «дело»	
	в 1627—28 гг.	в 1658—59 гг.	(данные за 1625—27 гг. и 1658—59 гг.)	
			Рожь	Овес
Хамовное дело	16 а. 4д.	1 руб.	9 чт.	10 чт. 1 осм.
Пряжное „	13 а.	1 „	6 „	7 „ 1 „
Скатертное „ [1]	14 а.			
Беленое „	17 а.			

приобретение материала — мыло, зола для работы, подобно тому как это было в селах?). Более высокое жалованье для мужчин объясняется опять-таки более высокой расценкой мужского труда; с другой стороны, возможно, что обозначение «хамовное дело» означало уже работу на хамовном дворе, где ткач работал непрерывно; число таких ткачей в первой половине века было незначительно, во второй же половине века их уже большинство. Этим и можно объяснить уравнение денежного жалованья для мужской и женской части работников в 1658—1659 г.: большинство деловиц, вероятно, уже также работало на хамовном дворе. В 1658 — 1659 г. уравненное для всех групп работников денежное жалованье было при этом увеличено чуть ли не в 2 раза. При объяснении этого основной причиной нужно считать, конечно, колоссальное повышение прожиточного минимума. Хлеб в эти годы сильно вздорожал: в 1626 г. московская цена ржаной муки за четверть (в 4 пуда) была 40 ден. (берем низкий предел; высший предел по качеству муки доходил до 100 ден). В общем, средняя цена четверти ржи в 1620-х гг. была 50 ден., овса 30 — 40 ден.[2] А в 1654 г. московская цена четверти ржи (по новой мере 8 п.) была уже от 240 до 300 денег[3], т. е. если привести ее к прежней мере, то 120 — 150 ден. Рожь вздорожала, таким образом, на 150 — 300%. В последующие годы эти цены продолжали быстро расти: в 1658 — 1659 г. они были еще несравненно выше.[4] Такие же цены были и на другие продукты.

Следовательно, можно сказать, что номинальнее повышение де-

[1] Судя по приходным книгам «белой казне», производство «тверских скатертей» (других скатертей в Хамовной слободе не делали) — в эти годы здесь прекратилось вовсе, оставшись лишь в Кадашеве (КМ, III, стр. 210 и 214). Неясно, следовательно, почему в табл. 15 КМ, III, стр. 217, указано «скатертное дело» в 1658—1659 г. К сожалению, подлинного текста в изданных материалах не приведено.

[2] В. О. Ключевский, Русский рубль XVI—XVIII вв., сб. «Опыты и исследования». Перв. сб. статей, 1919 г., стр. 119—120.

[3] Там же, стр. 170.

[4] ПСЗ, I, № 286 (от 1660 г.), стр. 521.

нежного жалованья почти на 50% не только не означало реального повышения заработной платы, но, наоборот, было определенным понижением. Не забудем, что 1658—1659 г. — канун знаменитого «медного бунта».

С середины XVII в., судя по данным по Кадашеву, формы заработной платы претерпевают довольно резкие изменения. К сожалению, для 60—70-х годов сведения о заработной плате в наших источниках отсутствуют. Зато эти данные в достаточном количестве имеются для 80—90-х годов. Картина получается здесь совершенно иная.

Расчет заработной платы — хлебного и денежного жалованья по «делам» — начал отходить в область прошлого. Перемена эта произошла, как известно, не только в Кадашеве. Эта реформа относилась ко всем «государевым дворовым людям всяких чинов»: старосты и целовальники московских черных сотен и слобод в 1660 г., перечисляя причины «хлебной дорогови», указывали, что «преж сего было великого государя хлебное жалованье ружным попам и всем церковникам и стрельцам и государевым дворовым людем всяких чинов; а ныне дают всем тем людем государево жалованье за хлеб деньгами и те все люди на Москве и в городех стали хлебу купцы».[1]

«Государево годовое денежное жалованье» — это типично крепостническая форма заработной платы по тяглу — носит теперь уже совершенно другое наименование: «государево жалованье поденного корму». Иная здесь, конечно, не только терминология, но и содержание. «Работаем мы, холопи твои... на хамовном дворе многие годы, точем твои государские всякие полотна денно и нощно безпрестанно, а твоего, вел. г., жалованья нам поденного корма идет мне Володьке по 5 денег, а мне Аношке по одной деньге в день, и тем нам холопем твоим государским жалованьем прокормитца нечим».[2] Здесь с начала до конца — все крайне типично для этого периода (80—90-х гг.). Они «точат» уже «всякие полотна»: прежнего точного обозначения вида и сорта выработки на «дело» нет и в помине; очевидно потому, что нет и этого оклада по «делам», т. е. по определенному земельному участку. Они работают на хамовном дворе, притом «беспрестанно», т. е. непрерывно в течение года.[3]

Всем этим новым производственным отношениям соответствует совершенно иная форма заработной платы — поденные кормовые деньги.

Указаний, вроде приведенного, у нас не мало: слово в слово повторяются те же выражения в челобитной других двух кадашевцев: они также на хамовном дворе, также работают «денно и нощно», получают «государя жалованье кормовых денег... по 6 денег... по 5 денег, и тем нам твоим государским жалованьем прокормитца нечим».[4] Или (от 1681 г.): «...ткал на твоем хамовном, г., дворе

[1] ПСЗ, I, № 286 (1660 г.), стр. 521.
[2] КМ, III, стр. 137.
[3] См., напр., КМ, III, стр. 138: приводится размер поденного корма и годового.
[4] КМ, III, стр. 137.

полотна основные и двойные лет з 20 и больши... а жалованья поденного корму было по 2 алт. в день».[1] «Работаю я, холоп твой, на твоем государском хамовном дворе всякие тонкие полотна двойные и тройные, а твоего государского жалованья поденного корму по 3 деньги на день и мне тем прокормитца нечем».[2]

Ткачи говорят в один голос: работают беспрерывно, хлебного жалованья нет, кормовыми деньгами прокормиться невозможно. Спрашивается, каков размер этих «кормовых поденных денег»? Все имеющиеся указания сведем в таблицу:

Таблица X

Дата	Размер «поденного корма» одному работнику	Сколько человек получал соответствующего размера «поденного корма»	Род выработки ткача	Ссылка
1681—1682	2 алт.	1 чел.	«Ткал полотна основные и двойные»	КМ, III, стр. 129
1682	3 ден.	1 „	«Ткал всякие полотна тонкие двойные и тройные»	
1681	2 алт.	6 „	Хамовники и ткачи	КМ, III, стр. 131
1681	1 алт. $5^1/_2$ д.	1 „	„	
1681	1 „ $4^1/_2$ „	1 „	„	
1681	10 ден.	1 „	„	
1681	9 „	1 „	„	
1681	6 „	4 „	„	
1681	3 „	2 „	„	
1682	2 алт.	5 „	„	
1682	1 алт. $5^1/_2$ д.	1 „	„	
1682	1 „ $4^1/_2$ „	1 „	„	
1682	10 ден.	1 „	„	
1682	9 „	1 „	„	
1682	6 „	4 „	„	
1693	6 „	16 „	Ткачи парусных полотен	КМ, III, стр. 70
1698	6 „	1 „	«Ткал всякие полотна»	КМ, III, стр. 137
1698	5 „	1 „	„	
1698	5 „	1 „	„	
1698	1 „	1 „	„	
1698	8 „	1 „	„	КМ, III, стр. 138
1698	7 „	1 „	„	
1698	2 „	1 „	„	
1698	1 „	1 „	«К ткачам в ученики»	

В таблицу не вошла лишь заработная плата парусным ткачам начиная с 1697 г., т. к. с этого, примерно, времени они получают уже не поденную, а сдельную плату: «...доведетца дать из Мастер-

[1] КМ, III, стр. 129.
[2] Там же, стр. 129. См. еще стр. 134, 135, 69, 104—106.

ские Палаты хамовного двора ткачам... 16-ти человеком за дело парусных полотен... с 16-ти станов по 30 по 8 арш. с стана, итого за 600 за 8 арш. кормовых денег по 3 ден. за аршин»;[1] также и в других ведомостях. Чтобы выяснить размер поденного заработка этих ткачей придется произвести расчет, который станет ясным, если привести указанные ведомости в виде таблицы.

Таблица XI

Дата	№ постава[2]	Колич. станов. (колич. ткачей)	Размер постава с каждого стана	Всего аршин	«Кормовые деньги» за 1 арш.	«Кормовые деньги» одному чел. с постава
8 июля 205 г.	I	16 ст.	38 арш.	608 арш.	3 д.	19 алт.
18 „	II	15 „	38 „	570 „	3 „	19 „
10 августа . . .	V—VI	14 „	38а.+38 а.	532+532=1 064 а.	3 „	19 а.+19 а.
11 „ . . .	III	9 „	38 арш.	342 арш.	3 „	19 алт.
29 „ . . .	IV	7 „	38 „	266 „	3 „	19 „
	IV	6 „	38 „	228 „	3 „	19 „

Между I и II поставом прошло 10 дней. За это время каждый ткач выработал 38 арш. В день, следовательно, 3,8 арш. И это, как видим, было обычной производительностью.[3] Дневной заработок ткача парусных полотен равнялся, таким образом, около 11 ден., т. е. высшей ставке ткача в Кадашеве в этот период.

Причины этого стоят, несомненно, в связи с новизной производства, требовавшего особой квалификации; могло здесь играть роль и то обстоятельство, что продукция парусных полотен шла целиком на военные нужды, а само производство его финансировалось не Приказом Царицыной Мастерской Палаты, а военным Разрядным Приказом.

[1] КМ, III, стр. 104, см. 105—106.

[2] Постав — это очередной выпуск продукции со всех работающих станов или с каждого в отдельности.

[3] Тот же результат получаем, если расчет произвести по V—VI поставу: между II и V—VI поставом прошло почти 20 дней; работало 14 станов — 14 человек. Выработано 76 арш. 76 арш. : 20 = 3,8 арш. на одного ткача в день.

Двойную производительность ткача парусного полотна по приведенным ведомостям в сравнении с выясненной выше (стр. 62: 1 арш. 8 вершк. — 1 арш. 13 вершк.) можем объяснить лишь наличием в данном случае учеников, т. е. вторых работников при каждом стане (вообще говоря, необходимых при тканье широкой ткани без челнока-самолета). В пользу такого предположения говорит и то обстоятельство, что в 1693 г. парусным ткачам платили по 6 ден. в день (см. табл. X), т. е., исходя из нормы оплаты по 3 ден. за аршин (КМ, III, стр. 104—106), они вырабатывали по 2 арш. в день, т. е. получаем величину, близкую к определенной выше. Предполагаемые нами ученики при ткачах парусных полотен в ведомости не включены. Причина этого нам не ясна. Не потому ли, что ткачи сами с ними расплачивались? Это навряд ли сильно било по карману ткачей: ученики «к ткачам» получали в это время 1 ден. в день (см. табл. X).

Посмотрим теперь, какова реальная заработная плата хамовников и деловиц хамовных сел и слобод.

Для этого сначала сведем в таблицу все имеющиеся данные о денежном и хлебном жалованьи в денежном их выражении, оговаривая, конечно, приблизительность подсчета (см. табл. XII на стр. 90—91).

Крупная сумма заработной платы для хамовников и деловиц в Хамовной (Тверской-Константиновской) слободе в 1658—1659 г. объясняется, как указано, сильно вскочившими вверх ценами на предметы питания.

Другое дело — крупная сумма «кормового поденного жалованья» в 80 и 90-х годах, номинально возросшего (для высшей группы работников) в сравнении с 1625—1627 гг. почти в 5 раз.

Тут следует иметь в виду следующее: во-первых, поденное жалованье в 12 д. получало несомненное меньшинство: даже ткачи парусных полотен, как видели, получали вначале только 6 д. в день и лишь к самому концу века (1698 г.) по 11 д. в день, когда можно снова констатировать значительное повышение цен на продукты питания. Если исключить эту более высоко оплачиваемую группу ткачей, то основная масса получала 3 — 6 ден. в день; 1 — 2 деньги были уже исключительно низкой расценкой. Эту дифференциацию размера «поденного корма» следует, нам кажется, поставить в связь с различной квалификацией ткачей, различной производительностью их труда, различным видом выполняемой работы. В пользу этого говорит и то, что самая низкая плата идет ученикам (1 деньга).

Но главное тут другое. Все эти поденщики работают беспрерывно на хамовном дворе. Никаких других занятий они не имеют, в то время как раньше, в 1620-х гг., хамовники если и выполняли лично хамовное дело, то при отмеченной выше дробности окладов оно навряд ли отнимало времени больше полугода. Но в большинстве случаев, особенно в московских слободах, тяглец лично не работал: работали или жена или родственники, жившие на его дворе, или он нанимал работника. Да и жены их, тратя на выполнение хамовной повинности лишь часть времени, остальное время вырабатывали полотно на продажу. При таких условиях в бюджете рабочей семьи получаемое ею «государево хлебное и денежное жалованье» навряд ли было главной статьей дохода.

Не то теперь, в конце века. Ткач хамовного двора получает на 30 — 150% [1] больше тяглеца, сидевшего на одном «деле» в 1630-х гг. Зато других заработков он не имеет, никакими промыслами не промышляет, т. е. не имеет как раз тех источников дохода, которые прежнему тяглецу давали не только эти 30, но и все 150%, а иногда и намного больше (вспомним привилегии кадашевцев до 1648 г.). Поэтому говорить о повышении жизненного

[1] Для сравнения берем годовое «денежн. и хлебн. жалование» 1625—1627 г. в 4 рубл. 10 алт. и поденное жалование в 3 ден. и 6 ден. Это составляет в год 128% и 256% к жалованию 1625—1627 г.

Где и кто	Годы	Годовое денежное жалование на одно «дело»	Хлебное жалование на одно «дело»		Цены на хлеб и овес за четверть		Общая сумма ден. годов. и хлебн. жал. в ден. выражении
			рожь	овес	рожь	овес	
Брейтово и Черкасово							
Хамовники и деловицы	1626—1632	23 а. 2 д.	10 чт. 1 осм. (42 п.)	6 чт. (24 п.)	50 д.	30 д.	4 р. 4 а. 2 д.
	1681—1682	23 а. 2 „	6 „ 2 „ (49 „)	3 чт. 1 осм. (25 п.)	40—50 коп.[1]	30 коп.	2 „ 12 „ 4 „ — —2 „ 22 „ 5 „
Кадашево							
Хамовники	1625—1627	30 алт.	$9^3/_4$ ч.	$6^3/_4$ ч.	50 д.	30 д.	4 р. 10 а. 2 д.
Деловицы	1625—1627	17 „	$9^3/_4$ „	$6^3/_4$ „	50 „	30 „	3 „ 30 „ 4 „
Хамовническая слобода							
Хамовники	1627—1628	16 а. 4 д.	9 чт.	10 чт. 1 осм.	50 д.	30 д.	4 р. 9 а.
Пряхи		13 „	6 „	7 „ 1 „	50 „	30 „	2 „ 32 „
Бральи		14 „	6 „	7 „ 1 „	50 „	30 „	2 „ 33 „
Беленицы		17 „	6 „	7 „ 1 „	50 „	30 „	3 „ 2 „ 4 д.
Хамовники		1 р.	9 „	10 „ 1 „	120—150[2] серебряных денег	75—100[2] серебряных ден.	10 „ 6 „ 4 „ — —12 „ 21 „
Пряхи, бральи, беленицы	1658—1659	1 „	6 „	7 „ 1 „	То же	То же	7 „ 9 „—9 р. 2 а.
Кадашево		Поденное кормовое жалование: в день	Поденное кормовое жалование: в год				
Ткачи хамовного двора	1681—1682	12 д. (?)	21 р. 32 а.	—	50 д.	30 д.	21 р. 32 а.
Ткачи парусных полотен	1697	11 „	20 „ 4 „ 2 д.	—	130 коп.[3]	45 коп.[3]	20 „ 4 „ 2 д.
Хамовники	1681	11 „	20 „ 4 „ 2 д.	—	50 д.	30 д.	20 „ 4 „ 2 „
	1681	$10^1/_2$ „	19 „ 7 „ 1 „	—	50 „	30 „	19 „ 7 „ 1 „
	1681	10 „	18 „ 10 „	—	50 „	30 „	18 „ 10 „
	1681	9 „	16 „ 15 „ 4 „	—	50 „	30 „	16 „ 15 „ 4 „
	1698	8 „	14 „ 21 „ 2 „	—	130 „	45 „	14 „ 21 „ 2 „
	1698	7 „	12 „ 27 „	—	130 „	45 „	12 „ 27 „
	1682	6 „	10 „ 32 „ 4 „	—	50 „	30 „	10 „ 32 „ 4 „
	1698	5 „	9 „ 5 „	—	130 „	45 „	9 „ 5 „
	1682	3 „	5 „ 16 „ 2 „	—	50 „	30 „	5 „ 16 „ 2 „
	1698	2 „	3 „ 22 „	—	130 „	45 „	3 „ 22 „
«К ткачам в ученики»	1698	1 „	1 „ 27 „ 3 „	—	130 „	45 „	1 „ 27 „ 3 „

[1] В. О. Ключевский, ук. соч., стр. 169.
[2] Там же, стр. 167.
[3] Там же, стр. 167.

уровня для основной массы работников хамовного двора в конце века совершенно не приходится. Скорей можно говорить об обратном.

Вряд ли преувеличивают частые жалобы ткачей в конце века: «а твоего государского жалованья поденного корму по 3 деньги на день, и мне тем прокормитца нечем»;[1] другой просит прибавить жалованья «поденного корму» к 3-м получаемым им деньгами еще 6, «чтоб мне, будучи у твоего государева дела голодною смертью не умереть...[2] и т. д. и т. д. Сильно ухудшали положение систематические задержки выдачи жалованья. Задержки выдачи хлебного жалованья в ярославских селах (данные относятся большею частью к первой половине века) на полгода и больше, а бывало и на год[3] — составляли не исключение, а в своем роде правило, так что «деловицы... из-за твоего государева дела [из-за] станочков и из-за пряслиц встав по своей братье и по заволостью бродят и пита[ются]... именем христовым»,[4] выражая, впрочем, свое недовольство иногда и более решительно: «приходят по [вся] дни с великою докукою и докучяют... а сказываютца голодны... твоего де государева дела им делать неза[чем]».[5] Если таково положение было в первой половине XVII в., то немногим лучше стало позднее и не только в селах, где эти задержки, понятно, были более значительны, но и в Москве. Например, задержка месячных кормовых денег двум ткачам-иноземцам, как позволяет догадываться их челобитная от 1669—1670 г., достигла, по меньшей мере, несколько месяцев.[6] Но если такая задержка могла случиться в отношении иноземцев, находившихся в лучших условиях, то не трудно представить, как дело обстояло с остальной массой. Документы сохранили один характерный факт: в 1682 г. 15 ткачам хамовного двора выдача кормовых денег была задержана на 5 месяцев.[7]

В дополнение сделаем несколько замечаний о заработной плате ткачей — бобылей и иноземцев.

Можно предполагать, что нанимавшийся номинальным тяглецом работник для выполения за него хамовной повинности получал жалованье последнего в полном размере, т. е. происходила простая передача жалованья вместе с передачей работы; так, например, имеется указание от 1680 г:. староста Гаврила «подрежал мастериц з дворов Василия Говядина да Ждана Маркова хамовного ж двора

---

[1] КМ, III, стр. 129.
[2] Там же, стр. 130.
[3] В 1626 г. задержка была особенно длительной, вероятно, больше года. КМ, III, стр. 72—74. В 1631 г. и хлебное жалованье за этот год не было прислано еще в ноябре — КМ, III, стр. 78. Немного меньше задержка была в 1637 г. КМ, III, стр. 81—82.
[4] КМ, III, стр. 72.
[5] Там же, стр. 74.
[6] Там же, стр. 96.
[7] Получка была помесячной. КМ, III, стр. 132.

мастериц..., а денежное и хлебное жалованье... отдавал он Гаврила тем же мастерицам».[1]

Других столь же ясных указаний в этом отношении у нас нет. Но если таков был номинальный порядок, то фактически дело обстояло хуже, ибо эти батраки, получая «работные деньги» обычно непосредственно с нанимавших, находились в особо тяжелых условиях двойной эксплуатации: непосредственной эксплуатации на хамовном дворе, где они числились «сиделыми», т. е. постоянно работающими, с другой стороны — самых нанимавших, т. е. тех, с кого они получали деньги. Здесь случаи обмана и неплатежа, а часто и спекуляции, бывали, надо думать, особенно часты. Например, двое кадашевцев подрядили работать вместо себя двух мастериц «...на 188 год выбрать задейчатые скатерти, а скатерти (бьют они челом) у нас за них готовы, а за дело, государь, нам и по се число за работу не дают» (т. е. в следующем году).[2] А вот слова челобитчиков о старосте Гавриле, обвиняющих его в злоупотреблениях, в результате которых произошла недостача полотна, и в качестве аргумента в пользу своего обвинения указывающих, что «он, Гаврила, подрежался у многих людей твои государевы полотна делать и хлебное и денежное жалованье за тех людей имал».[3] Операции эти Гаврила производил именно в качестве старосты. На этой почве, по мысли челобитчиков, и могли иметь место его злоупотребления.

На несколько особом положении, и притом с самого начала века, находились ткачи-иноземцы. Хлебное жалованье им никогда не давалось. Так было, например, в Кадашеве в период 1626-1632 гг., причем в источнике это объясняется тем, что «им дают за поденный корм деньгами».[4] Так продолжалось до самого конца XVII в. Характерно то, что размер денежного жалованья одинаков с жалованьем русским хамовникам, т. е. 30 алтын; кроме того им идут «кормовые деньги», но для первой половины XVII в. размера их мы не знаем.[5] Эти «кормовые деньги» с самого начала, очевидно, были поденными; работали иноземцы на хамовном дворе, в особой «избе». Характерно, следовательно, и здесь: выдача поденных кормовых денег связана с обязательной работой на хамовном дворе. Размер этой поденной заработной платы для второй половины XVII в. в точности неизвестен, но можно думать, он был выше самой высокой ставки русскому ткачу, т. е. 12 денег в день. Так, имеется одно указание документов о том, что ученики поляка-ткача Борщевского, специалиста по тканью широких полотен, в 1660 г. уже прошли учение и «пожалованы» в хамовники на хамовный двор,

---

[1] КМ, III, стр. 144.
[2] Там же, стр. 100, ср. стр. 96.
[3] Там же, стр. 144.
[4] Там же, стр. 216, табл. и примечание.
[5] Кроме того, мы имеем указание, что хамовники-иноземцы получали особые деньги на мыло: так в 1627 г. двум хамовникам-полякам были даны на мыло 10 алт. (А. Викторов, ук. соч., т. I, № 789, стр. 325).

а «жалованья поденного корму велели учинить по 10 денег человеку на день». Поденный корм мастеров-иноземцев был, конечно, значительно бо̀льшим. Впрочем, и их положение было не слишком блестящим: дело в том, что политика Приказа Мастерской Палаты по отношению к ткачам-иноземцам заключалась в том, чтобы «обрусить» их, обратить их в православную веру, т. е. в конечном счете создать почву для лишения их того особого положения, на котором они находились как иноземцы. Им чрезвычайно льстили, их одаривали, чтобы легче обратить в православие,[1] а затем их положение сравнивалось с положением всех прочих хамовников, с бесцеремонными задержками выдачи жалованья,[2] с тем же обязательным тяглом, так что грань между ними и крепостным тяглецом стиралась даже и юридически.

Остается один вопрос: была ли описанная система «кормового поденного жалованья», ставшая, повидимому, господствующей во второй половине XVII в., единственно существовавшей в это время.

Исследование процесса разложения феодальной организации производства, а вместе с тем и социальной организации хамовных слобод (см. гл. II) привело нас к выводу, что, несмотря на быстроту этого процесса, он не закончился и к последним годам века — вся система производства и организация слобод продолжала оставаться двойственной; продолжала существовать и работа на дому (главным образом по выработке пряжи) и соответствующая этому организация тягла. Можно поэтому догадываться, что в конце XVII в. имелись и остатки прежней системы хлебного и денежного жалованья. Действительно, некоторые указания на это мы и находим в документах того времени. Так, например, в приказной резолюции по челобитью одного хамовника (от 1673 г.) запрашивается: «...на прошлые на 179 и 180 гг. кому хлебное жалованье дано, и для чего на нем Кондрашке с того чети дела государевы казны спрашивают»,[3] или уже приводившееся указание (от 1680 г.), что староста Гаврила «подряжал мастериц... и хлебное и денежное жалованье тем мастерицам отдавал».[4] А что это связано именно с прежней организацией тягла, показывает тот самый документ, откуда только что приводилась выписка из приказной резолюции; челобитье касается неправильно наложенной хамовной повинности на ткача, так как он лишился двора, т. е. окладного земельного участка: «государево дело взяли на мне... против прежнего, а землей владеет он...»

---

[1] Расходная книга Казенного Приказа под 122 г. (1614 г.) сообщает, что «куплено платье литве, хамовному мастеру Станиславу Красовскому да скатертному мастеру Александру Здепскому для их крещения», причем платье было куплено на 6 р. 15 а. 2 д. (РИБ, IX, ст. 133; также Викторов, ук. соч., т. I, стр. 71).

[2] КМ, III, стр. 96.

[3] Там же, стр. 97.

[4] Там же, стр. 144.

Итак, в Кадашеве, как вероятно и в Хамовниках, во второй половине века существовало две основных группы работников:

1. Работники на годовом хлебном и денежном жалованьи, т. е. выполняющие определенный размер хамовной повинности в виде «зделья».

2. Работники на поденном жалованьи, которое они получают помесячно, работая при этом исключительно на хамовном дворе круглый год.

Раньше всех последнюю группу образовали ткачи-иноземцы. Но постепенно и значительная часть русских хамовников к 80-м годам превращается в «кормовых ткачей». Эта новая форма заработной платы также говорит о решительных переменах в организации производства. Появляется по существу сдельная заработная плата рабочего, хотя еще и опутанная чисто феодальными порядками: и этот «кормовый ткач» остается крепостным, ибо прекратить работу он не имеет права; он также обязан наследовать повинность ткать «белую казну».

И все же, работая «беспрестанно», «денно и нощно» в «палатах» на определенном помесячном и поденном жалованьи, он уже становится гораздо ближе к рабочему мануфактурного предприятия, скажем, начала XVIII в., чем к деловице Кадашевской слободы первой половины XVII в. Для последней «хамовное дело» было лишь тягло, отнюдь не дающее средств к существованию; наоборот, для «кормового ткача» второй половины века, занятого полный день на хамовном дворе, это не только тягло (уже не в этом дело), но и единственный заработок.

Эта перемена, которая напрямик ведет нас к мануфактурной, т. е. капиталистической организации производства, не должна, однако, скрыть от нас того, что царское хамовное предприятие остается еще полностью чисто феодальным — вотчинным. И ассортимент продукции с ярко выраженным «придворным» характером, и самое назначение этой продукции — на потребности дворца, и, наконец, отсутствие расширенного воспроизводства — все это говорит о том, что, несмотря на ряд важнейших перемен в экономической структуре производства, прежняя экономическая природа вотчинного предприятия осталась до самых последних дней его существования неизменной.

VI. Сырье, размеры и назначение продукции

Изучение размеров и особенно назначения продукции при решении вопроса об экономической природе всего предприятия имеет важнейшее значение, и потому на этом вопросе следует остановиться подробнее.

Прежде чем произвести этот анализ, кратко остановимся на источнике основного сырья, именно льна.

В ярославских хамовных селах лен приобретался самим хамовником или деловицей, притом уже чесаный: «. . .отходя, мы по воло-

стям по ярманкам и по городам лен покупаем все чесаной. . .» (1632 г.).[1] То же позднее — в 1658 г.;[2] положение совершенно не изменилось и в 1669 г.: А полотна де они готовят из своего льну, а у кого не родитца лен, и они де покупают отъезжаючи на ярманках».[3] Вспомним, что тяглецам Брейтова и Черкасова давалось в виде жалованья «земля под лен» по полдесятине на «дело», но фактически эта земля им льна почти не давала: «. . . и они-де на той земле сеют хлеб, а льну сеют на той земле не по большому, потому что не родитца».[4]

Вспомним также существование здесь «льняного» денежного жалованья. Это неизменное положение еще раз косвенно говорит о том, что в Брейтове и Черкасове работа на дому была господствующим явлением в течение всего этого периода.

Иное дело в московских слободах. Здесь с самого начала хамовнику и деловице лен дается казной уже в готовом виде: «льняные деньги» поэтому здесь не существуют: «В Кадашевскую слободу даетца денег по вся годы на льяную покупку 158 р. 29 алт. 4 д».[5] Таков порядок в первой половине века, тем более он не изменился во второй половине,[6] когда значительная часть работников начинает работать на хамовном дворе. Размеры фактической покупки были различны:

В 1625 г.	было куплено	170	пятков	на	37 р.	13 а.	2 д.
„ 1626 „	„ „	561	„	„	114 „	32 „	4 „
„ 1627 „	„ „	232	„	„	32 „	8 „	2 „
„ 1629 „	„ „	32	„	„	4 „	26 „	4 „
„ 1630 „	„ „	527	„	„	110 „	27 „	
„ 1631 „	„ „	176	„	„	29 „	21 „	1 „
„ 1634 „	„ „	749	„	„	182 „	20 „	5 „
„ 1637 „	„ „	200	„	не указано			
„ 1642 „	„ „	646	„	на	443 р.	11 а.	
„ 1648 „	„ „	1746	„	„	573 „	6 „	
„ 1649 „	„ „	244	„	„	78 „	31 „	
„ 1691 „	„ „	—			32 „	25 „	2 д.[7]
„ 1692 „	„ „	—			603 „	—	3 „[7]

Разумеется, данные эти далеко не полны. Из всех известных 62 случаев покупки льна (за период 1625 — 1649 г.) — большая часть покупок приходится на тогдашний Владимирский уезд (Ярополь-ский лен), который был уже издавна и до XVII в. — одним из центров не только производства льна, но и обработки его. Остальные случаи большею частью приходятся на Мордовский лен Кадомского уезда; реже покупали в Муромском, Нижегородском, Ростовском и Суздальском районах; единичные случаи покупки льна относятся к Костромскому уезду и Переяславль-Рязанскому.

[1] КМ, III, стр. 57.
[2] Там же, стр. 141.
[3] Там же, стр. 38 и 39.
[4] Там же, стр. 39.
[5] Там же, стр. 40.
[6] Там же, стр. 156.
[7] Там же, стр. 40.

Районы покупки льна, таким образом, северо- и юго-восточные; северо-западные, в частности, такие прославленные льнопроизводящие районы, как Псковский и тяготеющие к нему, в документах отсутствуют. Имеется лишь один случай покупки льна в Осташковском уезде.[1] Покупался лен, конечно, и в Москве, но редко.[2] Очевидно, это было менее выгодно.

Покупка льна брейтовцами и черкасовцами производилась, понятно, в ближайших районах: «...а лен де покупают на Мологе и на Рыбной и Спасской волости»,[3] т. е. того же Ярославского уезда.

Характерен социальный состав продавцов льна: это большей частью помещичьи крестьяне (из 62 случаев покупки того же периода 1626—1649 гг. — 19) и государственные крестьяне (13 случаев). Значительно число случаев покупки льна у «торговых людей» (12 случаев) и у мордвы (8 случаев).

Покупки у крестьян составляют, таким образом, 34 случая из 62-х, т. е. около 55%, остальные приходятся на торговых людей, посадских, мордву.[4] Помещики ни разу не фигурируют в качестве продавцов: технические культуры в помещичьем хозяйстве навряд ли были особенно развиты, хотя отсутствие помещиков — продавцов льна, т. е. производителей товарного льна, еще не означает вообще отсутствия этой культуры в помещичьем хозяйстве. Не выходя за пределы наших источников, мы уже встречались с фактом существования в эту эпоху вотчинного текстильного производства у одного дворянина, к которому бил в закладное холопство высококвалифицированный ткач-кадашевец.[5] Существовали и другие вотчинные производства, например, в крупнейшем хозяйстве боярина Б. И. Морозова: в селе Старом Покровском (Нагавицине), Нижегородского уезда, имелся хамовный двор, в котором работало 3 ткача-иноземца (поляки) и производилось широкое тонкое полотно[6] (об этом см. выше, в гл. III).

Исследование в полном объеме вотчинного текстильного производства и, разумеется, не только в этот период — вообще чрезвычайно важно для истории возникновения крупного феодального производства, но это выходит за рамки настоящей работы.

При выяснении источников сырья в хамовном производстве Приказа Царицыной Мастерской Палаты интересен еще один вопрос, не находящий, однако, никакого отражения в источниках. Именно вопрос о связи с крупным льняным хозяйством Тайного Приказа. Хозяйство это было поставлено, как известно, на весьма

---

[1] См. КМ, III, стр. 156 и карту районов покупки.
[2] КМ, III, стр. 154 и 156.
[3] Там же, стр. 39.
[4] О ценах здесь не говорим — см. КМ, III, стр. 152—154; цены держались в этот период, примерно, на одном уровне, за исключением периода 1634—1648 гг. войны, тяжелейшего налогового бремени.
[5] КМ, III, стр. 194 (1691 г.).
[6] Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в., (хозяйство боярина Б. И. Морозова), изд. АН, 1933 г., стр. 184—185, 187.

широкую ногу,[1] с крупными посевами льна, с выпиской значительными партиями «псковских льняников», с постройкой крупного льняного двора в Измайлове и т. д., причем здесь производилась преимущественно первичная обработка льна.

Впрочем, производство полотна в системе хозяйства этого приказа также существовало: на Сафьянном дворе в Москве вырабатывалось широкое «кольское» (т. е. кольнское) полотно; работали главным образом иноземцы-поляки.[2] Вопрос о связи хозяйств этих двух приказов приходится, однако, решить отрицательно. В хозяйстве Тайного Приказа лен производился на продажу, причем на внутренний рынок шел лишь II сорт, который «на немецкую руку не годитца», а который «годитца» — шел большей частью за границу.[3] Поэтому можно думать, что отсутствие в наших источниках указаний на снабжение Тайным Приказом Приказа Царицыной Мастерской Палаты сырьем, т. е. на реальную связь этих двух вотчинных и весьма близких хозяйств, не случайно: непосредственной связи здесь, повидимому, не было.

Обратимся теперь к самой продукции хамовных сел и слобод. Состав этой продукции был рассмотрен выше. Остается изучить размеры ее. Здесь важны прежде всего не столько абсолютные цифры, сколько динамика их изменений. Результаты такого исследования оказываются чрезвычайно показательными.

Сведем данные источников[4] в общую таблицу (см. табл. XIII на стр. 100—101), причем для периодов с достаточно близкими количественными показателями даем общие средние цифры, что позволит быстрей уловить здесь характерные черты.

Присматриваясь к приведенной таблице, не трудно заметить следующее:

1) На протяжении значительного периода времени с 1626 г. по 1694 г. (т. е. за 68 лет) размер текстильной продукции, за исключением двух, максимум трех видов продукции, оставался почти на одном уровне, прирост был незначительный.

2) По Кадашеву производство половины числа всех видов продукции даже сократилось, хотя и незначительно, а иногда и вовсе прекратилось; причем характерно, что сократилось и прекратилось производство преимущественно наиболее трудоемких видов

---

[1] А. Н. Заозерский, Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, стр. 116—117. О посевах льна и покупке семян см. РИБ, т. XXI, ст. 1183, 1185, 1273, 1274, 1150, 1192, 1401—2, 1037; о псковичах-льняниках: 1245, 1205, 1263. 1284; РИБ, т. XXIII, ст. 595, 640; о льняном дворе: РИБ, т. XXI, ст. 1229, 1245; РИБ, т. XXIII, ст. 891 805 и т. д.

[2] См. РИБ, т. XXIII, ст. 1222; поиски мастеров: РИБ, т. XXI, ст. 1036—38, 1352, 1149; хлопчато-бумажное производство: Зап. Русского отд. РАО, т. II, стр. 378; РИБ, т. XXI, ст. 1351—2; см. Заозерский, ук. соч., стр. 249. Один документ, относящийся к текстильному производству Тайного Приказа, попал и в материалы по хозяйству Приказа Царицыной Мастерской Палаты, но очевидно случайно (КМ, III, стр. 63).

[3] А. Н. Заозерский, ук. соч., стр. 248; РИБ, т. XXI, ст. 379—380, 1185 и 1589.

[4] Пользуемся данными сводных таблиц размеров продукции в КМ, III, табл. 11, 12 и 13, стр. 211—215.

изделий чисто придворного назначения — именно скатертей посольских, грузных убрусов и утиральников (последние являлись, большей частью, полуфабрикатом, подлежащим дальнейшей отделке шитьем). Сокращение производства тверских полотен, правда, сравнительно небольшое — понятно в связи с одновременным расширением производства этого сорта полотна в Хамовнической слободе, примерно, на ту же величину.[1]

Увеличение размеров продукции коснулось другой половины всего числа вырабатывавшихся видов изделий, причем за исключением гладких двойных полотен это увеличение в абсолютном, да и в процентном отношении достаточно ничтожно (1 — 2 — 4 штуки изделий).

3) По Хамовнической слободе в середине XVII в. произошли более серьезные изменения: производство тверских скатертей прекращается вовсе, зато на 91% увеличивается производство тверских полотен, продолжая и до конца века держаться на этом уровне.

4) По Брейтову и Черкасову прирост продукции несколько более ощутим; относится он к двум видам выработки: гладким двойным полотнам и шитым убрусам; зато прирост продукции по остальным, притом основным видам продукции — в абсолютном выражении ничтожен (7 и 2 шт. изделий).

Расширенного воспроизводства, следовательно, в основном *не было*. Далее, очень важно хронологически сопоставить размеры выработки в хамовных селах и слободах с числом работников, занятых этой выработкой; но так как систематических данных о численности последних мы не имеем, то приходится для сопоставления брать количество рабочих окладных «дел». Сопоставление приводим в виде таблицы:[2]

Таблица XIV

Где	Количество «дел»			+ или — количества «дел»		+ количества выработки в окладном выражении по «делам» к 1682 г.
	1626 г.	1631 г.	к 1682 г.	Абсолютн. цифры	в %	
Кадашево	—[3]	$189^1/_2$	140	$-49^1/_2$	—30	+ 45 «дел»
Брейтово и Черкасово	$158^3/_4$	—[3]	$191^5/_8$	$+32^7/_8$	+20	+ 42 „

[1] Сокращение производства полосатых тройных полотен (в абсолютном выражении) на 1 полотно слишком ничтожно и потому навряд ли требует особых пояснений.

[2] По Хамовнической слободе от сопоставления приходится отказаться, так как количество «дел» за первую половину XVII в. здесь неизвестно: известно лишь количество дворов (см. гл. I), но сопоставление количества дворов в данном случае ничего дать не может.

[3] Данных нет.

Годовые показатели размеров продукции

Где и когда		Что производится											
		Полотна двойные гладкие	Полотна двойные полосатые	Полотна тройные гладкие	Полотна тройные полосатые	Полотна тверские	Полотна основные	Скатерти задейчатые (в столбцах)	Скатерти хлопчатые (в столбцах)	Скатерти посольские (в столбцах)	Убрусы шитые (в полках)	Убрусы грузные (в полках)	Утиральники	Скатерти тверские (в столбцах)	Полотна убрусные полосатые
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Кадашево	в период 1626—1631	38	4	101	12	173	2	26	28	2	97	4	3	—	—
	1631—1644	39	4	104	12	157	2	26	28	2	105	3[1]	—[1]	—	—
	1670—1672[2]	39	4	105	11	157	4	26	28	1	105	1	6	—	—
	1672—1690	69[3]	4	105[5]	11	157	4	30	30	—	105[5]	—	—	—	—
В % за весь период	1626—1690	+82	—	+ 4	- 9	— 9	+100	+15	+ 7	—100	+ 8	—100	—100	—	—
Хамовническая слобода	1626—1629	—	—	—	—	120	—	—	—	—	—	—	—	11	—
	1629—1636	—	—	—	—	142	—	—	—	—	—	—	—	11	—
	1636—1639	—	—	—	—	170	—	—	—	—	—	—	—	13	—
	1639—1644	—	—	—	—	187	—	—	—	—	—	—	—	17	—
	1671—1694[2]	—	—	—	—	230	—	—	—	—	—	—	—	—	—
В % за весь период	1626—1694	—	—	—	—	+91	—	—	—	—	—	—	—	—100	—
Брейтово и Черкасово с пос. Воронец	1626—1631	66	—	138	—	—	—	38[6]	—	—	28	—	—	—	1
	1631—1635	64	—	137	—	—	—	38	—	—	56	—	—	—	1
	1635—1645	71	—	144	—	—	—	40	—	—	50	—	—	—	1
	1671—1682[2]	108	—	144	—	—	2	38	—	—	50	—	—	—	1
В % за весь период	1626—1681	+64	—	+4	—	—	+	—	—	—	+80	—	—	—	—

[1] 1634—35 гг. — по 8, 1633—36 гг. — по 7, остальные годы—по 2.
[2] Данные за 1644—1670 гг. отсутствуют.
[3] «Велено посольские скатерти и ниченицы отставить и вместо посольских скатертей и ниченицы велено зделать 30 полотен двойных да 4 скатерти задейчатых» (КМ, III; стр. 64).
[4] Только в 1675—1676 гг. — 97 шт., 1680—1681 гг. — 96 шт., 1681—1682 гг. — 113 шт
[5] Только в 1680—1681 гг. — 98 шт.
[6] Скатерти двойные и тройные в столбцах. Но это были скатерти задейчатые. См. КМ, III, стр. 50.

Из таблицы видно, что приросту продукции в Брейтове и Черкасове довольно правильно соответствует и увеличение числа окладных «дел»; в отношении же Кадашева мы наблюдаем совершенно обратное: число окладов уменьшилось почти на 50 «дел», а количество продукции увеличилось в окладном выражении на 45 «дел».

В свете того, о чем говорилось выше, этот факт отнюдь не является неожиданным: в хамовных селах прежняя вотчинная система производства с положением хамовной повинности на «дела», как видели, в значительной степени сохранилась на всем протяжении XVII в. (основная часть работников при этом продолжала, выполняя хамовное тягло, работать на дому); этим и объясняется, что увеличение продукции должно было выразиться и в увеличении количества «дел». Не то в Кадашеве, где прежняя окладная система, т. е. по существу вся социальная организация производства, в середине XVII в. терпит крах. Основная масса хамовников начинает теперь «беспрестанно», целый день работать на хамовном дворе не на прежнем «денежном и хлебном жалованьи», с «дела», а на поденном жалованьи: счет повинности на «дела» потерял и свое значение и смысл. Поэтому некоторое увеличение здесь, а по сути, как увидим ниже, прежний уровень производства, при значительном сокращении числа рабочих, идет не за счет увеличения количества окладных «дел» (с чем связано и увеличение числа работников), а за счет усиления эксплуатации хамовника. Иначе объяснить даже прежний уровень продукции при 30-процентном сокращении рабочего состава невозможно. Так, в новой связи с новыми данными мы приходим к прежним выводам; эта проверка еще раз подтверждает их.

Проанализируем теперь изменения размера текстильной продукции с точки зрения характера этих изменений. Значительный прирост продукции относится, как видно из таблицы, к трем видам выработки: прежде всего и больше всего к гладкому двойному полотну, затем к тверскому полотну, причем этот прирост относится и в Кадашеве, и в Хамовниках, и в селах ко второй половине XVII в., и, наконец, к шитым убрусам, производство которых увеличено было почти в 2 раза, но, характерно, что произошло это еще в первой половине века — в 1632—1633 г.[1]

Таким образом, производство изделий чисто «дворцового» ассортимента, например шитых убрусов, расширялось лишь в первой половине века, не изменяясь, а часто даже сокращаясь во второй. Наоборот, производство изделий широкого употребления, именно двойного и сравнительно грубого тверского полотна, расширяется и в слободах и в селах именно во второй половине века (с 1672 г.).[2] При этом важно отметить, что увеличение выработки этих сортов полотна шло за счет сокращения производства других видов изделий, имеющих, условно говоря, «дворцовый» характер: так, один

[1] КМ, III, стр. 215.
[2] Там же, стр. 212—215.

кадашевец в своей челобитной (1671—1672 г.) сообщает, что «велено в Кадашеве посольские скатерти и ниченицы отставить, а вместо посольских скатертей и ничениц велено зделать 30 полотен двойных да 4 скатерти задейчатых».[1] То же было и в Брейтове, и в Черкасове, и в Хамовниках. Таким образом оказывается:

В Кадашеве с 1672 г. вместо 2-х посольских скатертей и 2-х убрусов грузных велено производить 30 двойных полотен и 4 задейчатых скатерти.[2]

В Хамовниках с этого же, примерно, времени увеличили производство тверских полотен (на 44 шт.) вместо 13 тверских скатертей, производство которых с этого времени совершенно прекращается.[3]

В ярославских селах с этого же, примерно, времени увеличили производство двойных полотен на 37 шт. и 2-х нитяных полотен, отчасти вместо 2-х задейчатых скатертей.[4] Прежде чем объяснить эти факты, нужно поставить основной вопрос: именно вопрос о рынке продукции хамовных сел и слобод Приказа Мастерской Палаты.

Изучение источников заставляет, однако, сформулировать этот вопрос несколько иначе и выяснить существовал ли этот рынок вообще.

Дело в том, что достоверно известных случаев *продажи* «белой казны» насчитывается всего 7; из них 6 случаев относятся к первой половине века: 1626, 1631, 1633, 1634 (2 случая), 1637, и лишь один случай к 1686 г.[5]

В 1626 г. продали 200 полотен двойных, 600 полотен тройных и 500 убрусных полок, всего на сумму 2050 руб. В 1631 г. ассортимент продажных изделий шире: были проданы задейчатые, хлопчатые и тверские скатерти и полотна разные, но в количестве несравненно меньшем: всех сортов скатертей 75 столбцов и всех сортов полотен 82 полотна, причем сюда вошли и «лежалые полотна», т. е. брак; всего в 1631 г. было продано на сумму 152 руб. 14 алт. 2 ден. В 1633 г. продавались исключительно скатерти и убрусные полки, но в количестве еще меньшем, за исключением хлопчатых скатертей (разных видов скатертей 34 столбца + 87 столбцов хлопчатых скатертей, кроме того 30 полок убрусных), всего на сумму 124 руб. 28 алт. 2 ден. В 1634 г. продано еще меньше: задейчатых скатертей 12 столбцов и 4 тройных полотна всего на сумму 32 рубля. Состав продаж 1637 и 1686 гг. неизвестен.

Разумеется, менее всего вероятно, что этим исчерпываются все случаи продажи текстильной продукции хамовных сел и слобод; во

---

[1] КМ, III, стр. 64. Документ точно датируется на основании года, когда продукция этих двойных полотен была увеличена (именно 1672 г.). См. КМ, III, стр. 212.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. 147—149. И. Забелин, ук. соч., II, 1872 г., мат., стр. 153.

второй половине XVII в. эти продажи, конечно, продолжались, и притом, вероятно каждый год, но важно прежде всего установить вся ли продукция шла в продажу, а если не вся, то какая часть.

Основным источником для решения вопроса являются расходные книги «белой казны» Приказа Мастерской Палаты, сохранившиеся за годы 1626 — 1646 и частично за 1672 — 1683 гг. И оказывается: «первая самая большая и основная группа расходов «белой казны» почти за 60 лет остается без изменений, отлившись раз навсегда в одни совершенно определенные рамки и формы».[1] Именно: 1) собственно «царский обиход», 2) художественные работы в «хоромах» и «светлицах» царицы и царевен, 3) отпуск полотен на Ситный и Кормовой дворцы, 4) на обиход патриарха, 5) на обиход касимовского царевича, 6) в «убогие домы», главным образом, на «кровлю усопших», 7) подарки придворным, 8) пожертвования в церкви и монастыри.[2] Помимо многочисленных мелких расходов, вроде «дурке Манке на рубашку полотно тверское», или «в Иконный Приказ для иконных починков 5 арш. полотна тверского», или несколько более крупных: «к царице на простыни в мыленку и в портомойню 33 полотна тверских» и т. д. и т. д., мы имеем и более значительные дачи, составлявшие иногда большой процент всей годовой выработки данного рода изделия. Например, «137 г., 19 апр. — к царице 100 полотен тверских, а теми полотнами государыня жаловала постельниц... и мастериц золотных и белых, и портомой и карлиц, которые... погорели»,[3] т. е. в дачу пошла одна треть всей годовой выработки тверских полотен, а вместе с остальными выданными на различный обиход (30 полотен) годовой расход тверского полотна равнялся почти половине всей их продукции;[4] или: «про бояр на столы на большие скатерти 20 столбцов задейчатых» (всего в 1630 г. в Брейтове, Черкасове и Кадашеве было произведено 64 задейчатых скатерти), или (в 1632 г.) «в Конюшенный Приказ к государевым лошадям и к санникам на простыни 111 полотен тверских, а в них мерою 1320 аршин»; в 1637 г. на эти же надобности было дано 140 полотен. Нередки дачи в 50 полотен, 50 полок и т. д.

Вот они — основные статьи расхода «белой казны», расходы типичного вотчинника. В связи с этим упомянутые случаи продажи говорят скорей о продаже остатков, а не об основном товарном назначении продукции: из семи случаев в пяти мы имеем ничтожный, сравнительно со всем количеством выработки, размер продажи. Значительна партия проданных изделий лишь в 1626 г., но не забудем — это год возникновения Приказа Мастерской Палаты, сразу же приступившего к учету своих новых владений: вновь произ-

[1] КМ, III, стр. 40—41.
[2] Там же.
[3] Все примеры взяты у И. Забелина, ук. соч., т. II, мат., стр. 149—152, где напечатаны выдержки из расходных книг.
[4] Подчеркиваем, что пользуемся лишь выдержками из расходных книг, поэтому итоговые цифры не полны.

ведена была перепись хамовных слобод, вероятно, и сел; произведена была, очевидно, перепись и переданной «белой казны», скопившейся к тому времени в изрядном количестве; значительную часть ее поэтому и решили продать. В дальнейшем, однако, таких возможностей для продажи оказывалось мало.

От второй половины XVII в. мы имеем лишь одно указание на продажу и то без количественных показателей. Однако, думать, что продажи прекратились вовсе — нельзя. Может быть, эти случаи даже несколько участились. Дело в том, что до 1637 г. эти продажи «белой казны» проходили через Казенный Двор. С этого года велено «больши того, тое государевы белые казны на казенном дворе не продавати».[1] Таким образом, Приказ Царицыной Мастерской Палаты возымел желание вести свои, хотя и небольшие, торговые операции без посредников; возможно, что это было выгодней. Во всяком случае, это распоряжение показывает, что прекращать эпизодические продажи в приказе не имели в виду.

Итак, картина ясна: продукция хамовных сел и слобод Приказа Царицыной Мастерской Палаты — в основном *не предназначалась для продажи.* Товарной эта продукция не была.

Характерно поэтому, что продажная цена, например, двойного — 2 руб. и тройного полотна $1^1/_2$ руб. за 14 аршин была, оказывается, значительно ниже себестоимости этого полотна. С. Г. Струмилин, сопоставив все данные по затратам на производство этих полотен, нашел, что себестоимость двойного полотна (14 аршин)[2] была 3 руб. 18 коп., а тройного — 2 руб. 18 коп., а продавалось — первое — 2 руб., второе — $1^1/_2$ рубля. При этом автор совершенно правильно замечает, что, «конечно, царская казна могла позволить себе такой убыток, потому что хлеб, составлявший до трех четвертей учтенных нами издержек, доставался ей отнюдь не по рыночным ценам. Сомнительно даже, знали ли в Приказе Мастерской Палаты об этой убыточности».[3]

Таким образом, назначение продукции — это внутренние потребности дворцового хозяйства и его владельцев — вотчинников. Приведенный материал это доказывает с несомненностью.

В дополнение — несколько слов о продукции парусных полотен. В иной связи об этом уже неоднократно говорилось. Выяснилось, что производство это было совершенно иначе организовано без всякого положения на «дела», притом не на поденном, а на сдельном жалованьи.[4] Оказывается, далее, что, помимо всего этого, производство парусных полотен было организовано на своего рода хозрасчете: в 1696 г. было отдано на пряжу 6 пудов льна, «а естли б та пряжа была в тканье и полотна бы парусного было мерою 85 аршин с полуаршином, а по цене то парусное полотно становитца

[1] КМ, III, стр. 149.

[2] Включая сюда и хлебное жалованье в его денежном выражении по московским ценам соответствующего года.

[3] КМ, III, стр. XXII.

[4] На поденном жалованьи лишь первоначально.

из Мастерские Палаты по 4 алтына аршин, итого иметца по цене всего парусного полотна на 9 р. 23 алт. 2 д.».[1]

Произведена, следовательно, калькуляция себестоимости, чего мы по отношению к другим видам хамовной выработки не встречаем ни разу. Парусное полотно шло, очевидно, не на внутренние потребности вотчинника. И действительно, производство это организовано по *заказу извне*, именно из чисто военного Разрядного Приказа, который финансировал все производство,[2] являясь, таким образом, и покупателем продукции. Понятной становится и калькуляция себестоимости. Эта исключительность по отношению к одному определенному виду продукции лишь еще раз, с негативной стороны, подтверждает несомненный вывод о вотчинном характере производства.

Котошихин в своем сочинении о хамовных слободах и селах замечает: «и с тех слобод в тот приказ денежных доходов нет никаких, а идут доходы: полотна и скатерти и убрусы и иное, по указу на царский обиход и на царицын и царевичам и царевнам».[3] Историкам уже приходилось отмечать исключительную меткость и правильность характеристик Котошихина.[4] Приходится подтвердить это и на сей раз.

VII. Заключение. Характеристика экономической природы производства хамовных сел и слобод

Мы изучили весь материал, относящийся к той совокупности проблем, решение которых может дать ответ на вопрос об экономической природе хамовного производства в XVII в. Нам не раз приходилось констатировать феодальный характер всей его организации: для хамовника и деловицы прядение и ткачество есть *тягло;* иначе говоря, они обязаны вотчиннику, в данном случае царю, отработочной рентой.

Маркс характеризует ее следующими словами: при отработочной ренте «. . . непосредственный производитель часть недели обрабатывает фактически принадлежащую ему землю при помощи орудий труда (плуг, скот и т. д.), фактически или юридически принадлежащих ему же, а остальные дни недели работает в имении землевладельца, на землевладельца, даром».[5]

Эта характеристика довольно точно отвечает фактическому положению вещей и в наших хамовных слободах и селах: хамовник-тяглец работает (в начале XVII в.) преимущественно на дому, на своих станах; положенный на него размер выработки отнюдь не

---

[1] КМ, III, стр. 71.

[2] Оттуда шли деньги на жалованье и средства на оборудование производства. (КМ, III, стр. 104—105).

[3] Г. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 3-е, стр. 120.

[4] См., напр., А. Заозерский, ук. соч., стр. 295.

[5] К. Маркс, Капитал, изд. 8, т. III, ч. 2, стр. 569.

отнимает круглого года работы, наоборот, выполнение хамовной повинности навряд ли занимает больше 4-х, максимум 5-ти месяцев, имея в виду ту дробность и мелкость окладных «дел», о которой подробно говорилось выше. Остальное время ткачиха вырабатывала полотно отчасти на себя и, главным образом, на рынок; хамовники имели право беспошлинной торговли в житном ряду, беспошлинного провоза своих товаров по рекам; следовательно, торговля полотном своего изделия шла и за пределы Москвы.

При таких условиях реальное значение «государева жалованья» отнюдь не следует преувеличивать — оно не составляло основного источника существования хамовника и деловицы. Кроме того, как отмечалось выше, размер этого «государева денежного и хлебного жалованья», причем преимущественно натурой, т. е. хлебного — далеко не всегда соответствовал фактическому размеру выработки; чем дальше, тем чаще имело место положение, когда «против дел земли нет», когда, следовательно, исчезало и прямое соответствие размера «государева жалованья» данному объему «зделья» — последнее часто, особенно во второй половине века, в два раза и больше превосходило положенный, т. е. номинальный размер повинности, с которого шло это «государево жалованье».

Таким образом, мы в праве сказать, что «зделье» хамовника и деловицы действительно приближалось к «той форме, в которой здесь выражается неоплаченный прибавочный труд».[1]

Непосредственный производитель — хамовник (или деловица) здесь «остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования. При таких условиях отношение собственности необходимо будет выступать как непосредственное отношение господства и подчинения, следовательно, непосредственный производитель как несвободный».[2]

И действительно, нетрудно видеть, как тяглое состояние нашего ткача есть не что иное, как положение несвободного. Неся хамовную повинность, ткач не имел права «избыть» этой повинности, не имел права выхода из слободы, пока самый процесс разложения феодальной организации производства не открыл для этого окольный путь, действительный, впрочем, лишь для ничтожного меньшинства. Этот путь вел к превращению тяглеца в крупного торговца, с момента вступления в корпорацию гостей и торговых людей гостиной и суконной сотен освобождавшегося от хамовной повинности. Но явление это уже само по себе есть симптом разложения организации всей слободы.

Далее, никакого «повольного найма» мы ни разу не встречаем во всей прослеженной истории хамовных слобод, а тем более сел. Следовательно, о каком-либо свободном найме рабочей силы, при котором происходит определенный договор между нанимателем и

[1] К. Маркс, Капитал, изд. 8, т. III, ч. 2, стр. 569.
[2] Там же.

продавцом своей рабочей силы, говорить не приходится. Маркс указывал, что при капиталистическом производстве «собственник рабочей силы продавал ее постоянно лишь на определенное время, потому что, если бы он продавал ее целиком раз навсегда, он продавал бы вместе с тем самого себя, превратившись из свободного человека в раба, из товаровладельца в товар».[1]

Наш «новопришлый» таким именно и являлся: разрешение поселиться ему в привилегированной слободе означало прием его в число хамовников-тяглецов, т. е. вступление в число работников царского полотняного производства. При этом ни о каких сроках в документах речи нет: «новопришлый» просит разрешения поселиться навсегда. Следовательно, этот вновь вступающий продавал свою рабочую силу (а продавать ее он мог лишь при условии своей личной свободы)[2] не на определенный срок а, очевидно, навсегда.

Отсюда ясно, что появление в хамовных слободах «новопришлых», являвшихся элементом лично свободным, нисколько не противоречит сделанному заключению о крепостном характере рабочей силы: добровольно становясь под тягло, этот свободный человек — «гуляющий» или выкупившийся крепостной — попадал в положение, юридически и фактически ничем не отличавшееся от положения «старинного кадашевца», являвшегося «старинным» тяглецом. Что «новопришлые» — «гулящие люди» и пр. стремятся в хамовные слободы, а это относится преимущественно ко второй половине века, нет ничего удивительного: выгодней было стать под тягло в привилегированной Кадашевской или Хамовнической слободе, чем где-либо в другом месте. Но, вместе с тем, чем дальше, тем чаще мы наблюдаем явление, когда тяглец, обязанный хамовным «зделье», фактически является «избылым» и передает непосредственное выполнение этого «зделья» наемному работнику, тогда как сам все свое время посвящает торговле или промыслам, ничего общего не имеющим с текстильным производством; при этом такой тяглец зачастую находится в длительных отлучках из слободы, а иногда и вовсе в ней не живет, лишь числясь там: он оставался тяглецом лишь юридически.

Здесь, таким образом, личная несвобода выступает перед нами преимущественно как номинальное состояние. Фактически же в этом состоянии налицо такие элементы, которые зачастую приводят носителей их к верхушке московского купечества, «торговым людям», которые, являясь лично уже свободными, «с кадашевцами служеб не служат». Явление это характеризует крайние пределы социальной диференциации среди хамовников-тяглецов. Здесь по существу мы имеем разложение прежней феодальной организации производства, приводящей в конечном результате к выделению из числа тяглецов верхушечной группы.

Перевод всех тяглецов в самом конце XVII в. на оброк, заме-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 110.

[2] Которой он как раз обладал: свобода от какой бы то ни было крепостной зависимости была обязательным условием приема в слободу.

нивший прежнее натурализованное тягло, заканчивает ту стадию этого процесса, на которой мы застаем хамовное производство на рубеже XVII и XVIII вв.

С другой стороны, мы видели, как постепенно, особенно к концу XVII в., вместо определенного и притом небольшого размера хамовной повинности, выполняемой в виде работы на дому, резко усиливается работа в «палатах»: ткач начинает работать «беспрестанно». Прежняя система повинности по окладным «делам» обессмысливается, исчезает для этих групп и прежняя система «государева жалованья», одинакового для различных «дел», т. е. для различных видов выработки; «сиделый хамовник» положен теперь на поденную и помесячную заработную плату.

Отработок превращается в постоянный крепостной труд на хамовном дворе, т. е. в общем помещении. Крепостное хамовное тягло начинает выступать уже в новой форме, напоминающей форму эксплуатации в крепостной промышленности мануфактурного периода.

Фактически это означало резкое усиление эксплуатации хамовника.

И весь вопрос поэтому сводится к следующему: изменило ли это усиление эксплуатации хамовника самый способ производства? Прежде чем дать окончательный на это ответ, нужно еще раз подчеркнуть, что эта новая система всей организации производства, эти новые отношения в производстве не успели до самого конца века охватить все производство в целом. Прежняя система дает о себе знать до самого конца существования производства. Еще в 1673 г. один кадашевец бьет челом о том, что «государево дело взяли на мне, холопе твоем, против прежнего, а землею владеет он, Радион Власов»;[1] в 1681 г. мастерицы, нанятые одним хамовником, съехавшим неизвестно куда, просят «доправить работные деньги» на тех, кто «в их дворах... живут»,[2] т. е. перед нами прежняя прикрепленность данного вида изделий, в виде хамовной повинности к определенному двору; в ином случае навряд ли имело бы смысл требовать уплаты «работных денег» с новых владельцев того двора, тягло которого они выполняли.

О прежней системе организации производства свидетельствует и такой факт: один хамовник (в 1679 г.) просит сложить с него выделку задейчатых скатертей, т. к. это ему делать «не за обычай», и переложить на одну «осьмуху земли в лишках, а с той земли дела не делают»,[3] т. е. налицо та же прикрепленность определенного вида изделий к определенному двору: переменить данный вид изделий можно лишь при условии переложения этой повинности на другой двор, в данном случае пустой; иными словами, прежняя окладная система, как видим, еще в конце 70-х годов жива. Другие факты, но в иных связях, мы уже неоднократно приводили выше.

[1] КМ, III, стр. 97.
[2] Там же, стр. 101.
[3] Там же, стр. 64.

В ярославских селах эта система до самого конца века была даже преобладающей, если не исключительной. Но и в Москве она оказалась живучей. Произошло это, очевидно, потому, что не изменился способ производства: хамовное производство царских слобод и сел было и осталось до самого конца вотчинным производством.

В самом деле, можно ли назвать царское хамовное производство мануфактурой? Основным признаком мануфактуры классики марксизма считали ее капиталистический характер. Ленин писал: «По своему возникновению — мануфактура непосредственно примыкает к „первым стадиям капитализма в промышленности"».[1] Маркс указывал, что «капиталистическая форма кооперации уже с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу».[2]

Маркс подчеркивает капиталистический характер мануфактуры: «Как специфическая капиталистическая форма общественного производства, а на той исторической основе, на которой она возникает, она может развиваться только в капиталистической форме — она есть лишь особый метод производить за счет рабочего относительную прибавочную стоимость, или усилить самовозрастание капитала, что обычно называют общественным богатством».[3] При этом мануфактура, которая «всегда покоится на городском ремесле и деревенской домашне-подсобной промышленности, как своей широкой основе»,[4] создает специалистов-мастеров.[5] Отсюда — тот факт, что мануфактура «создает, кроме того, иерархическую лестницу среди самих рабочих».[6] Существенным признаком является территориальное разделение труда, которое «составляет характерную черту не нашей промышленности, а мануфактуры (и в России и в других странах)».[7]

Таковы основные черты мануфактуры, понимаемой как капиталистическая форма общественного производства.

Подходя с этой точки зрения к характеристике изученного производства, мы в праве констатировать наличие в организации его черт, характерных именно для мануфактуры. Это касается, прежде всего, разделения труда, достигшего и в ярославских селах и в московских слободах известной высоты: описанные выше производственные группы об этом ясно свидетельствуют, но это разделение труда, благодаря низкой технике, не могло быть строгим; часты были случаи, когда пряха заменяла ткачиху, ткачиха — бралью, бердник — ткача; связь с ремеслом, вообще характерная для мануфактуры, сказывалась здесь с особой силой.

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., 3-е изд., т. III, стр. 298.
[2] К. Маркс, Капитал, т. I, 1930 г., стр. 251.
[3] Там же, стр. 276.
[4] Там же, стр. 600.
[5] «Крупная машинная индустрия не могла бы так быстро развиться в пореформенный период, если бы позади нее не стояла продолжительная эпоха подготовки рабочих мануфактурой» (В. И. Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 333).
[6] К. Маркс, Капитал, т. I, 1930 г., стр. 272.
[7] В. И. Ленин, Собр. соч., 3-е изд., т. III, стр. 335.

Если это было характерно на всем протяжении истории хамовных сел и слобод, то ряд типичных черт мануфактуры появляется лишь позднее. Во второй половине века появляется уже иерархия среди ткачей, получившая свое достаточно ясное выражение в диференцированной поденной оплате рабочего, оплате исключительно деньгами, что также характеризует новые черты в производстве, приближающие его, как будто, к иному, именно к «капиталистическому способу производства, базисом которого служит наемный труд, оплата рабочего деньгами, и вообще превращение натуральных повинностей в денежные».[1]

Этот поденный рабочий работает уже, как сказано, на хамовном дворе, т. е. в общем помещении; производство полотен на рынок (от себя) если и не прекращается, то значительно ослабляется: сам хамовник занят на хамовном дворе «беспрестанно»; средства производства при этом, очевидно, принадлежат уже не ему. Так появилась «первая предпосылка мануфактуры: обособление средств производства, противостоящих рабочему в качестве капитала».[2] Но капитал ли противостоял хамовнику в царском полотняном производстве? Иначе говоря — было ли наше производство капиталистическим?

Предыдущее исследование дает на это ясный ответ: полотняное производство царских хамовных сел и слобод было чисто *вотчинным:*

1) Об этом достаточно ярко свидетельствует само назначение продукции, шедшей на удовлетворение потребностей хозяйства вотчинника-царя и царицы; на рынок шли лишь остатки.

2) Почти полностью отсутствовало или было ничтожным расширенное воспроизводство; как раз «законом докапиталистических способов производства является повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем основании: таково барщинное хозяйство помещика, натуральное хозяйство крестьян, ремесленное производство промышленников... хозяйственные единицы могли существовать веками, не изменяясь ни по характеру, ни по величине, не выходя из пределов помещичьей вотчины»;[3]

3) Наконец, отсутствовал вольнонаемный труд, за исключением ничтожного количества иноземцев.

Мануфактура есть ведь определенная система производства, признаки которой даны классиками марксизма. В прослеженном процессе разложения царского вотчинного производства, действительно, мы наблюдали появление черт, характерных для мануфактуры как системы. Но наличие даже такого существенного признака для мануфактуры, как сравнительно развитое разделение труда, затем появление поденного рабочего, являвшегося, однако, крепостным — еще не означает наличия всей системы в целом, т. е.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. II, 1931 г., столб. 324.
[2] Там же, т. I, стр. 271.
[3] В. И. Ленин, Собр. соч., 3-е изд., т. III, стр. 39—40.

именно как системы. Отсутствовало расширенное воспроизводство. При сокращавшемся количестве работников, прежний уровень производства поддерживался за счет усиления эксплуатации хамовника. Не было, следовательно, основного, что характеризует мануфактуру даже в том случае, если она основана на крепостном труде, не было того, что Маркс называет «движущим мотивом и определяющей целью капиталистического процесса производства... возможно бо́льшее самовозрастание стоимости капитала, т. е. возможно бо́льшее производство прибавочной стоимости».[1]

Мы проследили это вотчинное полотняное производство на протяжении почти всего XVII в. В процессе развития этого производства — а процесс состоял именно в разложении всей системы его организации — порождались те внутренние противоречия, которые отчасти успели уничтожить ряд феодальных черт в нем; появляются рабочие на денежном жалованьи, работающие в общем помещении, появляются «батраки» — в своем роде предпролетариат; наконец, происходит перевод всех натуральных повинностей в денежные. Словом, говоря коротко, сам процесс разложения феодально-вотчинного производства *расчищал путь к мануфактуре*. Но мануфактурой, т. е. капиталистическим, хамовное производство так и не стало, ибо «движущие мотивы и определяющая цель» организатора производства — царя-феодала — были и до самого конца остались чисто вотчинными.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, 1930 г., стр. 248.

БИБЛИОТЕКА
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО Ф-ТА
ЛГУ 128497

Ответственный редактор В. Н. КАШИН. Технический редактор А. Ф. ДОБРЫНИН.
Книга сдана в набор 13/IX 1934 г. Подписана к печати 7/XII 1934 г.
ГАИМК № 29. Ленгорлит № 18699. Тираж 2000 экз. Заказ № 2102.
Формат бумаги 62×94 см. 7 авт. л. (82,2 тыс. тип. знак. в 1 бум. л.) Бум. л. 3½.
2-я типография „Печатный Двор" треста „Полиграфкнига". Ленинград, Гатчинская, 26.

II-39741 К18 Р946

1 р. 50 к.

ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Выпуск 72

Б. Д. Греков. Очерки по истории феодализма в России.
160 стр. Цена 2 р.

Выпуск 86

Б. Д. Греков. Рабство и феодализм в Киевской Руси.
164 стр. Цена 2 р.

Выпуск 92

Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв.
130 стр. Цена 2 р. 50 к.

Выпуск 98

Н. Б. Бакланов, В. В. Мавродин, И. И. Смирнов. Тульские и Каширские заводы в XVII в.
160 стр. Цена 3 р.

Выпуск 103

С. Н. Быковский, Е. К. Некрасова, А. С. Поляков, [redacted] В. И. Равдоникас, С. П. Толстов, [redacted]
Основные вопросы генезиса и развития феодального общества.
395 стр. Цена 5 р.

ИЗДАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
имеются в продаже

в Ленинграде { магазин № 1 Ленокогиза, пр. 25 Октября, 28,
магазин № 109 Ленокогиза при Гос. университете,

в Москве { магазин № 2 Могиза, Моховая, 17,
магазин № 15 Могиза для научных работников, ул. М. Горького, 26,

по СССР — магазины Когиза.

Издания ГАИМК имеются во всех библиотечных коллекторах.
Издания можно выписывать наложенным платежом,
направляя заказ по адресу
Ленинград, ул. Халтурина, 5.
Государственная Академия Истории Материальной Культуры.